

Маргарита Пятецкая

Сказание о Ямата

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Маргарита Пятецкая

Сказание о Ямата Кагура

«Автор»

2026

Пятецкая М. С.

Сказание о Ямата Кагура / М. С. Пятецкая — «Автор», 2026

Хотару — молодая дочь самурая, чьё имя и происхождение скрыты под маской слуги в родовом поместье: она считается позором семьи, ведь не владеет мечом и не умеет сражаться. Её отец погиб как герой — в отчаянной схватке с демоном Ямата Кагура, спасая жителей Японии. В его честь каждый год проводят Фестиваль Солнца, воспевающий подвиг павшего воина. Но тщательно оберегаемая тайна Хотару раскрывается и доходит до сегуната.

© Пятецкая М. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Усадьба великого Кадзема	5
Глава 2. Ронин Рютаро	8
Глава 3. Смерть Дзиро	10
Глава 4. Жестокий урок	12
Глава 5. Фестиваль Солнца	14
Глава 6. Разоблачение	17
Глава 7. Дальняя дорога	20
Глава 8. Масао	23
Глава 9. Тренировка и тайна сегуна	27
Глава 10. Одержимый Хиро	31
Глава 11. перевязка и выздоровление	35
Глава 12. Гэнины	37
Глава 13. Испытание одержимостью	42
Глава 14. Травник Кендзи	46
Глава 15. Симпатия	51
Глава 16. Дорога в Осаку	57
Глава 17. Застава	69
Глава 18. Сиротка Юки	87
Глава 19. Храм синоитов. Иссай	95
Гла	130
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Маргарита Пятецкая

Сказание о Ямата Кагура

Глава 1. Усадьба великого Кадзема

Меня зовут Хотару. Я живу в городе Сакурагава. Рядом с моим домом цветет сакура. Цветы падают в воду, - искусственный пруд. В нашем доме увлекаются «тююэей», - садовым искусством. Крестьяне терпеливо сажают семена, строят мосты, роют водоёмы. Гнут спины ради красивой картинке.

Корни сакуры прогнили, но этого никто не видит. Над землёй, словно Солнце, сияют лепестки прекрасных цветов. Даже мне не устоять перед их магией.

Мой брат Синсуке говорит мне, что я «фуганай» - никчёмный человек. Он винит меня в том, что я не могу составить славу семейной фамилии Кадзема. Это род смелых воинов, прославивших свое имя в битве с известным демоном Кагуро Ямата.

Сто лет назад, когда страной правили наши деды и бабушки, жил Он - Кагура Ямата. Это чудовище могло принимать любой облик, от ужасного змея толщиной в стену дома до хрупкой девушки, чье лицо западало в сердце, как стрела, да так и оставалось, медленно убивая своего хозяина. Никто из ныне живущих и мертвых не знает, как на самом деле выглядит этот загадочный монстр. Говорили, что Кагуро Ямата вышел из самой черной и низменной души человека, который прогнал до самых костей. Моя бабушка Хикари рассказывала, мне, неразумному ребенку, что Ямата радуется, когда человек совершает плохое дело. В это момент Он вспоминает, каким сам был когда-то, до мира теней.

-Хотару!

Я оглядываюсь и вижу злое выражение лица своего брата.

- Хотару! Почему ты сидишь сложа руки? Разве ты не помнишь, какой сегодня день? Иди на кухню и помогай во всем, о чем тебя попросят. Только не мешайся! Все! Иди!

Сегодня тот самый день. День фестиваля Солнца в честь победы над Кагуро Ямата. Как клан Дайме мы должны приготовить лучшее угощение для сегуна и стражников.

Выхожу во двор, где стоят нетронутые мешки риса. Вчера Дзиро не донёс их до кухни, потому что болеет «какке». Он плохо ест и весь бледный. Семьи крестьян не могут позволить себе хороший рис. Они платят налоги дворянам.

Беру мешок и еле тащу до кухни. Ох-х-х! Какой же тяжёлый! Что сказать брату, чтобы не понял отсутствие одного из крестьян?

Наша усадьба больше похожа на крепость. Огромные ворота закрывают нас от мира, стена разошлась черной полосой по всему саду. Черда ступенек из плоских каменных плит тянется до главного входа в дом. Я знаю: это не роскошь, это необходимость поддерживать свой титул среди феодалов. Чем богаче усадьба, тем ниже поклоны со всех сторон.

Больше всего я люблю огород. Там красуются молодые саженцы огурцов, лука и шпината. Особенно ценится «дайкон»- гигантская белая редька, очень питательная, такой, можно наесться до отвала.

Сосны и кедры разошлись стеной вдоль скромного домика слуг. Дальше - конюшня и амбар. Домик для купания. М-м-м! Горячая ванная Офуро. Помню, деревянный настил для обливания водой, запах бобов маши (мыло). Все это наводит на меня тоску. Когда-то и я была вхожа в это священное место. А теперь таскаю мешки наряду с прислугой.

Ну, ничего! Уже пришли! Кухня - это домик с каменными стенами. Где как не здесь гореть огню? С облегчением бросаю мешок риса. Грею руки у большой печки, чтобы снять боль. Все-таки осень уже чувствуется.

- Хотару! Уже на работе? Ни свет ни заря?

Вижу радостное доброе лицо О- Мицу. Она разделявает большущую макрель. Та выпучила глаза, словно еще живая.

- Ай-яй-яй! Господин Синсуке совсем тебя не жалеет.

Извиняюще улыбаюсь. За все. За мою нелепость. Невозможность быть на равне ни с братом, ни с О-Мацу. Люблю эту женщину. Она добрая простая. До нас прозيبавшая на улице. Я кое-как уговорила брата взять ее к нам.

- Хироши еще не пришел?

Спрашивает Юкимиро, воин, сражавшихся вместе с моим отцом против Ямато Кагура.

Я опускаю глаза и качаю головой. Юкимура хмурится. Большие мясистые руки складываются в крест.

- Хотару, тебе лишь бы змею на шее пригреть! Опять этот парень отлынивает. Раз пришла, не стой столбом! Мне нужен рис для готовки роллов.

Спыхватываюсь и бросаюсь на улицу. Юкимиро и другие папины друзья готовят только сложные блюда вроде рыбы Фуги, лапши Собы ручной работы или роллов. Черновая работа достается нам.

Когда с мешками покончено, падаю на скамейку и перевожу дух. Интересно, как живется воину? Больше свободы?

Нет, не думаю. Сенсуке тоже подчиняется. Как дайме он несет личную ответственность перед сегуном за многое. Например, ежегодно финансирует и охраняет заставы на главных дорогах, ведущих к замку сегуна. Это в целях безопасности "каммури" (головной убор японской аристократии). Мой брат задерживает воров и разбойников, а так же оружие, которое может попасть в руки изменников - ронинов, взбунтовавшихся против правительства. По мимо этого он так же заботится об обеспечении почтовых станций, чтобы связь между сердцем страны и его городами не прерывалась. Ежегодно мы поставляем по 100 лошадей для чиновников сегуна! За лодочные переправы платим тоже мы. И я уже не говорю о том, что только день назад Сенсуке отослал примерно 300 000 рабочих, готовых трудиться день и ночь, ремонтируя водные каналы столицы.

Да, жизнь дайме тяжела. Но это всё-таки хоть какой-то ранг в обществе. А у меня, бедной пустышке Хотару, нет и этого. Папа намеренно скрыл от сёгуна факт моего существования, чтобы защитить меня от закона «Санкин Котай»

(заложничество). Несколько лет назад страна пережила страшное мятежное время. Каждый второй дайме подозревался в измене. Тогда сегун ввел новое правило. Родственников подозреваемого феодала брали в заложники и использовали как рычаги управления лордом. Что оставалось владельцу земель? Сдаться. Или пойти против своих. Многие сдавались. А многие поступили так, как мой отец.

Время прошло. Война изменила людей. Сделала их сердца более мягкими, а умы открытыми к состраданию. Но факт о моем рождении так и остался скрыт. После смерти отца я навсегда потеряла надежду вернуть себе "свое". Право быть собой. Каждый день мне приходится носить одежду служанки, и жить, как бы извиняясь за то, что живу. Брату нет дела до меня, и я могу его понять. Чем я могла бы быть полезна в качестве самурая? Меч в руках держать не умею, даже упражнения с «ногинатой» (женское оружие) даётся мне туго. Заявить о себе, означает сказать: «Вот она я, тупица Хотару!» Покойный отец не заслуживает такого позора.

Голос Тонгаку приводит меня в чувства.

- Не мешай! Ты знаешь, тебе доверили самую простую работу, с которой и дурак справиться. Мне бы хватило всего 5 минут, чтобы раскидать все эти мешки по кухне.

Тонгаку - женщина-самурай, ровесница моего брата, отличный стрелок, хорошо владеет мечом, но, на мой взгляд, имеет невыносимый характер.

- Что мне делать?

- Не мешаться. Иди в город съешь какое-нибудь моти.

Послушно отправляюсь в путь. Наша усадьба находится в призамковой части самого сёгуна - главного феодала Японии, который фактически управляет страной. У нас в городе повсюду рвы и водные каналы. Раньше это служило защитой от Кагуро и других врагов. Сейчас красивое напоминание о ценности мирных дней.

Глава 2. Ронин Рютаро

Дома крестьян, в отличие от дворянских усадеб, близко расположены к друг другу, липнут и оставляют между собой маленькие проемы — кварталы бедности.

Резиденция сегуна выглядит как огромная башня, красующаяся над остальными шляпками крыш.

На большой площади расположен базар — суп из звуков, запахов и людей самой разной масти, от дворян до попрошаек с протянутой рукой. Идеальное место, чтобы потеряться в толпе и забыть свое горе. Бедняк может представь себя здесь богачом, слуга — свободным, дворянин — правым, а чужой — своим. Пока никто не видит, ты свободен.

Я беру рисовую лепешку, плачу за нее 360 мон. Вкусно. Еще горячая. Иду по улице. Все бы хорошо, но спиной чувствую на себе пристальный взгляд. Оборачиваюсь.

Вижу перед собой человека, от которого кровь стынет в жилах. Это ронин. Причем не кто-то, а Рютаро. Тот самый, который хорошо был знаком с моим отцом.

В последний раз я видела их вместе за ужином в честь совершеннолетия Сенсукэ. Во время визита отец велел мне не выходить из домика служанок, ведь даже никудышная дочь самурая легко бы выдала себя по манере сидеть в позе «сейдза» (на коленях), белой коже и ровной спине. Тогда, когда остальные самураи в мерах безопасности отзывали своих дочерей в глухие монастыри, мой папа не смог решиться обречь меня на такое прозябание. Наверное, он питал ко мне особую привязанность. Может, я напоминала ему мою мать, бесславно погибшую, защищая наше поместье от ронина во время внутреннего мятежа в стране.

В тот день отец отвел мне комнату привелигированного слуги — самое удобное место. Там я неподвижно сидела, собрав под себя ноги, и вслушивалась в каждый шорох в этом крыле усадьбы. Словно испуганный заяц. Моя комната представляла собой скромное помещение в 5 татам

(примерно 7 квадратных метров). Раздвижные окна были настоящей роскошью для простой служанки, но я знавала и большее. Рядом стоял низкий деревянный столик для ведения записей и подсчетов. Там фиксировались расходы риса, дров, дорого шелка и много чего, что нужно для жизни в большой усадьбе. Когда я совсем успокоилась, то услышала незнакомый мужской голос.

— Гэнин Танако Кацуру (личный военный слуга). Прошу прощения.

Раздвижная дверь с шумом отворилась, и я увидела юношу в коротком кимано и штанах хакама. На рукавах безупречно сидящего хаори я заметила древний фамильный герб самурая, которому он служил. Значит, это слуга гостившего у нас Рютаро.

Генин сел напротив меня, так же подобрав под себя ноги. Из дорожного рукава юноша вынул меч, обернутый дорогими тканями. Положив его на татами, он стал медленно разворачивать ткань, всем видом показывая: «Это подарок от моего господина».

Наверное, Рютаро решил высказать честь моему отцу, подарив новый клинок к совершеннолетию брата. Но почему передает тайно? Не любит помпезных сцен? Открытое вручение подарка вменило бы моему отцу обязанность отплатить тем же. Прилюдно. То, что сделал Рютаро — дружеский жест соратника по мечу. Хорошо, что у моего папы есть такие друзья. Я опустила глаза и стала рассматривать клинок.

Он был прекрасен! Линия закалки выполнена в стиле «мидере-хамон» — она волнообразная, неровная, напоминает заснеженные пики далеких гор, окутанные туманом. При свете дневного солнца внутри хамона видны мириады крошечных блестящих кристаллов «ниэ», похожих на звездную пыль. Рукоять из редкого дерева обтянута белоснежной кожей гигантского ската.

Ах, сколько любопытства, гнева и зависти было тогда в моих глазах! Я так увлеклась чужим подарком, что совсем забыла, где мое место. Промелькнуло ли это в голове у гэнина? Я медленно подняла голову и ...совершила роковую ошибку! Нельзя было простой служанке рассматривать лицо гэнина! Всего секунды хватило, чтобы понять: «Я кто-то больше, чем есть». Мы разошлись, но мое сердце ещё долго не переставало трепыхаться от страха. Что со мной будет, если гэнин донесет своему господину? Целый день я провела тогда в муках о том, что совершила страшную ошибку и так и не решилась рассказать об этом отцу. А брату — тем более.

Прошло много лет. Ситуация исчерпала себя. Но сейчас передо мной снова Рютаро, только совсем другой. Обозленный, голодный, уязвленный в своей гордости. Он лишился своего дайме, поместье разорилось, и воину приходится искать новые пути жизни.

Глава 3. Смерть Дзиро

- Где твой господин?

Рютаре спрашивает сейчас о моем брате. Слуги, как и поместье, передаются посмертно в качестве наследства.

- Он готовится к фестивалю Солнца.

- Он совсем позабыл доброе имя Рютаро, друга его отца. Какое дело мальчишке до чужого горя? А ты, чего пятишься от меня? Я - прославленный воин Рютаро! Я воевал вместе с твоим господином против Ямата Кагура! Как ты смеешь, поворачиваться ко мне спиной. Ты!

Он пытается схватить меня за шиворот кимоно, но изворачиваюсь и бегу, что есть мочи. Наконец, останавливаюсь возле сосны и перевожу дыхание.

Похоже, Рютаро действительно не знает, что я дочь самурая. Гэнин не донес. И это успокаивает. Но что-то внутри меня не спокойно. Будто впереди ждет беда.

Корни Сакуры давно прогнили, но этого никто не видит. Все чествуют ее свет, изливающийся от живых лепестков. Люди спокойны в своем празднике и не думают о беде. Тяжело человеку, который видит немного больше.

Дом Дзиро ветхий и маленький, как испуганный ребенок, извиняющийся за свою шалость. Соломенная крутая крыша, стены из крепкого бамбука. Внутри помещение с глинобитным полом, в центре - большая печь, сердце дома. Кухню и жилое помещение разделяет раздвижная перегородка – «фусума».

Мама Дзиро, О-Мацу, смотрит на меня с видом посланника бедствия. Я знаю, этот взгляд не предвещает нечего хорошего.

- Где Кендзиро?

Спрашиваю я о главе семейства.

- В поле.

Сухо отвечает женщина. Значит, уборка рис уже началась. Подхожу к Дзиро. Он спит. Нет. Не спит. Тяжело дышит. Кожа синяя, как у утопленника. Стопы и кисти рук отекли. Он не встанет к фестивалю Солнца. Что мне сказать брату?

Хватаю руку крестьянина, грубую. Говорю:

— Держись.

А самой стыдно. За свою беспомощность, за неспособность чем-то помочь.

Дзиро молчит. Он знает меня. Знает хорошо. Отмалчивается.

Мацу сурово прощается. Пора в поле. Значит, Хироши останется один и это последний раз, когда я его вижу.

Я кланяюсь. Глубоко. До земли. Чтобы моих слез не было видно за тихой улыбкой прощания. Дзиро, пора в путь.

- Где тот слуга?

Спрашивает Сенсуке.

Я опускаю глаза и молчу.

- Так и знал, что он пьяница и пройдоха. Раз так, Хотару, работай за него!

Я не ожидала другого. Но сначала приберусь на своей части - внутри дома. Беру веник. Мне помогают другие служанки: О-Нацу, О- Фую, О-Хару. Когда с сухой уборкой покончено, становимся на четвереньки, зажимаем руками тряпку и бежим наперегонки по коридору. Такое себе развлечение, но на душе все равно становится веселей.

Дальше сметаем со стен пыль специальными пиками с перьевым стержнем. Стены дома бумажные, поэтому требуют деликатности.

Наконец выхожу во двор и наравне с мужчинами (прислуги) подметаю двор, собираю граблями опавшие листья и сорняки, поливаю до блеска плитообразные камни в декоративном саду.

Возвращаюсь в дом. Юкимуро начищает меч. Люблю наблюдать, как воин медленно и методично проводит по всей длине клинка «нигуигами» (рисовой бумагой), постукивает наносит пудру, которая светится на свету. Волшебнo. Несколько капель гвоздичного масла - всё. Смертоносное оружие готово. Но как же прекрасно его лезвие! Всё это напоминает мне папу. Как я скучаю по нему!

Тонгаку, знаменитая лучница, проверяет стрелы. Покрывает древко бамбука лаком уруси, наносит на наконечник несколько капель камелии.

Черные тяжелые волосы собраны в тугой хвост. Юбка хакама смотрится на ней отлично. Как и кимоно, подвязанное за спиной. Это превосходный воин, полный решимости быть правой во всем. Ее черные глаза не отрываются от оружия.

Нобунага, гость из соседнего города, приехавший покрасоваться своими способностями в рукопашном бое, обнашивает уже чистые доспехи и тренирует технику железного хвата.

Глядя на то, как воин упорно сжимает бамбуковую палку, я невольно вспоминаю, как отец обучал меня искусству владения нагинатой.

Глава 4. Жестокий урок

Лето. Мне 12. Я и мой отец стоим на тренировочной площадке во дворе поместья. Вокруг нас идиллия — цветут летние деревья, птицы мирно щебечут что-то о нас на своем, слуги поливают камни в саду. Но я не замечаем этого. Мои руки стерты в мозолях и зудят. Тело еле удерживает на весу нагинату.

— Подними клинок. В десятый раз сегодня говорю, оружие — это твоё лицо. Зачем ты позоришь меня перед предками?

Голос отца строг, но я знаю: он говорит это, чтобы защитить меня. Если я не смогу овладеть искусством хотя бы этого оружия, то у меня не будет шансов пробиться в люди.

Поднимаю клинок и тяжело дышу. Миг. И отец делает стремительный шаг мне на встречу, со скоростью света он бьет своей нагинатой по моей, и оружие выскальзывает из рук. Как же больно!

— Держи крепче! Что если завтра — бой? Так и будешь стоять столбом перед нападающим?

Я молчу. На глаза наворачиваются слезы, но усилием воли подавляю желание пожалеть себя. Отец прав: либо пан либо пропал. Поднимаю оружие. Встаю в стойку, как меня учили. Шаг назад правой ногой, ногинату — вперед. Делаю замах для удара. Вот! Сейчас! Но... оружие настолько велико, что теряю равновесие. Мой размашистый рубящий удар сверху выглядит настолько жалким, что отец даже не поднимает оружия. Просто отходит в сторону, и удар бездарно уходит в землю.

— Ты нападаешь, как пьяный крестьянин с мотыгой! Где Тай Сабаки? (уход с линии атак) Где работа бедер? Ты просто машешь палкой.

И снова. Этот ужасный колющий удар. Нет, не в тело. А в сердце. Почему отец умеет бить, даже не нанося удары? Собираюсь. Обратного пути нет. Лить слезы — пустая трата времени. Принимаю оборонительную позицию, выжидают, пока отец сделает свой ход.

Удары, как дождь, сыпется по плечам, бедрам и рукам. Закрываю глаза от боли.

— Хотару, открой глаза! Смотри опасности в лицо! Ты должна видеть, откуда наносится удар! Где блок? Почему не защищаешься? Выпрями спину!

Через силу заставляю разум снова вернуться и думать. Замечаю траекторию папиной нагинаты. Бью в цель! Да! У меня получилось! Наши мечи скрещиваются. Но...какой сильный напор! Руки просто не выдерживают такого давления.

Миг. И меч соскальзывает. Я получаю сильный удар в лоб от своего же оружия! Падаю на спину. Проклятье! Провожу по лицу и вижу красную полосу на ладони. Это кровь? Нет! Никакой жалости. Мгновенно вскакиваю, но мушки перед глазами заставляют потерять равновесие. Снова упала? Прямо как мешок картошки. Ну и зрелище со стороны! Да чтоб тебя!

Сквозь темные пятна, которые плывут у меня перед глазами, пытаюсь разглядеть реакцию отца. Что это? Гнев? Ярость? Может, жалость? Нет, только бы не последнее.

Картинка проясняется и я вижу грустные глаза поседевшего старика. Мне жаль его. Жаль, что я превратила его славный клан в посмешище для других самураев. Жаль, что ему придется всю жизнь прожить в страхе перед сёгуном и тайной, которую он хранит.

Крик брата возвращает меня в реальность.

— Все! Собирайтесь! Дворец уже украсили бумажными фонарями! Того и гляди — опоздаем.

Обычно я не хожу на такие процессии. Слишком много лишних глаз. Но это фестиваль Солнца. Тот самый фестиваль, в честь победы над страшным чудовищем Ямата Кагура.

Надену одежду слуги и покрою голову бамбуковой шляпой. Так меня точно никто не узнает. Выхожу к замку сёгуна. А там уже полно народа. Военные разведчики и герольды открывают конный марш криками:

— Ситане ни! Ситане ни!

Это значит — "Вниз! На колени!" Крестьяне привычно гнут спины и закрывают глаза. Они знают, что за неповиновение их ждет короткая и бесславная смерть — отсечение головы. Смотреть в глаза самураю — все равно что крикнуть на всю площадь: «Я готов к смерти!»

Далее шествуют слуги самураев. Они несут знамена каждого клана — громадные копьё (выше человека) в декоративных чехлах из птичьих перьев. На каждом таком знамени изображен герб — родовой символ самурайского клана. Считаю по пальцам. Клан Токугава. Клан Дайме. Клан Хотамота. Клан Байсин. Клан Кенин. Клан Асигару. Люди из самых разных княжеств прибыли в столицу на сегодняшний фестиваль!

Сегун, наверное, уже восседает на смотровой площадке — втором этаже надвратных башен главных внутренних ворот замка. Это делает его практически невидимым для нас внизу. А ведь так хочется хоть глазком посмотреть на лицо нашей великой страны! Поднимаю голову вверх, и, как смертница, и всматриваюсь в крыши домов. Встретаться с глазами сёгуна строго запрещено.

Опускаю голову и замечаю к своему удовольствию, что первая военная процессия уже началась. Пешие воины, они же — «асиру», низшие самураи, постановочно несут мушкеты и луки в защитных кожаных чехлах.

В центре на богато украшенном коне едет Синсуке. Его обступили папины друзья — преданные телохранители. Они высокоранговые самураи и могли бы выбрать себе участь получше. Например, вступить в отряды личной охраны сёгуна. Но предпочли верность нашему фамильному роду вместо громких титулов. Одеты они в традиционную парадную одежду. Жилет с жесткими, сильно выступающими в сторону «крылатыми» плечами. На груди и спине фамильные гербы. Широкие брюки хакама. За поясом два меча: длинный — катана (длиной 80 см) и короткий — вакидзаси (30-60 см), который используется в ближнем бою как дополнение к катане. Такие мечи очень тяжёлые. Нахожу грозного Юкимуро среди шествующих воинов. Здесь и Тонгаку, красивая и величественная. Сидя на конях, они оба выглядят словно великаны, намертво влитые в железо. Страшно и красиво одновременно.

Закрывают шествие конюхи с запасными лошадьми и врачи, на случай, если состязание обернется нежелательной травмой.

Глава 5. Фестиваль Солнца

Выделяю для себя невзрачную повозку с припасами, которые тянут носильщики для ритуального закрытого пиршества самураев. Знаю, за этой невзрачностью кроется самое интересное. Это коричневый рис, тот самый, на вес золото. Он бы спас Дзиро от недостатка витаминов. С этого риса специально не снимают верхнюю шелуху, чтобы он сохранял в себе всё самое ценное. Крестьян же и слуг намеренно заставляют есть только шлифованный рис. Сильные люди — это угроза власти.

Когда папа был жив, он втайне от всех давал попробовать то, чем питается во время таких фестивалей. Помню сладкую маринованную сливу, кисло-сладкие огурцы обсыпанные кунжутом, горькую редьку дайкон, восхитительно пахнущие соевые бобы натто и вяленую макрель. Как все это было вкусно! Хорошие были времена!

В 3 метрах от меня установлены временные тории — красные ворота синтоитского храма. Длинная узкая лента красного цвета тянется от столба к столбу тории. Эта лента — оберег на хороший урожай. Главное для любого крестьянина — рис. Именно этой крупой крестьяне платят все налоги вассалам. Если риса не достаточно, семьи крестьян начинают голодать и болеть. Некоторые из них становятся разбойниками. Некоторые — попадают в тюрьмы за неуплату налогов. Поэтому рис на вес золота.

От тории тянется песчаная дорожка длиной 280 метров. Это место для соревнований. Самураи крупных феодалов каждый год собираются здесь, что показать свои способности в «ябусаме» — состязании лучников. На деле это тонкая политическая игра чиновников, борьба за авторитет в глазах сёгуна. Чем лучше покажет себя лучник, тем выше поднимется его господин. Так что позор самураю на показательных выступлениях не прощают.

Первой выходит лучница клана Сацума. Женщина одета в шелковое охотничье кимоно. На голове — широкополая шляпа из бамбука, которая крепко завязана шнурами под подбородок. За спиной колчан. В руках лук из крепкого бамбука длиной более двух метров. Меч за поясом, такой же острый, как она сама.

Ее соперник — наша Тонгаку. Не завидую. Тогаку опытная лучница и сильный воин. В отличие от своей противницы, она скромно и строго одета.

Мой брат Сенсукэ и дайме клана Сацума сидят на противоположных помостах, разделенных судейской зоной. Между ними идет безмолвная война взглядов.

Главный судья поднимает веер, объявляя первый раунд.

— В этом смотре сойдутся воины великих кланов! Сацума против Кадзиро! Три мишени. Ошибки не прощаются!

На помосте Сенсукэ медленно кивает Тонгаку. Это знак: " Не подведи"! Вассал клана Сацума тоже сигналил своему стрелку, жестко раскрывая веер: «На кану честь нашего клана»!

Первой выезжает лучница клана Сацума. Ее конь, словно пушечное ядро, срывается с места. Всадница бросает поводья и буквально парит над седлом на полусогнутых ногах. Натягивает стрелу. Кричит:

— «Ин- Е, Ин- Е!» (инь-ян)

Бум! Первая квадратная доска разлетается в щепки.

Не снижая скорости, она зубами выхватывает вторую стрелу, накладывает на лук. Бум! Стрела со свистом пролетает свой путь, как комета, падает на тяжёлую землю. Снова прямое попадание! Клан Сацума на трибунах ликует. А я сжимаю зубы.

Третий заход. Хоть бы она провалилась! Вот! Здесь ошибка неминуема! Ее конь несется слишком близко к ограждению. Лучнице приходится сильно отклониться вправо, ломая ось прицеливания. Она стреляет навскидку. И стрела скалывает лишь край мишени. Доска падает.

Судья поднимает белый веер. Три попадания, но последнее — не идеальное. Теперь у Тенгоку есть шанс обыграть соперника! Я смотрю на дайме клана Сайуме. Тот сжал губы. Уголки губ Сенсаке едва улыбаются.

Теперь на старт выходит Тенгоку. Ее серая кобыла срывается вперед — не так взрывно, как конь ее соперницы, но ровно, словно плывет по колее. Молодец! Она учиться на чужих ошибках!

Тенгоку плавно поднимает лук. Сухой щелчок и доска раскалывается на двое. Великолепно!

Вторая мишень. Женщина закидывает руку за спину, и стрела — на титиве. Бум! Мишень уничтожена.

Дайме клана Сацума тихо сжимает кулаки, видя безупречную тактику нашего самурая.

Финальная мишень. От нее зависит победа. Задерживаю дыхание. И тут... резкий порыв ветра поднимает песок, видимость пропадает! Проклятье! Ее конь пугается и виляет в сторону. С трибуны слышны смешки.

До третьей мишени остается пять метров. И вдруг... Тенгоку делает то, чему учат мастера только высшего ранга! Она перекладывает лук ниже, меняет угол и стреляет под брюхо своей лошади. Сложнейший прием «инуомоно»! Третья мишень разлетается на мелкие куски. Полный триумф!

Судья поднимает красный веер, а трибуны взрываются аплодисментами. Соперница с черной завистью смотрит на Тенгоку, но подчиняется этикету, делает короткий поклон.

На смену лучникам приходят мечники. Они одеты в кимоно, подпоясанное сзади, и широкие брюки хакама. Обуви нет. Только плотные белые носки с раздельным большим пальцем («тоби»)

Из рассказов папы, помню, что «искусство меча» — одно из главных достоинств любого самурая. Именно в мече обитает душа самого воина. Меч подбирается под рост и длину руки воина. Он уникален так же, как человеческое тело. Великие мечники присваивают катане имена или слоганы, отражающие боевые качества оружия и заслуги в битвах. Получить такое имя означает навсегда остаться легендой в истории фехтования. Бывали случаи, когда знаменитые клинки крали из-за их боевой славы.

Помню, как отец показывал свою катану. Ростом примерно с человека, того и гляди больше. Удержать такой меч все равно что справиться с серебряным чешуйчатым драконом. На хвостике под рукоятью было написано: «Тот, кто укротил дух белой змеи». Это красивое напоминание победе над Ямато Кагура. Клинок отца, как жидкое пламя, мягко движется в сумерках, когда тот тренируется под Луной. Зрелище всегда завораживало меня!

Состязаются обычно на деревянных или бамбуковых катанах. Бамбук такой тяжёлый, как клинок. Он бьет сильно и больно. А при скрешивании двух таких мечей раздается характерный треск дерева.

Противники выходят на арену. Один из них Юкимуро, крупный свирепый самурай в потертых темных одеждах. Ветеран школы Ягю Синг-рю. Его стиль — жесткий сокрушительный натиск, где меч используется как топор, готовый прорубить любую защиту. Друг папиного детства. И человек, силу которого я глубоко уважаю.

Второй мужчина — беловолосый, элегантный, молниеносный, в безупречно белой кей-коги. Не знаю ни его школы, ни стиля, но могу догадаться, что он делает ставку на уклоны в битве и один сокрушительный удар.

Судья объявляет:

— Школа Синкаге против школы Ягю-Синган! До одного решающего удара в голову! Начали!

И тут беловолосый срывается с места и наносит мощный рубящий удар сверху вниз! Вот это да! Это настолько быстро, что клинок, подобно змее, оставляет после себя дугообразное мерцание. Кажется, я ошиблась насчет ученика школы Синкаге! Он нападающий.

Юкимуро уверенно выстраивает блок, принимая удар на середину своего клинка. Миг. И треск разрывающихся щепок оглушает павильон. Противник с тяжелой злостью смотрит в лицо соперника. Глаза в глаза. Лезвие клинков со скрежетом скрешиваются в центре.

Юноша успевает отвести свой меч в сторону для горизонтального замаха. Но Юкимуро парирует атаку. Опускается на колено и делает шаг в бок, уходя из зоны поражения. Это уже не состязание, а игра в дразнилку!

Мальчишка отчаянно ускоряется, бьет противника касательным ударом по ребрам. Сильно. Боец старой закалки отшатывается и разрывает дистанцию.

И снова эта игра в гляделки. В глазах беловолосого страх и отчаяние. В глазах старика строгий вопрос: «А ты что думал? Если молодой и смазливый, тебе победа сама в руки плывёт?»

Ну, все, похоже, разминка окончена! Соперник пускает целую серию атак! Раз. Удар в голову. Юкимиро отбивает, уходя влево. Два. Удар в ноги. Самурай перепрыгивает клинок, нанося ответный удар сверху! Но беловолосый уже движется быстрее, чем раньше. Он блокирует удар, и клинки снова скрешиваются в центре. Тр-р-рррррр! Звук разрывающихся щепок пробирает до самых мозгов. Боже, как же они серьёзно настроены!

Оба совершают обоюдный замах, и их клинки соприкасаются прямо перед ними. Юкимуро больше не защищается. Он нападает. Синхронно, словно два отражения, они отталкиваются от клинков, одновременно делают шаг назад и падают на одно колено, тяжело дыша. Вот это да! Похоже, оба мужчин выдохлись.

Снова этот разговор глазами. Но теперь взгляд юнца насмешливый: «Ну, что, старик, выдохся?» Пользуясь усталостью противника, он срывается, совершая колющий выпад в грудь. И тут... происходит невозможное. Юкимуро применяет знаменитый прием «тай-собаки», которому меня пытался обучить отец. Он разворачивается по диагонали, пропускает лезвие под своей рукой и плавно приставляет рукоять к незащищённой шее ученика. Вот и все! Противник попал врасплах!

Мальчишка замирает, замечая безупречную атаку. Наступает полная тишина. Через губу противнику приходится опустить меч и поклониться.

Главный судья поднимает белый веер.

— Побеждает Юкимуро.

Юкимуро, как и Тенгоку, сделали то, что от них ожидалось. Они принесли честь моей семье. И я глубоко благодарна, что слава моего отца не угасает и сегодня.

Глава 6. Разоблачение

Бум.Бум.Бум. Звучат ритуальные барабаны тайко. Неужели? Не думала, что когда-нибудь доживу до этого дня... Весь замок чествует имя моего отца! Только бы все это не было моим сном!

— Стойте! Стойте! Этот фестиваль — фарс!

Знакомый голос приковывает меня к земле. Это Рютаро! Доведенный своим отчаянием, он готов утянуть меня с собой в могилу!

— Вы чествуете имя великого генерала Кадзема. Но его род давно прогнил!

Охрана выхватывает мечи, но советники подают знак рукой, и оружие тут же опускают.

Слышу голос откуда-то сверху, ровный, глубокий, раздающийся по всей широте, по всему замку. Неужели это говорит сам сёгун? Точно, он!

— Говори, бродяга! Если твои слова окажутся пустой бранью, твоя голова украсит эти ворота!

Рютаро, оборванный, дикий, наглый, доведённый до безумия своей нищетой, трясущимся окровавленным пальцем указывает меня.

— Видите эту девчонку? Она дочь генерала Кадзема! И его личный позор! Она не умеет держать меч и позорит память предков, скрываясь, как трусливая крыса!

В толпе проносится ропот. Снимаю шляпу и показываю лицо.

— Да. Это так. Я действительно дочь генерала Кадзема.

Выдыхаю. Продумываю тактику:

— Я не скрываюсь. Лишь смотрю, способы ли те, кто называют себя воинами, заметить врага у себя под носом. Ты, ронин, заметил.

Вот так. Принять вызов — это единственный шанс не прослыть трусом.

— Я вызываю тебя на бой!

Кричит Рютаро, брызжа слюной.

— Докажи, что в твоих венах течет кровь воина или твой клан будет распущен сегодня же!

Конечно, Рютаро нечего терять. Но как он может предать дружбу с моим отцом? В надежде смотрю на сегуна, но тот только подливает масло в огонь. Интриги — его единственное развлечение в замке.

— Генерал Кадзема был моей правой рукой...

Не могу это слушать. Был правой рукой? Именно поэтому ты устраивал за моим отцом слежки, а мне пришлось скрываться, чтобы не навлечь беду на своего бедного папу? Сегун продолжает:

— Если его дочь всего лишь слабая женщина, скрывающаяся за чужими именами, земли Кадзема отойдут государству. Мне не нужны слабые наследники.

Не могу поверить? Он хочет отобрать наши земли? И это при том, что мой брат отдавал половину своего годового бюджета на его запросы?

Смотрю на брата, но тот чернее тучи. Молчит. Он так же безвольная пешка, как я. Он не может меня спасти.

Голос сегуна продолжается разлетаться по замку:

— Я даю разрешение на бой. Проверим, течет ли кровь генерала или ты действительно лишь тень в одежде прислуги. Дайте ей меч.

Откуда ни возьмись мне подносят родовую катану моего отца. Беру ее в руки, но меч слишком велик. Он соскальзывает и падает со стуком о землю. Самураи, ранее чествующие мой клан, теперь издевательски смеются.

Рютаро обнажает клинок, старый и зазубренный, как он сам. Качает головой:

— Жалкое зрелище, девочка! Подними твой меч! Попробуй хотя бы замахнуться. Поднимаю меч и прижимаю к груди, словно щит, а не оружие. Я действительно жалкая. Рютаро же, напротив, выглядит спокойно, даже лениво. Он делает стремительный шаг вперед, наносит ленивый, но мощный удар сверху.

Удар приходится по моему клинку. Я не умею блокировать. Никогда не умела! От страшной отдачи падаю на колени, ломая ногти о камни арены. Как же больно!

— Сдавайся! Уползай назад к своим обязанностям служанки!

Выдыхаю. Плакать нельзя. Встаю на ноги. Без меча.

— Ты же хотел сделать мне больно? Так бей!

Другие самураи смеются, что есть мочи, а Ронин хмурится. Его злит моя несокрушимая покорность.

Миг. И картинка в глазах мутнеет от сильного удара в лицо. Падаю. Темные пятна крови крупными каплями падают на мои руки, будто вода из-под крана. На арене повисает тишина. Самураи перестают смеяться.

А я встаю. Что мне еще остается? Я всегда вставала, когда мне было больно. Когда отец умер. Когда брат отвернулся от меня. Когда родное поместье превратилось в место, где я при-служиваю.

Рютаро вплотную подходит ко мне, заносит над моей головой меч.

— Ты что дура? Я же убью тебя! Ударь меня! Сделай хоть что-нибудь!

Смотрю прямо на острие меча, вижу в нем свое отражение, пожимаю плечами. Не чувствую никакого страха. Странно. Мне впервые так легко.

— Рютаро, я не умею драться, ты это знаешь. Но у меня есть один талант. Это терпение.

Закрываю глаза в ожидании смерти. Брату будет только лучше, если меня не станет.

Но проходит довольно большое количество времени. В конце концов мне это надоедает. Открываю один глаз, чтобы подсмотреть.

Рютаро замер передо мной, как статуя, не в силах сделать удар. Похоже, победа над немощной, скорее, принесет ему позор, нежели желанную месть и возвращенное чувство собственного достоинства.

Он опускает меч. Советники изучающе всматриваются в мое лицо. Наконец один из них говорит:

— Господин, дочь великого самурая проявила храбрость, но мы не можем пощадить ее — противник не просто обычный воин, а ронин, политический преступник и ваш заклятый враг.

Что было бы, если замок действительно нуждался в защите? Дочь великого Кадзема, вашей правой руки, не смогла бы защитить внутренний двор, не то что отомстить виновнику обиды! Вассалы могут решить, что законы бусидо ничего не значат для вашего дома!

Повисает мертвая тишина. Задерживаю дыхание в ожидании вердикта. И вдруг... не верю своим глазам!

Сёгун в сопровождении кольца элитных гвардейцев медленно спускается по массивной деревянной башне. Ко мне. Каждый его шаг сопровождается глухим ударом барабана. Я тут же бросаюсь на колени. Но слышу голос:

— Подними голову! Ты боялась умереть там, в грязи?

Поднимаю голову. Смотрю прямо ему в глаза! Они черные, сосредоточенные. Будто сканируют.

— Нет, мой господин. Напротив, я испытала легкость. Ведь знаю, что жила правильно, поэтому мне не о чем жалеть.

Сёгун проводит рукой по моей ране.

— Посмотрите на нее. Она ранена, истощена, но ее дух не сломлен. Убить ее сейчас — значит выбросить редкий алмаз только потому, что он еще не огранен. Наказание будет другим.

Не верю своим ушам! Он точно сейчас говорит обо мне?

— Ты отправишься в провинцию Этиго и будешь до последней капли пота оттачивать искусство меча. Твой мастер — Масао, опытный воин, ныне — садовник риса. Он имеет скверный характер, так что подойдёт — вобьет в тебя толк. А если нет, ты навсегда станешь изгоем без рода и имени.

Падаю в ноги! Как еще могу выразить ту благодарность, что испытываю сейчас? Сегун подарил мне шанс на новую жизнь. И сделал это изящно, подав все как ссылку в целях моего воспитания. Он заметил во мне что-то, чего я сама пока не вижу в себе. Можно ли быть настолько счастливой?

Глава 7. Дальняя дорога

За окном — теплая осень, сакура облетает и оставляет свои следы на воде. Но в моем доме — трудное прощание.

Сенсукэ нервно ходит из стороны в сторону, нервно постукивая веером по своей ладони. Он совсем не смотрит на меня. Будто я пустое место.

— Я до сих пор не могу поверить, что это случилось! Как глава клана, я опозорен! Наш отец, великий дайме, в гробу переворачивается, зная, что его дочь уезжает в эту проклятую глушь!

Говорю тихо, как будто извиняюсь:

— Ты сам говорил, что мне нужно закалить характер.

Надо же найти в этом хоть какую-то плюс.

— Закалить характер?! Ты, кровь знатного рода, будешь жить в хижине, пачкать руки в земле и сажать рис вместе с вонючими крестьянами! Ты хоть понимаешь, что станет с твоей кожей? А если соседи узнают, что моя сестра — обычная грязная жрица рисовых полей?! Это же пятно на всей нашей семье!

Я молчу. Хочу сказать так много, но нельзя. Почему Сенсукэ думает только о себе? Почему не может поддержать меня, ведь встреча с Масао, это, может быть, последний шанс оправдать надежды моего отца?

— Брат, я сделаю все, чтобы не посрамить честь семьи.

Фусума с шумом захлопывается, и я остаюсь одна. За окном — приятная трель птиц. На сердце — рваная рана, которую нанес мне брат.

Какой толк лить слезы и жаловаться на жизнь? Я не маленький ребёнок. Пора в путь.

Расстилаю на татами два больших квадратных куса ткани «фуросики» — один синий с узором, второй — плотный, промасленный, для защиты от дождя. Аккуратно расправляю по швам запасное дорожное кимоно из плотной хлопчатобумажной ткани касури темно-синего цвета.

Путь до провинции Этиго долог. Дороги полны бродяг и разбойников. Скрамность в одежде — это не выбор, а необходимость, чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Достаю из шкатулки гребень для волос и несколько шпилек «кандзаси». Это мамины. Впервые беру их в руки. По случаю отъезда. Затягиваю тугой хвост над головой, убираю волосы.

Беру в руки небольшой тяжелый предмет, завернутый в шелковую ткань с традиционным орнаментом. Разворачиваю. Это кайкэн — изящный, но смертоносный кинжал в ножнах из белой магнолии. Теперь, когда моя личность раскрыта, честь обязывает носить оружие, хотя бы на случай самозащиты. Кладу кинжал в самый центр первого фуросики, рядом с дорожной аптечкой, где лежат сушеные корни женьшеня, бинты и целебные мази.

Так, теперь — дорожное снаряжение. Поверх кимоно связываю гэтры «кехян», защищающие икроножные мышцы. На плечах — легкая соломенная накидка мино, которая спасет от проливного дождя, а на голове — широкая соломенная шляпа амигаса, скрывающая лицо от солнца и любопытных взглядов. Обувая прочные соломенные сандалии «варадзи». В дорожный узелок прячу запасные пеньковые веревки к ним — в пути обувь быстро изнашивается.

Туда же укладываю ценную рисовую бумагу, на вес золота, тушь и кисти для писем, а также семейный свиток, подтверждающий мою личность.

Вот и все. Накидываю мешок за спину и окидываю взглядом поместье. Жалко прощается с местом моего детства, но еще хуже не воспользоваться шансом на новую жизнь. Делаю первый шаг.

Размытый глиняный тракт. Иду под проливным дождем. Мой худой солеменный плащ, и без того невесь какая защита, совсем потемнел от воды и превратился в гирю. Шляпа амигасо пока скрывает мое поникшее лицо, но я уже не знаю, ради чего все это. Почему я думала, что в одиночку смогу осилить путь от замка Осаки до провинций Этиго? Может, брат был прав и я всего лишь избалованная кукла, не нюхавшая пороху?

Но вдруг... перед моими глазами воздух начинает дрожать. Мир теряет краски, становясь черно-белым. Что происходит? Может, я умираю? Нет. Я все еще хочу есть, мне холодно и мокро. Значит, жива.

Осматриваюсь. Мимо ковыляет нищий. Почему возле его головы горит мягкое теплое свечение? Это похоже на нимб. Собираюсь с духом, концентрируюсь. Я вижу это, потому что истощена и у меня начинаются галлюцинации? Но вместо ясного ответа вижу картинку.

Дождь льет, как из ведра. Этот нищий сидит у стены заброшенного храма, сжавшись в комок. На нем грязное, некогда богатое кимоно, превратившееся в лохмотья. Наверное, он ронин, как Рютаро.

В руках крошечный, завернутый в грязный лоскут конопли узелок. Мужчина бережно разворачивает его. Внутри — половина холодного, засохшего рисового коlobка (онигири), испачканного золой. Бродяга подносит онигири к губам, собираясь откусить.

Рядом слышится тихое, жалобное поскуливание. Из-за угла храма, пошатываясь от слабости, выходит пес. Из его пасти идет пар. Ребра животного обтянуты кожей. Пёс останавливается в трех шагах от человека, садится на холодную землю и утыкается взглядом в кусок риса.

— Уходи... У меня и самого ничего нет. Сегодня на усадьбе самурая работали другие. Мне не дали ни монеты.

Пёс не двигается. Он опускает голову на лапы, продолжая смотреть на онигири слезящимися глазами. Мужчина тяжело вздыхает. Он отламывает от половинки онигири три четверти. Себе оставляет лишь крошечную щепотку риса на один зуб.

— Похоже, в этой жизни у нас один господин — голод. На, бери. Хоть кто-то из нас согреется.

Мужчина протягивает ладонь с рисом. Пес слизывает рис с ладони нищего.

Толчок в плечо возвращает меня в реальность.

— Эй! Смотри, куда идёшь! У тебя что глаз нет?

Испуганно гну спину перед бродягой. Проблемы мне не нужны. Но что я только что видела?

Проходит много дней спустя, как я дохожу до какой-то полуразрушенной деревни. Покосившаяся соломенная крыша, черная грязь. Неужели есть что-то хуже этого?

У дороги сидят голодные дети с раздутыми от недоедания животами. Они грызут древесную кору.

И снова откуда нивозьмись вижу Это... Чистое свечение, исходящее от детей. Может, я схожу с ума?

Безразлично смотрю на разбойника. Как же все надоело! Не хочу больше видеть чужую боль, не хочу служить живым щитом для другого человека, но снова Это.

Вижу. Огонь. Ярко-красный. Словно месиво. А внутри, у самого сердца, нежно-розовый свет. Слышу слова, словно сквозь сон. «Дочка, я найду тебе лекарство! Только не сдавайся!»

Кажется, я даже чувствую его имя.

— Кума, твоей дочери не поможет чужая кровь.

Разбойник замирает. Ржавый нож, до этого крепко сидящий в его руке, выпадывает.

— Откуда? Откуда ты знаешь мое имя? Ты демон?

— Я просто путник.

Вздыхаю, убеждаясь: я разговариваю с ребёнком, уставшим, задрипанным, напуганным ребёнком, который не может спасти Своего ребёнка.

— В моем узле есть только сменная одежда и имбирь. Возьми имбирь... Он собьет жар. Слабеющей рукой развязываю фуросики, достаю корень имбиря и протягиваю разбойнику. Но... картинка мутнеет и я теряю сознание.

Углубляюсь в деревню. Выхожу на площадь. А там — самурай-вассалы в богатых темных кимоно верхом на конях. Только этого мне еще не хватало! Быстро прячусь за угол дома.

— Где налог, женщина? Семья твоего мужа недодала три меры риса!

Смотрю на крестьянку, которая стоит на коленях перед всадником, плачет, бьется головой о грязь.

— Господин Сато! Дожди погубили урожай! Мои дети умирают! Сжальтесь!

Но мужчина только ухмыляется и поднимает плеть. Как он может быть таким жестоким? Вдруг вокруг вассала закручивается тяжёлый зловонный багрово-черный вихрь. В этом дыму я вижу лица, больше похожие на мумии, чем на живых людей. Может, это лица тех, кого он обрек на голодную смерть?

Воин замахивается кнутом. Не могу на это смотреть!

— Остановитесь!

Мужчина оборачивается, а вместе с ним и остальные вассалы.

Инстинктивно хватаюсь за свой кинжал. Но зачем он мне? Я не умею драться.

— Если закон требует ударов — бейте меня! Я забираю ее долг себе.

Слышу издевательский смех. Самурай расплывается в улыбке.

— Чья это девка? Проучить ее!

Град из тяжелых ударов сыплется на мои плечи, руки и спину. Пытаюсь закрыть локтями лицо, чтобы не попало в глаза.

— Еще хочешь?

Издевательски спрашивает главный вассал. Ему весело. Я молчу.

— Пойдём!

Командует самурай и его воины следуют за ним. Как черные тучи. Они еще будут сеять смерть. Где-то, но не здесь. С облегчением выдыхаю.

Замечаю, что крестьяне со страхом и благоговением смотрят на меня. Женщина, что лежала в грязи, подходит:

— Спасибо, госпожа... Но они вернуться и убьют нас.

Я молча достаю последние гроши из узелка и протягиваю матери, тех голодных детей, от которых шло необыкновенно свечение.

— Возьмите. Вам нужнее.

Проходит еще несколько дней с тех пор, как я брожу по черному бамбуковому лесу. Мастер Масао, ваша деревня все дальше, а мое сознание раскалывается надвое. Происходят, какие то странные вещи, которые я не могу объяснить. Мой лоб горячий. Кажется, я впала в безумие. Нет ни денег, ни еды. Неужели здесь закончатся мои дни? Я никогда не увижу брата?

— Отдавай узел, сучка, или я...

Выкрикивает какой-то мужчина, выскакивающий из-за кустов. Падаю наземь. Нет, не из страха. Слишком устала, чтобы что-то чувствовать.

Глава 8. Масао

Открываю глаза. Где это я? Пробую пол рукой. Чистое татами. Пахнет горькими травами и дымом очага. Ммм!

Поднимаюсь на локтях. У окна от меня сидит спиной пожилой мужчина в простом кимоно. Он точит деревянный меч боккен. Кто это? Несет ли он какую-то опасность?

Концентрируюсь. Вокруг него нет буйства красок. Его аура — абсолютно прозрачный, глубокий, как океан, синий цвет. Полное спокойствие, мудрость и колоссальная сила. Ни одного тёмного пятна греха.

Старик, не поворачивая головы, тихо произносит:

— Тяжелая ноша для человеческих глаз — видеть души до того, как они покинут тело? Верно, Хотару?

— Вы... мастер Масао?

Старик поворачивает свое лицо. Оно испещрено морщинами, но глаза молоды и полны сострадания.

— Разбойник Кума принес тебя сюда на руках. Твой дар — это не проклятье, но и не награда. Это оружие. Этот мир тонет в грехе и нищете. Меч твоего отца рубит плоть. Мой меч учит дисциплине. Но твой, Хотару, должен исцелять людские сердца. Ложись. Завтра начнем обучение.

С облегчением падаю с локтей на татами. Закрываю глаза. О, Великая Аматерасу, я дожила до этих дней! Я в доме у мастера Масао! Завтра он будет учить меня искусству меча!

Следующее утро я встречаю в зале тренировок «додзе». Масао пристально смотрит на меня, словно спрашивает: «Ты готова?»

Сжимаю деревянный меч «боккена» что есть мочи. Разве можно отступить?

— Твоя душа открыта миру, Хотаро.

Говорит учитель низким глубоким голосом.

— Но в бою открытая душа — это поражение. Покажи мне, как ты защищаешься.

Миг. И Масао делает резкий, но выверенный выпад. Я делаю движение навстречу, но... мои руки предательски дрожат, уволю удар в сторону, полностью раскрывая весь свой корпус для атаки, словно говорю: «Вот она я! Бей»!

Мой учитель отводит свой меч в сторону и тяжело вздыхает.

— Опять. Ты слаба не потому, что у тебя не хватает сил поднять блок. Ты боишься сделать больно нападающему. Но, защищая себя, ты спасаешь не только свою жизнь, но и честь своего рода. Пойдем со мной.

Я виновато семеню за учителем, как утенок за уткой. Что он удумал? И куда мы идем? Вот убогий домишко старика скрылся из виду. Мы спустились с горы и вышли в деревню.

Рыночная площадь. Ну и вонь! Запах дешевой еды и прелой соломы. Шум, крики торговцев, будто они соревнуются, чья глотка громче. Нашупываю в кармане 10 мон. Все что у меня осталось.

И вдруг... Какая сильная головная боль! Вижу, как над толпой колышется какое-то тяжелое марево: липкое, серое, болотное, как мерзкая дохлая лягушка. Едва различаю сквозь него мужской голос:

— О, великий мастер Масао! С вами прекрасная госпожа! Кто это прелестная дама?

Торговец тканями вцепился в край моего кимоно и повис, как тяжелая груша.

— Госпожа, как ваше имя?

— Хотару.

Коротко бросаю я.

— Какое прекрасное имя! Пишется как «светлячок»? Вы ведь, наверняка, добрая девушка? Прошу, помоги мне!

Налоги проклятого старосты разорили меня! Мои дети голодают! Вы ведь не оставите честного человека умирать? Отдайте ваш серебряный гребень, умоляю! Это такая мелочь, а я уж точно не останусь в долгу, все жилы вымолю у Будды за такую щедрую душу, как вы!

Я смотрю на торговца. Его глаза — два слипшихся финика. Со дна лениво выползает червяк.

— Хорошо. Я отдам вам гребень.

Тянусь к волосам, но Масао останавливает.

— Хотару, разве ты не поняла, что он лжет?

— Конечно, поняла. Но мне жаль его. Его душа так страдает! Посмотрите на него! Ради выживания, он позабыл собственную совесть.

Масао не двигается с места. Взгляд тяжёлый. Он скрещивает руки на груди и холодно произносит:

— Хотару, посмотри глубже. Что ты видишь за слезами?

Вглядываю в серую жижу возле торговца.

— Я вижу... гнев. Он считает, что мы обязаны ему, просто потому что у нас есть статус. Он сыт, но зол на весь мир.

В этот момент ко мне протискивается сухонькая старушонка, торговка сушеной рыбы. В руках у нее корзина с гнилым товаром. Ее аура — блекло-серая, высасывающая, как сухой песок. Доченька, — завывает старуха, отпихивая первого торговца — Погляди на меня, старую. Никто не хочет покупать мой товар! А ведь я так стараюсь! Возьми все! Я продам тебе за 3 000 мон! Это вдвое меньше, чем у Тори, другой торговки, что продает на конце рынка. Такой низкой цены во всем свете не сыщешь! У тебя ведь есть монеты, я знаю. Не скупись, дай бедной бабке не пропитание. А если не купишь, я умру прямо здесь, и моя кровь будет на твоей совести!

Старуха тщательно впивается в меня глазами, будто ищет мое слабое место. У меня мутнеет в глазах.

— Довольно.

Жесткий голос Масао приводит меня в чувство.

— Уходи, женщина. Твой голод — фальшивка. Твоя немощь — твоё оружие.

— Посмотри на себя.

Теперь Масао обращается лично ко мне.

— На тренировке ты не можешь поставить блок, потому что боишься ранить меня своим деревянным мечом. Деревянным! Смешно! А здесь ты позволяешь им резать твою душу без ножа. Они бьют в твою жалость. Они бьют в твой страх быть «плохой». И ты пропускаешь удар за ударом?

Я опускаю голову и недоуменно мычу:

— Но если я закроюсь... если я проявлю твердость, я раню их. Они увидят мою холодность и это причинит им боль, и тогда...

Масао жестко прерывает меня:

— Их боль — это их выбор!

Мужчина берет меня за запястье, буквально вкладывает в мою руку боккэн.

— Запомни: ставить блок — не значит обидеть кого-то. Это значит очертить черту, за которую чужая грязь не имеет права заходить. Если ты не научишься говорить «нет» здесь, в этой пыли, то завтра на поле боя враг просто посмотрит тебе в глаза, притворится слабым, и ты опустишь меч перед своей смертью!

Я в ужасе смотрю на торговца тканями, из которого только что выглядывала какая-то устричная тварь и шевелила усикам. Увидев чистую ауру Масао, она спряталась, обратно, в раковину, в кожуру, которую, мы, люди при жизни называем — тело.

Опускаю взгляд на свой боккен. Сжимаю крепче.

— Кажется, я понимаю, о чем, вы, мастер.

Масао удовлетворенно кивает головой. Одобряюще хлопает меня по плечу.

— Пойдем домой.

Следующую часть тренировки я провожу в зале «додзе», до седьмого пота оттачивая свой «блок».

— Хотару, боккен должен двигаться по дуге, словно водный дракон. Защита — это не просто стена. Это танец, где ты направляешь силу врага в пустоту. Смотри внимательно.

Учитель делает шаг вперед и принимает среднюю стойку «Тюдан-но камаэ». Его взгляд глубокий, сконцентрированный.

— Твоя цель — не остановить удар врага в лоб, а отклонить его. Мы не блокируем лезвием на лезвие, чтобы не повредить оружие. Используй «синоги» — плоскую часть меча.

Мужчина плавно, словно по воде, замахивается мечом сверху, отражая воображаемый удар вниз и в сторону, разворачивая траекторию воображаемого удара от себя. Это и есть управление энергией противника?

— Видишь? Ты должна встретить атаку под углом, чуть смещаясь с линии удара. Отклони его, и откроется брешь для твоей собственной атаки.

Сглатываю и сжимаю пальцами боккен:

— Но если удар врага будет слишком сильным, мастер?

Лицо Масао меняется. Его колющий взгляд смягчается, черты лица просветляются.

— В этом нет никакой беды, Хотару! Просто используй силу собственного тела, бей всем корпусом, а не только руками. Если летит тяжелый рубящий удар — шаг назад, и пусть лезвие скользит по твоему оружию. Главное — никогда не теряйся. Помни: Ты — центр и это от Тебя зависит исход битвы, твой противник — всего лишь отражение на воде. Если вода спокойна, она точно копирует все то, что происходит в мире. Но стоит только бросить камень, как по воде пойдут круги, которые исказят все увиденное. Понимаешь?

Киваю головой. Старик встает ко мне вплотную, мягко направляет мои руки, показывая, как правильно выстроить блок.

— Держи локти близко к телу, чтобы не превратиться в открытую мишень.

Закончив с моей стойкой, он вытягивает свой боккен, как бы спрашивая: «Ты готова?»

Киваю. Миг. И Масао делает стремительный, но контролируемый замах. Глубоко вдыхаю, концентрируюсь, плавно, точно вода, с правильным разворотом клинка, ставлю блок.

Тррррррр! Раздается глухой стук дерева о дерево. Тот самый, который я неоднократно слышала во время фестиваля Солнца. У меня получилось!

Но тут...меч соскальзывает! Рука не выдерживает силы давления! Проклятье!

Смотрю на Масао, но не вижу в его глазах ни злости, ни разочарования.

— Нечего, Хотару. Мы только начали. У тебя еще недостаточно мышц, чтобы отразить удар такой силы.

Тяжело вздыхаю. Вечер мы проводим на удивление просто. Ни какой каллиграфии, чтение заумных стихов или брэнчание на лютне, как это было в доме моего отца. Оказывается, Масао — простой человек. Несмотря на его самурайское прошлое, в душе — он самый настоящий крестьянин, и мне нравится это.

Ужинаем мы просяной кашей с редькой, которая мне кажется настоящим сокровищем после долгих скитаний в лесу черного бамбука. Пока я дую на горячую еду, старик возиться с пучком рисовой соломы. Его пальцы ловко пропускают соломенные пряди. Раз. Раз. Раз. И вот уже вместо простого пучка соломы дорожные сандалии «варадзаси».

— Вы их планируете продать на рынке?

Догадываюсь я.

— А почему нет? Обменяю на соль и рыбу. Если староста разрешит.

Я плохо понимаю, как устроен мир крестьян. Староста для них это что-то вроде административного органа?

— У вас все здесь подчиняются старосте?

— А у все подчиняют дайме?

Парирует старик. Похоже, для него это большая тема.

— Почему вы ушли из замка Осаки? Вы же хорошо владеете мечом.

Старик замирает. Вижу его спину, круглую, облокотившуюся, словно требующую защиты.

— Хотару, а ты сама не видишь?

Спрашивает Масао изменившимся голосом. Всматриваюсь в его ауру. И вот...синевая сменился бурым грязным оттенком. Слышу взрывы мушкетом, крики людей. В дыму прорисовываются человечки, которые бегут за помощью, в них стреляют, повсюду скрежет железа. Это клинки самураев вцепились в друг друга, влились во едино, словно змеи, и жгут города.

Отворачиваюсь, чтобы перевести дух.

— Да, Хотару. Я не святой. Но и ты должна помнить, когда показывать зубы.

Смеется старик. Улыбаюсь. Вот так мы проводим вечера, пьем чай, разговариваем. За окном ураган из ветра и дождя. А у нас костер, теплый, трескучий, с запахом дыма и горькой травы. Почему я чувствую себя здесь гораздо лучше, чем дома?

Слышу через сон заботливый голос старика:

— Завтра тебя ждет «настоящая» тренировка, а не проба силы, как сегодня. Поэтому набирайся сил.

Глава 9. Тренировка и тайна сегуна

Ранний рассвет. Туман цепляется за кроны вековых кедров. Только сейчас мне удастся рассмотреть в какой красоте расположен домик Масао.

Вокруг домика разбит небольшой сад со мхом и камнями. Рядом шумит горный ручей. Вода из него подается по бамбуковому желобу прямо в каменную чашу для умывания. Пахнет лесом и вкусной травой.

Горный туман практически полностью скрыл наш дом — одинокую точку на выравненном склоне горы с лесополосой гигантских зеленых кедров. Самая заметная часть это крыша, похожая на руки монаха в молитве. Толстый слой соломы и дранки порос мхом.

Дом огибают терраса — узкий деревянный настил. Это защита от холодной земли гор. Особенно сейчас, осенью.

Тишину нарушают лишь скрип бамбука на ветру, стук капель дождя да трель незнакомых мне птиц. Музыка души!

Моя тренировка начинается рано. Ни свет, ни заря я отправляюсь на беговую дорожку — вверх по склону, в гору. На ногах утяжелители — ах, вот чем занимался старик вчера! — из грубой верёвки и наполненные речной галькой.

Уфффффф! Дыхание раз за разом сбивается, легкие горят, из носа течет. В голову вдает пульсирующая боль. Как сердцебиение. Бум! Бум! Бум! Хоть бы дотерпеть до вечера.

Левая нога, та, что послабее, предательски подводит. Падаю и ощущаю сильную мышечную боль в бедре. Нет, не от удара. От бега, который буквально накачивает мои мышцы!

— Вставай!

Слышу позади себя голос Масао.

— Гора не будет ждать, пока ты расплачешься. Твои бедра должны стать прочнее этих корней.

И он указывает пальцем на корень дерева, на который я, ненароком, врезалась.

— Если ноги не удержат твой вес, Катана в твоих руках станет просто куском бесполезного железа! Бегом!

Использую всю свою злость и встаю, чтобы сделать шаг. Вот так! Ноги ватные, но сжимаю кулаки и через боль продолжаю бежать. Еще и еще. Главное не думать о боли. Циклюсь на каждом шаге, на дыхании, чтобы сбить мысли об отдыхе.

Добегаю до сионистского святилища. Ах, вот куда вела меня тропа! Падаю на колени, чтобы перевести дыхание. Прямо на корни деревьев. Дышу.

— Поклон это не просто дань богам.

Слышу голос учителя со спины.

— Это смирение твоего Эго и сила твоей поясницы. Сто ритуальных поклонов! Низко, касаясь лбом земли, замирая внизу на три счета. Начали.

Опираюсь на булыжник, чтобы встать. Ох! Поехали. Первый поклон. Кланяюсь до самой земли. От частых наклонов волосы невольно расплетаются, нещадно грязнятся о чернозём. Кажется, к концу дня на голове у меня будет гнездо. Мышцы пресса и поясницы дрожат.

— Еще!

Повторяет мастер, и снова повторяю по новой.

— Глубже! Сила удара мечом рождается внизу живота и в крестце! Боги смотрят на твое тело! Сделай его достойным их взгляда!

Мне нравится слушать Масао. Несмотря на внешнюю жестокость, на самом деле он добрый и заботливый. И я вижу это по его ауре.

Каждое слово это как дар, шанс обрести себя. Новую. Сильную. С правом носить громкую фамилию моего отца.

Полдень. Мы спустились с горы. Даже не верится. Подхожу к ручью и жадно черпаю ледяную воду.

Мастер куда-то уходит, но очень быстро возвращается. С коромыслом в руках.

— Это тебе.

Протягивает Масао.

Незадачливо беру «тембибо», на концах которого два огромных деревянных ведра. -Мне нужно налить воду?

— До краев. Положи коромысло на свои плечи, прими стойку. Воин должен оставаться спокойным, даже когда ему тяжело. Запомни это, Хотару.

Стою с коромыслом наперевес. Вода плещется через край, заливая лицо ледяной водой. Все тело ломит. Особенно плечи. Мышцы шеи готовы просто порваться, как струна, которую перетянули. Как же больно!

— Сжимай Лопатки, держи баланс тела, как держишь корпус в битве на деревянных мечях. Помнишь, я тебя учил?

С придыханием отвечаю:

— Да, мастер.

А сама не жива, ни мертва.

Уже смеркается. На улице темно и холодно. Но мастер с энтузиазмом объясняет мне новую задачу. Теперь мне нужно наколоть дрова. Конечно, чем сильнее удар по бруску, тем легче нанести мечевой удар. Только сил уже не остаётся.

Ррррраз. Замахиваюсь. И топор намертво застревает в крепком дереве. Не выдерживаю:

— Мастер, я больше не могу! Мы занимаемся с раннего утра!

Масао смотрит на меня внимательными голубыми глазами и внутри простукивает знание: он изучал, изучал порог моей терпимости.

— Хотару, ты совершенно права. Завтра, как и полагается, мы оставим вечер на восстановление твоих мышц. Но скажи, почему ты раньше не могла сказать «нет»?

Неудобно опускаю глаза.

— Ну вы же мастер.

— Я мастер именно потому, что никого не слушаю.

Я замираю. Его иссиня чистая аура снова становится бурой, как тогда, в моем видении. Затем цвет сереет, как туман в горах. Вглядываюсь в этот дым, и передо мной раскрывается история.

В зале додзе слышится свист деревянных мечей и тяжелое дыхание.

Какой-то человек уверенными размашистыми движениями наносит удары. Нет. Их двое. Это мастер и ученик.

— Твоя техника позор, Масао! Ты игнорируешь стойки, держишь меч неправильно! В бою с таким подходом тебя убьют в первую же секунду! Ты должен следовать канонам!

Человек, которого только что назвали Масао, пожимает плечами. Ему не дашь и двадцати семи лет. Он дерзко, совсем по-мальчишески, ухмыляется и демонстративно отряхивает кимоно.

— Каноны для мертвецов, учитель. Если следовать правилам, тебя читают, как открытую книгу. Я слушаю только свой клинок и свой инстинкт. Мой стиль работает — это главное.

Второй человек, постарше, грустно качает головой.

Увиденный сюжет быстро растворяется в воздухе и тут же медленно, мягко выплывает другая картина, но более мрачная.

Везде туман. По деревянным улицам бродят несколько жителей, глаза которых горят неестественным кровавым светом. Они грабят амбары с рисом, нападают на прохожих, снимая с них одежду и забирая деньги. Повсюду крики.

В тени переулка стоит тот самый юноша, только серьезней, и, кажется, старше. Это и есть Масао? Я вижу прошлое учителя?

Мужчина уверенно делает шаг вперед, чтобы поставить треноги для своего фитильного мушкета. Поджигает.

Залп мушкетов оглушает.

— Капитан! Это же жители соседней деревни! Там...там староста! Мы не можем в них стрелять!

— Они мертвы, Дзиро!

Откликается самурай, похожий на Масао.

— Их разум сожран демоном. Если мы пощадим их, Кагура Ямата сожрет всю Японию. Заряжай!

— Но кодекс... Наш долг — защищать слабых! Масао!

Генерал Масао перерубает нападающему крестьянину руку, толкает его ногой.

— К черту кодекс! Кодекс написан для войны с людьми, а не с тварями. Стреляй, или я пристрелю тебя сам!

Слышен залп мушкета и лязг оружия.

— Они прорывают линию обороны!

Повсюду резня. Один из самураев вонзил катану в горло одержимой женщине.

— Что мы делаем? Мы сами становимся чудовищами!

Кричит какой-то юнец в строю.

Масао хладнокровно достает фитильный пистолет, стреляет в упор в бросившегося на него одержимого ребенка.

— Чтобы победить чудовище, нужно стать хуже него. Готовьте пороховые бочки! Выжжем это место до основания вместе со всеми, кто внутри!

— Там прячутся выжившие! Невинные дети!

Масао хватая юношу за грудки, его глаза полны ярости и отчаяния.

— Их жизни — цена за спасение Японии.

Туман растворяет и я снова стою на поляне вместе с постаревшим Масао. Бруски дерева мирно покоятся траве. А с ними застрявший топор. Будто и не было нечего.

Взгляд мастера меняется. Он замечает мое негодование.

— Что ты видела, Хотару?

Не знаю, как ему объяснить. Масао хмурится.

— Просто скажи, как есть. Не люблю сладкую ложь.

— Я видела бой. Вы были моложе. Ну, и...

Я не могу договорить. Мастер берет меня за руку и отводит в дом.

— На сегодня урок окончен. Поговорим.

Сажусь на татами. Старик лицом от меня старательно разводит огонь. Я смотрю в тот огонь, и лица смертников заново всплывают передо мной, они горят, горят и кричат.

— Хотару, я знаю ответы не на все вопросы. Но я надеюсь, что ключом к пониманию станешь ты.

Замираю.

— Я?

Сжимаю пальцы, тру ссадины, которые, как боевые награды, горды рдеют на моей белой избалованной руке благородной дамы.— Я всего лишь дочь самурая. Тень его великого прошлого. Во мне нет ничего такого.

— Не спеши делать выводы.

Сухо отвечает учитель. Молчу, затаив дыхание. Жду объяснений его слов. Наконец Масао выдыхает и начинает свой рассказ:

— Хотару, тебе, конечно, известно про Ямата Кагура? Как славные воины империи Восьми островов одолели трехглавого змея и восстановили мир на земле.

— Конечно.

— А как они это сделали, тебе в учебниках не рассказали?

Щелчок. Понимаю, что в голове полная пустота. Говорили — победили, и я верила, не задавая никаких вопросов.

— Мой отец...помню, кажется, он рассказывал, что победил змея Светом своего меча...

— И ты веришь в это?

Смотрю на своего учителя. Трудно принять, как он относится к моему отцу.

— Папа не стал бы мне врать.

— Хотару, еще с эпохи войны мы узнали, что существует такой тип людей, которые умеют читать души. У Ямата тоже существует душа. И было бы интересно узнать его мотивы. Это здорово упрощает ведение войны.

— Стоп! Вы говорите о Ямата так, будто он еще жив.

Старик замолкает. А потом укоризненно спрашивает:

— Ты до сих пор не поняла?

— Но, но...этого не может быть!

— Враг разбит, но собирает силы. Наша задача — добить остатки его чакр, одну из которых ты видела еще вчера, на том рынке, в том торговце тканями.

Закрываю рот руками. Не может быть!

— Сегунату нужен твой дар. Без твоих глаз, мы, самураи — всего лишь пушечное ядро. Ты же знаешь, генерал на поле боя — грозный тигр, а на доске сёгуна — деревянная пешка, которой закрывают дыру в заборе.

— Но я даже катану в руках толком держать не умею!

— Это и не нужно. Будь глазами. А мы позаботимся о твоей безопасности.

— Кто это мы?

— Ситуация набирает обороты.

Продолжает Масао, будто не слыша моего вопроса.

— Я не думал, что Ямата сможет восстановить свои силы так быстро. Сегун уже издал указ о мобилизации военных сил. И, Хотару, да, это будет больно, но ты должна знать. Все было спланировано заранее. Сегун знал о тебе, и поэтому отослал в безопасное место, по дальше от столицы.

— Но...подождите, это какой-то абсурд. Как он мог знать о моем даре, если даже я не знала?

— Таким же даром владел твой отец. Именно он координировал все движения армии до того, как был убит Ямато.

Опускаю голову. Осмысливаю.

— Получается, все эти хвалебные оды — «не огранённый алмаз», «настоящий дух воина» — всего лишь лесть, чтобы завлечь меня работать на себя? А я-то думала, сегун и вы просто проявляете ко мне доброту...

Старик протягивает горячую кашу, мешает ложкой.

— Я знаю, Хотару, ты еще очень юна. Тебе хочется других впечатлений, но зло не дремлет. И оно не дает вторых шансов.

Дую на кашу, и только тут замечаю, насколько устала. Глаза буквально слипаются, а в комнате пляшут темные пятна. Так и не поев, ложусь на татами и, не думая, отключаюсь.

Глава 10. Одержимый Хиро

Ни свет, ни заря. Слышу, как старик копошиться в мешках с крупой. Разляпаю глаза. Учитель качает головой.

— Крупа закончилась раньше, чем я предполагал. Похожие мыши прогрызли мешок.

Смотрит на меня. Оценивающе.

— Если нужно в деревню, я с вами!

Догадываюсь я.

— Слишком опасно. Людные места — это первое место, где демон наиболее активен.

— Но оставаться одной в горах тоже опасно.

Парирую я.

— Путь в деревню не близкий. Туда и обратно займет весь день. Уверены, что готовы оставить меня одну на так долго?

Масао задумывается. Вижу, как взгляд мутнеет и все больше напоминает тот серый фитильный дым. Брови хмурятся. Он взвешивает все за и против. Опасность настолько велика? Наконец, взгляд светлеет, и тучи уходят.

— Хорошо! Может, Ямато еще слишком слаб, чтобы нападать в открытую. Вот и проверим.

Он берет катану, засовывает за пояс «оби». Закидывает за спину небольшой узелок. И идет проверять дом.

— Собирайся!

Вскакиваю с футона (хлопковый матрас), бегу на улицу, к желобу с водой. Босиком. Холод пробирает до костей. Отважно зачерпываю руки под ледяную воду и умываюсь. Бррррр! Капли предательски закатываются за шиворот.

Наношу на указательный палец толченый песок, энергично растираю по зубам. Вот так. Теперь зубы чистые.

Бегу в дом за одеждой. Пока старик находится в своей части дома, за фусумой (раздвижная дверь), быстро переодеваюсь. Скидываю спальное кимоно, одним залпом натягиваю повседневное «косоде» (кимоно с узкими короткими рукавами), широкие штаны «хакама». Сверху набрасываю «хаори»(легкий жилет).

Расплетаю вчерашнюю прическу и убеждаюсь. В таких условиях моя голова очень быстро превратится в утиный помет. Усилием воли заставляю себя не думать о душе. Закручиваю гульку. Это гордая точка на моей репутации избалованной аристократки.

Подую голос мастеру о том, что готова. Вместе мы выходим на деревянный настил. Надо закрыть дом или кто-нибудь похуже мышей может повадиться ходить к нам в гости.

Масао берется за тяжелые защитные щиты — «Амадо», которые стоят в угловом коробе. Один за другим он с грохотом (грррррр-тук, грррррр) вытягивает их и катит по желобу. Дом стремительно превращается в глухую деревянную коробку. Остается открытым только один узкий проем — входная раздвижная дверь (косидо).

Мужчина подходит к последней открытой двери. Он задвигает её до упора. Затем протягивает руку к верхнему деревянному косяку двери, прямо под козырьком крыши. Пальцы ловко нащупывают едва заметную щель в стыке бревен. (Какая хитрость!) Он нажимает на скрытый деревянный рычажок внутри паза. Раздается глухой щелчок внутри стены: «Ток»! Внутри конструкции падает скрытая деревянная чека (клинышек), которая намертво заблокировала раздвижной механизм двери изнутри. Масао берется за ручку двери и с силой дергает её в сторону. Дверь сидит как влитая и не двигается ни на миллиметр.

— Ух ты!

Восхищенно замираю над «замком».

— Вы сами придумали такой способ?

— Был знаком с одним плотником.

Скучно отвечает старик. Значит, дальнейших объяснений не будет.

Раньше я никогда не видела, как закрываются крестьянские дома. Я жила в богатой усадьбе, где защитой служили ворота, которые запирались на засовы — огромные брусья дуба. У ворот усадьбы всегда дежурили вооруженные слуги или вассалы нижнего ранга. Помню, мы даже заказывали железные заморские замки, чтобы подчеркнуть статусность нашей семьи.

Но я никогда не видела, как огромный дом с бумажными окнами и дверями, медленно складывается, как маленькая игрушечная шкатулка, и снова раскладывается, вырастая, вытягиваясь по всей длине. В прошлый раз, когда мы с мастером ходили на рынок, старик велел мне спуститься вниз под гору и ждать его, пока тот закрывает дом. Так же было и по возвращению. Он намеренно не хотел тогда показывать свой тайный засов? Что ж, если так, могу его понять. Девушка, которую впервые увидел Масао, была больше похожа на оборванку с большой дороги нежели на дочь самурая с великим прошлым.

Пока мы спускаемся с горы, люблю природой. Под ногами мягкий настил из иголок пихт, влажного мха и корней, впившихся в склон горы. Пахнет лесом и свежестью. Раскрываю грудь и глубже вдыхаю, чтобы запомнить этот аромат. В замке Осака пахло совсем не так — резкое зловоние от выгребных ям; запах плесени и гнили, доносящиеся из подвалов, где под высокой влажностью гнили запасы — рис и сушеная рыба; застарелый пот от горожан (частая смена одежда была недоступна). Все-таки здесь, в горах, вдали от душной столицы, я начинаю потихоньку вспоминать, каково это чувствовать себя свободной.

Горный пейзаж быстро сменяется картинкой простой деревенской жизни. Деревянные улицы, лавки с рисом, куча людей, спящих тут и сям, одни — в надежде озолотиться, другие — купить подешевле.

Но сквозь мирный ритм тихой жизни внезапно... пробивается истошный женский крик! Крик идет со стороны хижин! Масао, ты что-нибудь сделаешь?

Старик схватился за катану, но не вытащил ее из чехла. Почему? Боится подвергнуть меня опасности? Нет времени думать!

Бросаю Масао и бегу к хижинам, но мужчина быстро нагоняет меня и хватается за руку.

— С ума сошла! Лезешь на рожон!

Выдергиваю руку, будто в меня только что плюнули.

— Мастер, вы учили меня сражаться! Великий Будда говорил, что сильный должен помогать слабому. Именно на этом стоит наша империя!

— Империя? Глупышка! Тебя растопчут, как пешку!

Его слова заглушил свист ветра от моих рукавов. Я ускорила шаг. Во мне проснулась какая-то дикая сила... Бежать! Догнать! Спаси! Спаси, как бы спасла своего отца, когда ему нужна была моя помощь, а меня не было.

Миг. И я оказываюсь у полуразрушенной хибары, откуда крик становится громче. Вопль волной закладывает уши.

— Не надо, дорогой!

— Закрой свой рот! Она должна умереть!

Передо мной открывается страшная картина. На земле сидит, закрыв лицо руками, девочка лет четырнадцати. Над ней возвышается какой-то мужчина. Видимо, это ее отец. В его руках блестит тяжелый серп для сбора риса.

Женщина, на юбке которой повисли трое маленьких детей, бросается в ноги мужу, дерет волосы на голове и кричит:

— Хиро, прошу, не трогай Айко! Она же наша кровь!

— Она калека! Что ты будешь делать, когда зимой придут самураи...когда не будет риса...Они замучают ее! Хромая, она не сможет убежать!

Замечаю, что внутри мужчины закручивается ураган из темных чувств. Практически вся его аура черная. Глаза безумные, на выкате, как у окотившейся коровы. До крови красные.

— Лучше пусть она уснет сейчас...от моей руки...чем будет страдать!

Мужчина замахивается серпом...и встречает блок катаной. Ура! Мастер подоспел!

Выдыхаю. Значит, теперь все будет...Не успеваю закончить свою мысль, как Масао с грохотом отлетает в сторону, теряя равновесие в скользкой грязи.

— Он слишком силен! Демон дает ему мощь зверя! Уходи!

Не двигаюсь. Вижу, как Масао наносит серию быстрых ударов катаной, пытаюсь обезоружить мужчину, но тот лишь безумно хохочет. Одержимый отталкивает старика тяжелым ударом ноги в грудь. Он отлетает, но удерживается на ногах.

Вокруг не умолкает истошный оглушительный визг. Мать бьется в истерике, цепляясь за детей, младшие дети захлебываются плачем, хромая девчонка кричит от ужаса, уползая от занесенной на ней косы отца.

Масао снова бросается на одержимого, пытаюсь отвлечь его на себя. Замах! И лезвие катаны глубоко рассекает грудь крестьянина, но прежде чем старик успевает завершить удар, крестьянин с утробным ревом бросает косу и наотмашь бьет Масао голой рукой прямо в грудь. Бам!

Старика сносит с ног чудовищной взрывной волной. Он отлетает назад на несколько метров, пробивая спиной хлипкую бамбуковую изгородь. Хрипит и пытается подняться.

Вот и все. Пустота. Ничего нет. Я смотрю на Масао. Смотрю на кричащих детей и мать. И для меня умираю все звуки, будто в вакууме. Конец. Зачем все это было? Зачем я покинула отчий дом? Пыталась учиться искусству меча? Что я пыталась себе доказать? Что я что-то могу? Но я ничего не могу. Я лишь...

И тут рождается злоба. За все. За то, ничего не могу изменить. Ничего. За то, умер папа. Заболел Хироши. А сейчас и Масао скоро пойдет на небеса. За эту девочку, которая так же, как и я, из самых низов общества, вынуждена терпеть, унижаться, замалчивать слезы и ...молча умирать

Тяжело дышу. В глазах нет страха — только глубокая взрослая усталость от этого хаоса и бесконечных криков. Выпрямляюсь, решительно шагаю вперед, вставая в полный рост прямо между одержимым отцом и его дочкой. Смотрю ему прямо в глаза и с тихой ненавистью отчеканиваю:

— Хватит орать.

Мужчина с безумным оскалом резко взмахивает тяжелой косой риса. Лезвие с глухим страшным звуком врубается в мои плечо и грудь. Ткань кимоно мгновенно окрашивается багровым.

Все замирают. Мать и дети в ужасе закрывают рты рукам. Масао в ужасе открывает рот.

Ну, надо же. Мне становится немного смешно. Оказывается, чтобы остановить весь этот цирк, нужно было пустить кровь. Мужчина замечает мою улыбку. Он пятится. Что такое? Тебе не нравится, когда вещи называют своими именами?

Перевожу взгляд с окровавленного лезвия прямо в лицо побелевшего противника.

— И это все на что ты способен?

Наступает тишина. Мужчина испуганно моргает.

— И это все на что ты способен — кричать, как ребёнок и бить панику? А работать ты не пробовал?

— Я...я работаю каждый день...от рассвета до заката в поле! Но земля бесплодна, налоги неподъёмные...Я не могу их прокормить...Я просто хотел избавить ее от мук!

Шагаю вперед, сокращая дистанцию. Прижимаю его вплотную к стене хижины и остро заглядываю в глаза.

— А ты думал, что все должно быть просто? Чтобы остаться в этом мире, нужно заслужить на это право. Каждым своим вздохом. Каждым действием.

Буравлю его глазами. Приближаю свое лицо вплотную так, что между нами нет и дюйма.

— Ты делаешь недостаточно. С тихой злостью медленно отчеканиваю я.

— Вместо того, чтобы ныть и хвататься за оружие, делом бы занялся. На крики и жалость к себе у тебя, я вижу, времени хватает. А на настоящее дело — нет.

Мужчина опускает голову, сползает по стене на колени, пряча лицо в ладонях. Слышится тихое завывание. Он плачет?

К нему подбегает его дочь, которую он пять минут назад, хотел зарезать. Она обнимает его.

— Папа, я буду работать в поле вдвое больше. Только не обижайся!

Остальные дети тоже стекаются к мужчине. Ловлю на себе благоговейный взгляд матери.

Масао встает с открытым ртом, полным ужаса, замечает мои изменения.

— Боже! Что ты с собой сделала?

Я не отвечаю, потому хочу спать. Перед глазами меркнет картинка. Падаю в темноту.

Глава 11. Перевязка и выздоровление

Открываю глаза и вижу перед собой незнакомое помещение. Где я очутилась? Запах полыни и каких-то трав. Пытаюсь приподняться на локтях, но чувствую резкую боль в плече. Ой! Прямо до мозгов!

Внезапно появляется Масао. Видимо, он был неподалеку и услышал мой возглас. Лицо мастера сначала взволнованное, а потом ...строгое. Он злиться на меня?

— Ранение в грудь — это удар гордыни, а не мастерства!

И он указывает на мою рану. Щупаю. Перевязано какими-то тряпками. И шипит. Так шипит, что хочется кричать, но нет сил. Морщусь и задерживаю дыхание, чтобы не чувствовать это.

— Ты бросилась вперед с открытым сердцем, потому что жаждала быстрой победы. Где был твой разум? Где была твоя защита? Ты ослепла от ярости и забыла всё, чему я тебя учил!

Он читает проповеди в такой момент? Пытаюсь сконцентрироваться на потолке, чтобы не думать о боли.

— Истинный воин побеждает не ценой собственной жизни, а сохраняя свою. Если бы коса прошла чуть глубже, твоя смерть была бы напрасной! Твоя храбрость восхищает, но твоя безрассудность сегодня едва не погубила наследие твоего отца!

Я вздрагиваю. Он попал. Ему получилось ударить меня в мягкое место.

В этот момент какой-то человек начинает прикладывать к ране целебные травы. Наверное, это лекарь. Выкручиваюсь от боли, но терплю. Сознание уходит в пятки.

Масао молча берет в руки полотенце, макает его в воду и протягивает лекарю. На моем лбу выступают капельки пота.

— Я отправил письмо твоему брату. Он назначит жалование твоим телохранителям. Сотни «коку» (пак риса) вполне достаточно, чтобы купить хорошего воина.

Вскакиваю! Что он только что сказал? Масао с ужасом пытается уложить меня на фuton.

— С ума сошла! Рану только зашили!

— Зачем вы написали брату? Что он теперь обо мне подумает?

— Успокойся!

С раздражением парирует Масао, надавливая на здоровое плечо. Я падаю. На фuton. Больно!

— Если будешь так орать, я тебе не телохранителей — всю армию пришлю!

— Масао...

Жалобно смотрю на мужчину.

— Твой брат не нищий! Он даime и отвечает за тебя, даже если ты находишь вне зоны его усадьбы! Я вообще не понимаю, почему он раньше не отправил тебя с воинами! Ты пришла вся в грязи, чуть не умерла по дороге, и тебя беспокоит, что подумает о тебе твой брат!

Отворачиваюсь от Масао и стою от боли. Он не знает Сенсуке. Когда мы прощались, брат назвал меня «грязной жрицей полей». Не думаю, что он захочет прислать хотя бы одного

воина. Это бы опорочило его репутацию среди соседних городов. Информация о назначении телохранителей быстро распространяется. Воины прошли бы через пол страны, чтобы добрать до нашей глуши. «Сестра самурая из знатного рода всего лишь — служанка, не способная поднять меч», — вот каких слухов боимся мы оба, это поставит жирный крест на имени моего отца.

Смотрю на Масао. Он не преклонен. Да и к чему объяснять? Ему все равно на мои жалкие оправдания.

— Я хочу поспать.

— Хорошо. Я буду в соседней комнате.

Ширма захлопывается, и я остаюсь одна наедине с приближающимся позором.

Проходит немало дней с того, как я могу подняться с «больничного одра» и возвращаюсь к тренировкам. Теперь мой учитель еще более внимателен. Он настойчиво вдабливает мне в мозги, что моя безопасность превыше всего. Но я знаю, все это ради победы над демоном.

Теперь основной акцент ставится в тренировках на самозащиту. Чувствую себя паршиво. Как я оправдаю честь своего отца, если буду прятаться за чужие спины?

Пожив какое-то время в деревне из-за тяжёлой раны, мы снова вернулись в горы. С тех пор Масао буквально не выпускает меня из дому. За провизией ходит сам. Он стал более острожен. Даже настороженный. Силы Ямата Кагура растут. Тот одержимый, с которым состоялось сражение, гораздо сильнее предыдущих марионеток.

Мучительная тишина, словно наказание, повисла над нашим домом. Масао ждет приезда телохранителей. Я же сомневаюсь, что хоть кто-нибудь приедет.

Глава 12. Гэнины

Но однажды утром, когда туман в горах еще стоит плотной стеной, в дверь отдает неприятно громким стуком. Бум! Бум! Бум! Кто-то явно торопится к нам попасть. Я встаю с футона. Конечно, мастер тоже уже не спит. Мы настрожено переглядываемся. А вдруг это одержимые демоном? Или бандиты?

Мастер осторожно подходит к двери. Прислушивается. За дверью несколько мужских голосов. Человек восемь. Они перебивают друг друга, нещадно ругаются, бьются локтями о двери. Наконец кто-то выкрикивает свое имя:

— Гэнин Дзиро, тайный телохранитель и личный слуга в поместье дайме Кендзиро!

Я вскакиваю. Подбираю дневное кимоно с пола и бегу в соседнюю комнату. Хлоп! И фусума захлопывается. Сердце бьется так, будто меня поймали на месте преступления. Брат все-таки прислал самураев? Зачем он это сделал? Теперь обо мне будут думать, что я слабая безвольная кукла, не способная пройти даже пару шагов без личной охраны. Да еще и в такую рань! Что за день?

Быстро повязываю тугой хвост, одеваю хаори. Вспоминаю, что не умывалась и не чистила зубы. Плевать! Опрятность для дочери самурая это не главное. Я же воин, а не избалованная девица.

За бумажной дверью слышатся громкие голоса. Масао уже открыл дверь. Всматриваюсь в щель между жалюзями. Да это не самурай, а самое настоящее отребье! Где фамильные гербы? Где оружие в чехлах и золоте?

Вижу грязных, помятых, в заплатанных одеждах мальчишек не старше двадцати лет. Они переговариваются между собой на ходу, ругаются, сплевывают прямо на татами! Амуниция бьется о бумажные стены. Один, со шрамом на лице, кричит:

— Дайме обещал нам горы золота за защиту этой девчонки. А мы даже ноги вытереть не можем! Нет места!

Входит Масао, бесшумно закрывая за собой раздвижную дверь.

— Золото дайме пахнет одинаково — хоть в руках благородного воина, хоть в руках пса из подворотни. Нож режет одинаково.

Говорит мне учитель, читая мое разочарование на лице.

— Смотри не на их грязь. Смотри на их суть.

Обреченно вздыхаю. Брат не мог прислать нормальных самураев? Сэкономил на моей защите? Я так ему противна? Из главной комнаты слышится призывный крик:

— Слышь, старик! А где здесь слуги? Нам сказали, мы будем охранять важную птицу, а нас привели в свинарник! Где выпивка? Где горячий рис?

Ярость, как яркое пламя, вспыхивает внутри моего живота. Быстрыми размашистыми шагами, как одержимая, топаю по татами голыми ногами к тому «самураю». Глядя ему в глаза с тихой злостью говорю:

— Ты сам свинья, так что место тебе под стать.

Гэнины, как один, замолкают. Смотрят на меня. Один, видимо, главарь стаи, подается вперед.

— И ради этого мы перлись в горы? Избалованная дочка какого-то чинуши? Смотрите на нее — пальчики тонкие, личико белое. Да она при виде первого же беса в обморок упадет! И она спасение мира? Не смешите мои сандалии!

Багровею. Другой гэнин, постарше и пошире в плечах, подливает масло в огонь.

— Она просто родилась в шелках, парень. Пока мы в трущобах жрали грязь и дрались с собаками за тухлую рыбу, эта кукла читала свитки и пила дорогой чай. Ей невдомек, чего

стоит жизнь. Она думает мы тут ради ее красивых глаз? Мы тут ради золота, девка! Поняла? Ты для нас ходячий мешок с монетами, который нужно дотащить до финиша.

Выхватываю свою катану, но Масао хватает меня за руку.

— Я для этого учил тебя искусству меча?

Краснею. Гэнины смеются. Один из них издает издевательский свист. Прячусь в соседнюю комнату.

— Зачем ты снова подставляешь себя под удар, если не можешь ответить? Мало одного урока?

Гневно отчитывает меня старик.

Вспоминаю шрам на правом плече, но от этого мой ум не проясняется.

— Мастер, вы не слышали, что они сказали? Я для них всего лишь мешок с золотом!

— А они для тебя — живой щит. Уйми свою гордыню! Принеси им горячий чай в качестве извинения!

Вздыхаю. Во многом я зависимый человек. Сначала я зависела от брата. Теперь от учителя, а скоро буду зависеть и от этого мусора, что расхаживает в нашей прихожей.

Смотрю на старика, но тот непреклонен. Беру чай, о котором уже позаботился мастер. Выхожу к гэнинам. Кланяюсь.

— Прошу прощения за мой грубый тон. В качестве извинения примите чай. Он освежит горло после трудной дороги.

Из толпы раздаются смешки:

— Нам бы чего-нибудь покрепче!

Не обращая внимания на выкрики, подхожу к каждому, разливаю кипяток. Замечаю, как один из выскочек протягивает ко мне руку, чтобы грубо схватить за подбородок и развернуть к себе. Вот это уже непростительная наглость!

Мои руки заняты чаем. Если попытаюсь атаковать, уроню поднос и мастер снова...

Миг! Ситуация разруливает сама себя. Близко от меня проскакивает молния — едва различимая. Моргаю. Между мной и обидчиком стоит парень лет двадцати, он с силой бьет злопыхателя рукоятью своей катаны. Тот падает и обиженно скулит на полу, растирая свою больную руку.

— Еще раз потянешься к ней — я вскрою тебе горло быстрее, чем ты вспомнишь свое «капподзюцу».

Мой заступник, мальчишка с копной золотых волос, приставляет клинок к горлу нападающего.

Все мужчины тут же хватаются за оружие. Обстановка накаляется. Нас спасает гэнин-одиночка, который до этого тихо сидел в углу и, безучастный к внешнему шуму, начищал свой меч.

— Заткнись.

Тихо бросил одиночка разгорячившемуся блондину.

— Твои эмоции тебя погубят. Ты слишком много орешь ради девчонки, которую видишь в первый раз.

Блондин осекается и краснеет. Вооруженная до зубов шайка рассасывается. Я подхожу к моему заступнику.

— Благодарю! Если бы не вы, не знаю, чем закончилась бы та ситуация!

Белокурый мальчишка расплывается в широкой солнечной улыбке. Прямо, как ребёнок.

— Ну что вы, госпожа? Я лишь выполнял свою работу.

Смотрю на юношу, что до сих пор держался сам по себе. Почему он вмешался в драку? Выгоды у него точно никакой не было. Решаю поблагодарить.

— И тебе, спасибо! Когда все обнажили мечи, ты остановил резню. Вы единственные среди этого сброда достойны быть моими защитниками.

Гэнин, который до этого начищал свой клинок, резко замирает. Тряпка в его руке останавливается. Он медленно поднимает глаза — в них нет ни благодарности, ни трепета. Только ледяное презрение уличного бродяги.

— Достойны? Хватит разыгрывать святую, госпожа.

О чем это он? Холодный пот пробивает со спины. Пячусь, но юноша продолжает:

— Ты пришла сюда, зная, что мы — голодное отребье. Нам нечего терять, кроме своих цепей. Твой старик-учитель бросил нам кость — статус и жизнь без голода. И ты сидишь там, за своей ширмой, и молча смотришь, как мы грызем друг другу глотки.

Нет! Это не так! Делаю шаг назад.

— Ты подставила свое красивое личико под удар, чтобы проверить, кто из псов бросится первый. И бросился этот дурак.

Говорящий переводит ледяной взгляд на блондина.

— Он повелся и подставился под девять клинков. Если бы я не разрядил эту ситуацию, здесь сейчас была бы гора трупов, а твоя одежда была бы в нашей грязной крови. Ты подстрекательница, госпожа. Ты стравливаешь нас ради забавы, чтобы выбрать самую злую собаку для охоты на твоего демона.

В ужасе отшатываюсь. Но... Что такое? Чувствую очень чистую, горячую, как солнце, силу. Не от себя. А от второго юноши, который бросился за меня в бой. Смотрю на этого блондина. Тот сжимает кулаки так, что костяшки побелели!

— Думаешь, ты все знаешь, гений?

Выкрикивает парень новому знакомому:

— А на деле — не видишь дальше своего носа! Не все такие же продуманные, как ты! Есть в этом мире люди настоящие, искренние, добрые! И госпожа именно такая! Уверен, она просто испугалась этого ублюдка, который протягивал к ней свои грязные ручонки!

Не верю своим глазам! Какой чистый золотой свет исходит от этого парня! И при этом еще глубокий, мощный, с вибрацией, будто само Солнце в руках. Неужели такие чистые души бывают?

— Как твое имя, гэнин?

Ловлю на себе прямой и честный взгляд, лишенный спеси или рабского преклонения.

— Рэн, госпожа.

Не успеваю ответить, как тот, второй, что постарше и с ужасным гонором нести чушь, произносит:

— Сила у тебя есть, Рэн. И стержень. Жаль только, что твоя честность и твоя первая любовь завтра разобьются о реальность. Демону плевать на твои добрые намерения.

Раздосадованная, возвращаюсь в крохотную соседнюю комнатку — единственное место, где можно побыть в одиночестве. И оттуда, через щель в жалюзях, наблюдаю происходящее.

В дом возвращается Масао, который все это время набирал воду для чая из желоба. Через бумажные стены слышу голос старика. Он обращается к гэнинам.

— Вам, крысам из Синагавы, выпал шанс сдохнуть не в канаве, а в бою. Вы знаете про демона Ямата Кагура.

При упоминании демона двое гэнинов вздрагивают и крестятся. Масао, не обращая внимания, продолжает говорить:

— До недавнего времени тварь спала, копила силы. Но три месяца назад мы с госпожой Хотару встретили одержимого в деревне, среди простых горожан. Это сейчас. А представьте, что будет спустя год?

По толпе проходит ропот.

— Как вы знаете, Ямато вселяет в разум жертв и делает их безумными. Они не чувствуют боли. Они режут младенцев и сжигают храмы. Тот из вас, кто хорошо покажет себя в бою с

одержимыми сегодня, получит имя, золото и статус личного гвардейца. Остальные вернутся гнить в грязь.

Один из гэнинов выкрикивает:

— Статус? Золото? Да я за белый рис и право ходить по главной улице Эдо этого демона зубами загрызу! Госпожа, посмотри на этих доходяг. Они же меч в руках не держали!

Высочка выбрасывает кулак вперед, едва не задевает нос сидящего рядом с ним гэнина! Затем юноша закатывает рукава и гордо выставляет сбитые, покрытые шрамами костяшки.

— Мое Копподзюцу ломает кости сквозь любую одежду. Одержимый не чувствует боли? Плевать. Если я сломаю ему коленные чашечки и хребет, он просто не сможет сделать шаг к госпоже!

— Кости? Как грубо, Дзиро!

Я смотрю на верх, откуда слышалась этот голос. Под самым потолком, уцепившись ногами за оголенную балку крыши, свешивается вниз головой какой-то паренек, нет, совсем мальчишка, но юркий и ловкий, как акробат.

— Демон быстр, он управляет телом как марионеткой. Пока ты будешь целиться в его колено, он перережет тебе горло.

Мальчишка ловко срывается с балки, делает в воздухе безумное акробатическое сальто и приземляется на узкий пяточок земли между другими гэнинами, никого не задев. В его руке мгновенно оказывается короткий меч ниндзя-то, выхваченный обратным хватом.

Ого! Может, я ошиблась насчёт гэнинов? Не такие они уж и противные, когда смотришь на них вот так. Дело свое знают.

Другой ниндзя делает три молниеносных выпада в воздухе, его лезвие свистит в дюймах от лиц испуганных соперников.

— В тесноте городских переулков или в покоях госпожи длинный самурайский меч — это обуза. Мой стиль — скорость и укол в глаз. Я ослеплю одержимого до того, как его демоническая кровь закипит.

Какой-то крупный детина, разъярённый тем, что прямо перед его носом пронеслось смертоносное лезвие, пытается схватить за шиворот чудака, но тот, как змея, проскальзывает под его рукой.

А они не плохи в деле! Может, даже и Ямата им покажется под силам!

Вся радость тухнет, когда вижу того, кто пытался меня унижить, тот противный парень, что протягивал ко мне свои ручонки. Он молчаливо протискивается через толпу. В его руке катана, обмотанная шнуром, но лезвие скрыто в деревянных ножнах. Похоже, я знаю, каким стилем он владеет. Будучи выросшей в поместье самурая, я часто видела, как наши стражники использовали ножны в качестве дубины, чтобы оглушить разбушевавшегося пьяного самурая. Иногда папины друзья могли вытворять и такое. Похоже, этот стиль называется «сая-дзюцу» — стиль боя с закрытым оружием.

— Вы оба дураки!

Бросает в толпу этот высочка.

— Кровь одержимых Ямата Кагура проклята. Если вы прольете ее на землю или она попадет вам на кожу, демон заберет и ваши души.

Мужчина делает резкий выпад. Тяжелым деревянным концом ножен он бьет высочку под дых, заставляя того согнуться, а вторым концом блокирует выпад короткого меча «любителя помахать перед глазами».

Вот это удар! С такими-то силами они, наверняка, справится с одержимыми деревни.

Мой взгляд случайно встречается с взглядом того холодного ледяного парня, который набросился на меня с обвинениями в моей двуличности. Черт! А ведь он прав! Сейчас я просто упиваюсь, наблюдая, как голодные ниндзя готовы выпрыгнуть из своей шкуры, чтобы получить этот титул. А ведь их жизни могут оборваться в любой момент. Кагура очень силен!

— Довольно грязи и пустых слов!

Слышу Масао, он строит юнцов, чтобы они хотя бы чуть-чуть соблюдали субординацию.

— Луна взошла. Время показать, чего стоит ваша спесь на самом деле!

Высочка с кунаями смеется:

— Старик, ты просто освободи место для мешков с монетами! Парни, за мной! Кто первый принесет голову одержимого, тот и заберет большую долю!

Толпа с улюлюканьем спускается в лес. А я стою молча, поражённая решением мастера.

— Вы с самого начала планировали такой жестокий отбор?

Старик смотрит с укоризной.

— А чего ты ожидала? Нам нужны воины, а не крикуны!

— Мастер, они же погибнут!

— Они гэнины. Они подписались кровью, что будут сражаться до последнего вздоха, защищая родное поместье и тебя, Хотару!

Их жизни нечего не значат для старика, впрочем, как и моя. Я всего лишь пешка на шахматной доске, еще один шаг к победе.

Вытаскиваю из-за пояса свою катану. Гэнины, скоро дойдут до деревни. Нет времени на слова!

Делаю резкий выпад вперед. Фокусирую внимание. В первую очередь нужно смять защиту противника. Попытаюсь сделать это напором!

Каждый мой удар — это град из коротких хлестких выпадов. Пока это все, на что я способна. Силы у меня нет, но есть молодость, которая делает меня более выносливой к физическим тренировкам, чем старика.

Меч свистом рассекает воздух. Сыплю ударами один за другим, чтобы оглушить противника!

Но Масао не просто противник, он — бывший генерал, который знает, как вести бой. Старик хитер, он экономит силы, просто плавно отступает назад, легко парируя мои яростные атаки. И я знаю, он считает меня жалкой!

Но сейчас речь даже не обо мне, а о тех ребятах, что пошли кормом для демона. И поэтому я не имею право проигрывать. Приседаю. Сделать обманный маневр — мой единственный шанс. Удар снизу вверх, и брешь в его защите должна быть пробита!

Но Масао предвидит это. Он делает короткий шаг вперед, рукоятью катаны бьет мне в запястье. Ай! Пальцы разжимаются, и оружие делает стремительный полуоборот, оказываясь прямо за моей спиной, оно втыкается в землю клинком вверх.

Меч мастера ложится на мои плечи, утыкается в шею. Вот и все! Я застигнута врасплох!

— Ты смешна, Хотару. Вместо того, чтобы принять защиту гэнинов, ты сама вступаешься за них горой. Они взрослые мужчины, годами они оттачивали свои техники и приняли осознанное решение пойти против Кагуры. Почему во всех ты видишь лишь жертву?

Молчу. Понимаю, мне не одолеть Масао ни мечом, ни словом. Что еще мне остаётся? Обреченно скрываюсь в доме. Старик следует за мной, причем закрывает дом изнутри, так же, как и в прошлый раз. Наверное, он боится что кто-то из одержимых последует за раненным гэнином, чтобы пробраться к нам. Жестоко!

Глава 13. Испытание одержимостью

Закрываю глаза, сосредотачиваюсь на своем даре. В первый раз видеть события дистанционно я научилась, когда Масао уходил в деревню и подолгу оставлял меня одну, запертую дома. Ради скуки я баловалась: закрывала глаза и пыталась увидеть, что сейчас происходит в деревне. И когда у меня получалось, я не пугалась, как в первый раз, при раскрытии тонкого зрения. Я просто отмечала, что в моем списке всего непонятного появилось еще одна галочка.

Концентрируюсь и...передо мной медленно раскрываются черные клубы дыма. Через них вижу картинку, сначала неясную, а затем все четче и чётче.

На заснеженной площади, весь в крови, сидит тот самый одержимый, которого мы с Масао застали в деревне. В его руках маленькая девочка, та самая, наверное, его дочь.

Негодяй все-таки убил ее! Чувствую имя преступника — Хиро.

Повсюду кровь и руины. Ни одного выжившего. Ни одного. Но Хиро это не замечает. Он продолжает укачивать всю дочку, напевая один и тот же мотив: «Я люблю тебя, я люблю тебя, и это никогда не закончится».

Смотрю на девочку. Та сложила головку, как крохотный одуванчик. Невинная и спокойная, она больше похожа на ангела, нежели на человека. Потерять жизнь в четырнадцать лет! Это преступление.

Вижу гэнинов. Они бесстрашно подступают к одержимому. Некоторые из них даже ухмыляются. Бегите, дураки! Но жажда богатства и тщеславие перевешивает их здравый смысл.

Услышав громкий смех, Хиро вздрагивает, испуганно оглядывается на воинов.

— Не шумите! Тише! Я только-только уложил ее спать! Она все не хотела, моя бедная шалунья. Но теперь уже все хорошо. Вам нужно уйти. Иначе она снова проснётся.

Он проводит рукой по лицу девочки, убирая с глаз локон волос. А я вижу новую картину. Видимо, это события прошлого. Воспоминания Хиро?

— Где рис? Вы должны были заплатить еще в том месяце!

Спрашивает грубый мужской голос. Всадник до боли знакомый. Нет! Не может быть! Это же господин Сато, тот самый урод, что избивает крестьян за «рисовые» долги. Я встретила его по пути к дому Масао.

— Где рис? Я что тихо спрашиваю?

Повторяет мужчина и бьет по голове девушку, которая прижалась к земле. Нет, это не просто девушка! Это Айко, дочь Хиро.

Сато слезает с лошади, берет ребенка за волосы, раздевает. Догола.

— Отвечай, девка!

— Мой отец поехал в соседнюю деревню, чтобы продать товар! Он вернется и отдаст вам деньги! Честное слово!

Хлыст рассекает слабое тело.

— Больно! Не надо!

Остальные крестьяне смотрят. Никто и не думает вмешиваться. Идет снег. Холодно. Начало зимы. Покалеченный ребёнок лежит на земле и умирает, тихо, молча, не слышно. Так, чтобы за этот стыд не пришлось расплачиваться другим.

Возвращаюсь в реальность. Так, Айко умерла не от руки Хиро? Это был господин Сато. Поэтому Хиро разнес всю деревню?

— Они издевались. Я знаю, тебе было больно, но теперь тебе нечего бояться, будь спокойна.

Шепчет обезумевший отец.

— Слышали! Чудовище рассуждает о покое!

Выкрикивает гэнин, владеющий копподзюцу. Ниндзя с парными кинжалами подливает масло в огонь.

— Ты сам лишил ее жизни, безумный пес! Прикрываешься заботой, но правда в том, что это ты убил ее, чудовище! Ты — обычный палач собственного дитя!

— Скажи спасибо, что мы избавим мир от твоего гнилого семени. Награда за твою голову сделает нас господами в Осаке, а твои слезы не стоят и медного гроша!

Смеется «акробат», тот, который висел на балке крыши, выполнял невообразимые трюки в воздухе. Безумцы! Бросайте мечи и бегите!

Но поздно. В глазах Хиро вспыхивает пламя. Кожа чернеет. Из его спины и плеч с хрустом вырастают множественные уродливые человеческие руки — облик умерших под его косой. Тело дочери покрывается коконом из костей. Хиро прячет этот кокон у себя на груди, точно сердце.

— Мое копподзюцу раздробит твои лживые руки, детоубийца!

Кричит один из гэнинов и бросается на чудовище. Но четыре руки просто скручивают его в узел. Слышу хруст костей!

Не успеваю опомниться, как случается новая трагедия. Группа синоби делают выпады, рассекают плоть демона, но раны затягиваются мгновенно.

— Помоги... Оттяни его.

Кричит кто-то, захлебываясь в крови. И тут же слышит ответ:

— Твоя смерть — моя доля золота!

Один из воинов пускается в бегство.

— Это не человек! К черту золото! Я хочу жить!

Одна из призванных рук демона вырывается из под земли и утаскивает кричащего труса под снег.

О, ужас! Убиты практически все. Стоп. А где Рэн? И этот, как его... с каменных лицом.

Направляю свое внимание на их чакры. Это поможет взять след. Вот они! Живы!

Только Рэн тяжело ранен, а его «друг» выдохся. Кажется, я даже чувствую его имя. Джин! Его зовут Джин.

— Я не отступлю перед этой тварью!

Сплевывает кровь Рэн.

— Заткись, идеалист! Если мы не объединимся прямо сейчас, твоя храбрость сгинет в грязи.

Отчитывает Джин. Рэн смотрит с презрением на товарища по мечу.

— Ублюдок, я ненавижу тебя!

— Взаимно. Но я предпочту ненавидеть тебя живым. Я отвлеку его руки, ты — бей в сердце, под кокон.

И Джин со скоростью молнии бросается в резню. Он отсекает мечом лишние руки, уводя удар на себя. Демон ни разу его не задел! Просто не смог. Джин уворачивается на грани человеческих возможностей!

Рэн, захлебываясь в крови, кричит сквозь боль:

— Смотри на меня чудовище! Я твой противник!

Мужчина делает рывок напролом, принимая один из сокрушительных ударов демона. Кости трещат, но гэнин не отступает — похоже, он готов идти до конца, до самой смерти. Блокирует руки демона, собственным телом, задерживая врага. Брешь в защите открыта!

— Рэн! Держи его! Не смей отпустить!

Джин взмывает в воздух. Молниеносный, чистый разрез. И все! Шея демона и кокон разрублены. Это идеальная победа.

Многорукое чудовище распадается. Хиро падает на колени, принимая свой прежний человеческий облик. Он подползает к дочери. Та раскрыла руки, как птица, улыбается.

— Прости меня ...милая. Меня не было рядом, когда это произошло. Но теперь я с тобой и всегда буду с тобой.

Хиро падает на тело девочки, будто закрывая ее от мира. Оба мёртвые. Падает снег. В моей голове все еще звучит та колыбельная, которую пел отец: «Я люблю тебя, люблю тебя, и это никогда не закончится».

Рэн падает на снег, теряя силы от потери крови. Джин подхватывает товарища по мечу. Как быстро! Кажется, он предчувствует любое телодвижение. Мужчина зубами отрывает от своего и без того худого кимоно кусок ткани, туго перевязывает рану. Рен жмурится от боли, хрипит.

Руки «лекаря» дрожат. Неужели он...волнуется? Может ли Джин в тайне от всех быть добрым романтиком? Нет, сейчас не время думать об этом. Усилием воли запрещаю себе смотреть в душевные тайники гэнина. Ведь он запретил мне приближаться к душе даже на дюйм.

— Не смей умирать, болван! А то мне самому придётся нянчиться с этой госпожой!

— Ого, наш черствый прагматик умеет переживать?

Кашляет Рэн, захлебываясь кровью. О, нет! Он совсем слаб. Если мы не поспешим наподмогу, может статься, что он не дойдёт до дома!

А что, если Масао всё-таки поймет меня, если скажу, что все кончилось, чудовище повержено, мы в безопасности, и теперь главная задача — помочь ребятам добраться домой? Бро-саюсь к Масао.

— Мастер, демон побежден! Но один из гэнинов сильно ранен. Нам нужно поспешить на помощь!

Масао с интересом вглядывается в мое лицо.

— Твой дар развивается с большей скоростью, чем я ожидал. Но почему ты не просмотрела Ямато? У него есть слабые стороны?

Замираю. Старик не интересуется выжившими. Все, что его беспокоит — слабое место врага.

— Да, я расскажу вам об этом, но сначала мы должны помочь Рэну и Джину. Они слишком слабы!

Масао встает с татами, удовлетворённо вздыхает.

— Ты права. Я сам отправлюсь им наподмогу, а ты сторожи дом.

С облегчением выдыхаю. Дело сдвинулось с мертвой точки. Масао уходит в ночь, а я остаюсь в доме одна — ждать наших гостей.

Так хорошо слушать дом глубокой ночью. Ни войны, ни криков ужаса, ни резни. Закрываю глаза, сползаю по стенке к полу, прячу лицо в ладони. Ти- ши- на!

Но сцены бойни все-таки не выходит у меня из головы. Как жить после такого? Столько крови, столько людей погибло зря. И все из-за...меня? Если бы я тогда сразу остановила того одержимого, отца девочки. Одно касание клинка, и трагедия бы не случилось. Ни-ког-да. Никто бы не отдал свои жизни так, впопыхах, в бесчестии, задорма. Жалко и девочку.

Снова перевожу свое внимание на дом. Насильственно. Чтобы не слышать голос совести. Сверчки трещат. Лениво полыхает очаг — сердце дома. Все спит. Только я все ни как не могу успокоиться. Ну, где они там? Почему так долго? Может, что-то случилось? Прошло уже 4 часа с ухода Масао, а от команды ни слуху, ни духу.

Закрываю глаза и мысленно пытаюсь сфокусироваться на их чакрах. Нашла!

Трое — Масао, Рэн и Джин, на месте бойни — в самом сердце деревни. Деревянные улицы облиты кровью. Мастер помогает подняться Рэну, но у того сочится кровь. Прямо из груди. Юноша зажимает рану, кимоно темнеет от крови. Как, наверное, ему сейчас тяжело! Я хорошо помню, когда меняли ранили в грудь. Боль была нестерпимой, доходящей до мозгов и костей. Рэн, держись!

Джин идет чуть позади. Он не ранен. Это хорошо. Шаги юноши бесшумны, точно кошки. Он внимательно осматривает землю. Что он там ищет?

Рэн подает слабый, охрипший голос.

— Мастер, а Хотару сейчас дома? Она точно в безопасности? Демон же не может пробраться во внутрь?

Масао отвечает с присущей ему твердостью и мягкостью одновременно.

— Береги силы, Рэн. Ты потерял слишком много крови. Демона больше нет, но настоящая битва за твою жизнь только начинается. В деревне не осталось ни лекарей, ни чистой мази. Нам нужно добраться до дома как можно быстрее. А он в горах, подъём достаточно тяжёлый.

Джин внезапно останавливается у тела погибшего товарища. Он присаживается на корточки, спокойно, без тени страха или сомнения, срезает увесистый кожаный кошель с пояса мертвеца и прячет его за пазуху. Вот стервятник! Так вот что он искал, глядя на землю! Рэн, заметив глумление над мертвым, пытается дёрнуться, но морщиться от боли.

— Джин, что ты творишь? Это же... наш товарищ! Как у тебя рука поднимается грабить мёртвых? Где твое благородство!

— Благородство не затянет дыру в груди у тебя, романтик. Ему эти монеты больше не пригодятся, а нам на них еще покупать лекарства на черном рынке. Так что завали рот и переставляй ноги, пока не сдох прямо на этой тропе!

Ушам не верю! Как Джин может быть таким бессердечным? Напрасно мне казалось, что в глубоко внутри него прячется что-то доброе и светлое.

Масао смотрит на Джина. Похоже, он тоже в шоке от холодного цинизма юноши.

— Рэн, молчи. Не провоцируй его. Нам нужно добраться до рассвета. Ты уже потерял слишком много крови.

Резкая боль вдавывает прямо в голову! Зажмуриваюсь, закрываю лицо ладонями. Наверное, это от использования дара. Нельзя им злоупотреблять. Отключаюсь от видения. И снова ... татами, сверчки и пламя в очаге, умиротворяющее, сонное, ленивое. Мои глаза закрываются, и я отключаюсь.

Глава 14. Травник Кендзи

Для этих гэнинов я всего лишь неразумное дитя, избалованное, не знавшее уличной жизни.

Масао отходит к очагу, чтобы приготовить отвар из полыни. Видимо, старик хранил ее на случай ранения. Все-таки он довольно запасливый, к тому же генерал, который знает не понаслышке, что такое вынимать стрелы из кровотокащей лопатки.

Джин садится поодаль от старика. Его лицо ровное, спокойное, почти равнодушное. Он со звоном высыпает на татами монеты и начинает считать. Не выдерживаю.

— Джин, твой названный брат, с которым ты только что сражался спина к спине, исходит кровью и бредит! А ты сидишь здесь и звенишь монетами, которые обобрал с трупов. У тебя есть хоть капля стыда, хоть какая-то мораль?

Джин даже головы не поворачивает, он по-прежнему занят счетом золотых.

— Мораль — это роскошь для сытых, госпожа. Мертвым золото ни к чему, в загробном мире лапшу за монеты не покупают. А вот нам, живым, оно очень даже пригодится.

Осекаюсь. Да как он так может говорить? Это же низко и подло! У всего должен быть предел, но у этого парня его просто нет. Подхожу в плотную и смотрю юноше прямо в глаза.

— Он умирает, а ты ведешь себя так, будто тебе все равно. А может, так и есть?

Джин наконец поднимает глаза и смотрит на меня... холодно, презрительно.

— Слушай сюда, избалованная девчонка. Ты всю жизнь прожила под крышей своего родового поместья, не зная, что такое спать на земле и жрать грязь. Ты бесполезна в реальном мире. Вместо того, чтобы читать мне нотации о высокой морали, лучше бы помогла своему благородному романтику. Ему от твоих слез и криков лучше не станет. Протри ему рану, «святоша».

Открываю рот и отшатываюсь. Что он только что сказал? Меня как будто сбросили с четвертого этажа лицом в грязь. Нет! Я не могу просто так все оставить!

Концентрируюсь. Подключаюсь к его душе. Посмотрим, действительно ли ты такой правильный или это только фарс слабого человека? Через туман прошлого передо мной всплывает картина.

Грязный серый переулок. Какой-то ребенок стоит под проливным дождем. Это Джин? Ему не дашь и десяти. Худой, в лохмотьях, дрожит от холода. Прижимает к себе корку гнилого хлеба. Рядом на коленях стоит измученная, бледная женщина. Наверное, его мать. Она держит его за плечи, а в глазах стоят слёзы.

— Прости, мой хороший... Но так больше не может продолжаться. Я не могу прокормить вас всех. А ты должен вырваться из этой дыры, слышишь?

Она отрывает свой взгляд от ребенка, многозначительно вглядывается в фигуру неизвестного мужчины — сильного и статного, широкого в плечах, с ног до головы одетого в доспехи.

— Тебя заберет гэнин. Учись у него, всему чему сможешь научиться. Делай все, что он прикажет. Теперь от этого человека зависит твоя жизнь.

Женщина толкает ребёнка к суровому мужчине, но тот упорно хватается за юбки матери, кричит и плачет.

— Хватит, Джин!

С чувством выпаливает женщина.

— Ты мужчина или тряпка? Не позорь меня! Веди себя достойно перед моим знакомым, иначе он решит, что от тебя не будет никакого толку!

Мальчик замолкает. Его лицо, обезображенное морщинами страдания, будто он какой-нибудь столетний старик, проживший целую жизнь, вдруг становится ровным, делается глухой стеной.

— Вот так.

Подбадривает его мать.

— А теперь иди. Отец бы гордился тобой.

Картинка растворяется в воздухе, и появляется новая. Уже на рынке. Здесь Джин постарше. Ему 14 или 15 лет. В глаз темная ненависть. Костяшки побелели от сжатых кулаков. Оглядываюсь на то, куда он смотрит. Какие-то люди избивают ногами нищего старика ради забавы. На главной площади. При свете дня. Все видят, но проходят мимо. Смотрят товар, спорят о цене.

— Почему так дорого?

Слышу в толпе. Всем плевать. Снова оборачиваюсь к Джину. Тот тихо шепчет сквозь злость.

— Если у тебя нет денег... ты никто. Тебя можно растоптать, как червя. Я стану богатым. Я заберу все золото этого мира и больше... никто... никогда не посмеет сделать мне больно.

Картина прошлого сворачивается, и я снова стою на татами, полыхает очаг, Рэн несчастно стонет во сне, а Масао прикладывает к ране отвар с полынью. Я моргаю. Джин мгновенно ловит мою реакцию. Он понял. Я просмотрела его. Для него прошел один миг, для меня целая вечность, картина жизни другого человека.

— Твоя жалость мне не нужна. На нее риса не купишь.

Молчу. Мне нечего сказать. Он прав. Абсолютно во всем. Сажусь на татами, рядом с Рэном.

— Госпожа...

Больной хватает меня за руку и что-то бормочет. Он все еще бредит? Плохо. Значит травы не помогают. Срываюсь с места, чтобы подняться к Масао, уговорить меня отпустить в соседнюю деревню, что подальше, но юноша так крепко сжал мое запястье, что мне не удалось даже сдвинуться с места. — Мастер! Полынь не действует! Нужно идти за ле...

Не успеваю договорить слово «лекарь», как слышу хрип раненого мальчишки.

— Госпожа, Хотару, не уходите. Вы единственное лекарство, которое поставит меня на ноги.

Джин подходит к футону больного, нервно дергает виски.

— За выжженной землей осталась еще одно крестьянское поселение. Там, наверняка, есть травник.

— Прошло слишком мало времени, чтобы судить о состоянии больного.

Процеживает Масао. Он недоволен. Подхожу к Мастеру, заглядываю ему в глаза.

— Мастер, в своем скептицизме вы потеряете преданного воина, который нужен нам, чтобы выиграть войну. Разумнее всего отправиться за лекарем. Вместе...

Перевожу взгляд на Джина.

— ...мы справимся. Я буду глазами, как вы учили, а Джин мечом. Знание безопасного пути сократит наш путь.

На лбу Масао выступают борозды сомнения. Вижу, как он борется, принимая непростое решение — рискнуть моей безопасностью и спасти юношу или оставить Рэна тихо умирать. Наконец Масао сдается, коротко выдыхая:

— Хорошо. Ты, Джин, ответственен за Хотару. Три шкуры сдеру, если с ней что-то случится.

Джин молчит, но я знаю, он злится. Спускаюсь с горы как можно быстрее, и все равно не поспеваю за темпом гэнина. Как у него получается двигаться так быстро?

— Я нянчиться с тобой не буду! Не отставай!

Изо всех сил стараюсь поспеть, и через несколько часов мы оказываемся на равнинной местности. Убитую деревню мы уже прошли. Страшно и странно смотреть на эти руины, ведь еще недавно здесь ругались из-за цены товара, бились об заклад, что выплатят долг, прятались от феодалов. А теперь...мёртвая выжженная земля.

Кутаюсь в свое захудалое кимоно. Холодно. Зима. Снег валит, как из ведра. Даже местами сугробы.

— Неженка.

Замечает мой понурый вид Джин.

— Знала же куда идешь, когда увязалась за мной. Тебе бы в шелках сидеть, не по горам таскаться. Из-за твоих капризов Рэн сейчас истекает кровью!

— Не говори так!

Вспыхиваю я, но мгновенно замолкаю.

— Слышишь, Джин? Это запах дыма? Наверное, мы близко. Дальше точно должна быть деревня.

Ускоряем шаг. Но вместо ряда деревянных улиц и оживленных торгашей видим пустую вымершую деревню. Сгоревшие дома. Обвалившиеся крыши. Лишь один дом стоит на отшибе, из его трубы идет слабый дымок.

Джин инстинктивно кладёт руку на катану.

— Здесь что-то не так. Уходим, госпожа. Мы найдём другой путь.

— Посмотри на это место, Джин. Они так страдали. Мы не можем просто уйти! Возможно, кому-то нужна помощь.

Джин вздыхает, как взрослый, который то что пытался усмирить нерадивого ребёнка, а по итогу все без толку. Подходим к дому. На пороге нас встречает молодой мужчина в простой заштопанной одежде. Видимо, крестьянин. На лице скорбь всего мира. Боже, что его так расстроило?

— Путники? В нашей глуши? Проходите, прошу вас! Мой отец ушел из жизни всего три дня назад, мы были потомственными травниками, но в этой деревне больше не осталось никого, кроме меня.

Я смотрю на огонь в очаге, и мне становится очень лениво думать. Глаза слипаются. Как долго я на ногах? Но стараюсь быть вежливой к чужому горю...Это человек потерял своего отца.

— Мне так жаль, вас, Кэндзи. Ваше горе безмерно. Как же вы живете здесь совсем один в такой тьме и холоде?

Кэндзи вздыхает, но я вижу, как его взгляд разгорается, становится любопытствующим. Как мало нужно человеку! Хороший слушатель делает чужое горе в два раза легче.

— Земли принадлежат роду, покинуть их я не могу — нет средств уплатить долги. Мой род прервется, если я не найду жену. В деревне нет женщин, я последний... Семя моего отца умрет вместе со мной. Это ли не проклятие богов?

Джин сидит в углу, скрестив руки на груди. Я вижу, как он недоволен. Он считает этого милого человека, перенесшего не человеческое горе, опасным? Все-таки не понимаю, как Джин может быть таким циником?

— Хватит разговоров. Травы. Нам нужны лекарства для нашего человека, прямо сейчас. Травник улыбается. От него так и веет спокойствием и мирной сельской жизнью.

— Конечно. Они хранятся в погребе. Пойдемте со мной, господин воин. Или, может, ваша прекрасная госпожа захочет посмотреть на редкие цветы?

— С удовольствием!

Вскакиваю с татами. Я давно не держала ничего, кроме катаны в своих руках. Вспомнить, каково это смотреть на редкие цветы, приятно. Но весь мой запал обрывается резким ледяным голосом Джина. Практически приказной тон.

— Нет, госпожа. Оставайтесь здесь. Ты, (смотрит на травника) — показывай дорогу.

Мужчины удаляются в погреб, а я остаюсь одна в скучной лачуге, укутанная теплым, но грязным одеялом. Спасибо крестьянину, что отдал мне последнюю теплую вещь в доме! Этот Кэндзи во истину добрая душа.

День близиться к концу. Думаю, отправляться в обратную дорогу уже поздно. Остаемся ночевать, пользуясь гостеприимством травника. Все засыпают, а я ворочаюсь, все никак не могу заснуть. Как Джин может быть таким холодным? Я понимаю. Его обделили в детстве теплом. Но травник тоже тяжело страдает. Да страдают практически все! Почему одни находят в себе силы и не сдаются, а другие опускаются до жестокости?

Мои рассуждения прерываются скрипом по полу. Кто-то идет? Вижу травника. Мужчина крадется. Может, ему нужно в туалет, но он не хочет будить остальных? Замечаю в руке нож! Он предательски блестит в сжатых кулаках. Не может быть! Мы наткнулись на обыкновенного вора и убийцу! Нужно разбудить Джина, но от страха ни могу пошевелить ни ногой, ни рукой. А мужчина все ближе и ближе к гэнину. Джин, проснись! Умоляю тебя!

И вот, когда травник практически вплотную подошел к спящему и занес над незащищенным клинок, Джин резко открывает глаза и в последний момент перехватывает руку противника. Начинается молчаливая, жестокая борьба. Кэндзи, движимый отчаянием, оказывается невероятно силен и ловок. Он прижимает Джина к стене, нож в опасной близости от горла ниндзя. Джин задыхается, не имея возможности вытащить свой клинок. Глядя прямо в глаза Джину, преступник шипит, точно змея.

— Она станет моей. Она подарит мне наследника, она возродит мой род! Ты не встанешь между мной и ее чистой кровью!

Наконец беру себя в руки, направляю все свое внимание в тело и...да! у меня удаётся. Вскидываю на локтях (все тело остается лежащим) и что есть мочи кричу.

— Кэндзи! Остановись! Что ты делаешь?! Я верю, ты не такой человек! Ты лучше!

Джин использует этот момент. Он вынимает скрытое лезвие из своего кармана, наносит противнику смертельный удар в ногу, а затем быстро освобождается и пронзает его сердце. Кэндзи падает на пол, тяжело дыша. О боже, что натворил этот Джин?

Безобразная картина открывается передо мной во всей красе. Умиравший, но еще отчаянно борющийся за жизнь, крестьянин тяжело дышит, с ненавистью смотрит на своего убийцу, захлебывается в крови. Пахнет соленой кровью, жареным мясом и грязными тряпками. Все это так не красиво! Отворачиваюсь, прячу лицо в локоть.

— Кэндзи... почему?! Я ведь искренне переживала за твоего отца! Я молилась за твой вымерший род! Мы же пришли с миром! Я даже хотела уговорить Джина отдать тебе один из тех увесистых кошельков, которые он срезал с трупов! Я хотела тебе помочь! Искренно! Так почему же, Кэндзи?

Кэндзи смотрит на меня мутным, насмешливым взглядом, захлебываясь кровью. Он презирает меня?

— Госпожа, все ваши молитвы... сочувствие... пустые слова... Если ты так сочувствовала моему горю... почему не могла помочь мне на деле? Отдаться мне... стать моей женой... Родить мне наследника, чтобы спасти мой род? Но ты предпочла бы просто бросить меня гнить здесь в одиночестве. Все ваши слезы... всего лишь фарс, чтобы очистить свою совесть.

Отшатываясь от умирающего. Тело Кэндзи обмякает. Наступает гробовая тишина.

— Он умер.

Выносит вердикт Джин.

— Можно больше не стоять над ним. Не утруждай себя, госпожа.

— Как ты можешь такое говорить, Джин? Он потерял всё! Его род теперь не продлится никогда! В этом не было зла, в нем было лишь отчаяние, а ты убил его, как последнюю собаку! Ты ничего не понимаешь в жалости!

Чувствую, как по щекам бегут горячие слезы, но не могу их остановить. Проклятье! Джин подходит ко мне, берет за плечи и грубо ставит на ноги. Его лицо холодно и отстраненно.

— Ты слышала его, госпожа? Это — реальность. Наша жизнь — это не сказка из дворцовых свитков. Твоя наивность чуть не убила нас обоих. Ты должна научиться видеть опасность, а не прятать глаза в иллюзиях!

Я стою в полном шоке, а Джин опускается на татами, рядом с травником, забирает у него мешочек с лекарством, выходит к двери. Это знак, что я должна последовать за ним. Молча и беспрекословно. Мы не будем хоронить Кендзи. Не будем петь ему погребальные молитвы. Он умрет страшно, грязно, в нищете, в собственном позоре перед голосом совести.

Захлопываю дверь. Следую за моим защитником. Вот так умер последний человек в этой деревне, не оставив после себя ни единого следа... Лет через пять эта деревушка станет призраком, а все жители — просто пустышками в истории великой Японии. Будто их никогда и не было...

Глава 15. Симпатия

Вот уже целый день, с раннего утра, плетусь за гэнином по заснеженной долине, ни жива, ни мертва. Кимоно в грязи, с волосами совсем беда. Я их не мыла больше месяца. Сейчас они похожи больше на куриное гнездо, чем на причёску благородной дамы. А ведь впереди еще подъём в гору!

Не знаю как, но мы все-таки добираемся до хижины Масао ближе к вечеру. Вхожу первой, опускаю голову, садясь на колени. Как же стыдно перед учителем! Ведь именно из-за меня мы задержались на целых два дня! По моей прихоти остались ночевать у того смертника на отшибе. Цепкий взгляд старика замечает мои изменения.

— Вы задержались. Травы должны были доставить еще два дня назад. Почему?

Джим даже останавливается, с безразличным тоном он бросает старику:

— Госпожа решила устроить себе небольшой променад по окрестностям.

Масао пристально смотрит на юношу. Замечает недавние побои — следы удушения на шее.

— Мне всё равно, что там произошло. Главное, что вы пришли живыми. Джин, ты справился с заданием.

Гэнин не слышит. Он садится на татами, снова пересчитывая свои монеты. Заимствованные у Кендзи.

Подхожу к раненному. Меня не учили работать с больными, но здесь, в горах, в хижине Масао я впервые получаю этот бесценный опыт — спасение выживших. Руки знают, что делать. Зачерпываю чистое полотенце в кипяченую воду из желоба, выжимаю, накладываю на почерневшее синее пятно. Тряпка мгновенно окрашивается красным. Снова поласкаю, и так несколько раз, покуда края раны наконец не становятся чистыми. Листы смородины, собранные в низине, отлично годятся для прокладки. Намазываю их полынью и тем снадобьем, что «подарил» нам Кендзи. Прикладываю к плечу, прижимаю Юноша морщиться, хрипит во сне. Чистая ткань в моих руках с треском превращается в бинты — накладываю их поверх листовой прокладки. Трогаю лоб юношу, прислушиваюсь. Спасет ли это моего «героя»? Юноша слишком молодой, чтобы стать жертвой собственной оплошности.

И тут...с замираем сердца чувствую...Джин смотрит на меня, пристально. Он все это время не сводил? Отбрасываю семена сомнения. Может парень просто переживает за товарища по мечу? В конце концов, он единственный, кто бросился на защиту, когда все обнажали клинки против вспыльчивого гэнина.

Ночуем мы тихо, без лишних расспросов. Периодически сквозь сон слышу стон Рэна, его тяжелое дыхание. А может, Джин прав? Я виной тому, что сейчас он на волоске от смерти?

Утром, когда я еле живая пыталась встать после бессонной ночёвки, меня окликнул Рэн, бодрый, здоровый и весёлый.

— Госпожа Хотару? Надеюсь... я не создал никаких проблем в бреду?

Слава богам! Подбираю юбки (штаны юбка хакама, они длинные) и бегу голыми ногами по татами к юноше. Топ. Топ. Топ.

— Рэна, ты живой!

Зачерпываю плоску холодной воды, подношу к губам юноши.

— Пожалуйста, попей. Организму нужно восстановиться. Ты был обезвожен.

Рэн пьет жадными глотками, его лоб морщиться от усилий поднять голову, я аккуратно подставляю ладонь, чтобы парень не мучился.

— Какая романтическая сцена.

Саркастически протягивает появившийся в дверях Джин.

— Вы уже настолько близки. Невзгоды сплавивают людей. Однако.

Джин проходит к больному, смотрит на место повязки, хлопает по больному плечу.

— Рад за тебя, боевой товарищ. Первое посещение — в бою.

Рэн кашляет от боли, начинает задыхаться. Неодобрительно смотрю на Джина, укладываю Рэна на футон, помогая юноше расслабить плечо.

Со дня воскрешения Рэна больше нечего не происходило. Масао мирно варит кашу вечером, рассказывает военные байки гэнинам. Я продолжаю ранние подьёмы, мои пробежки в горы, наклоны у синтоистского храма. Постоянно мое тело привыкает к нагрузке, становится крепче, однако силы рук еще не достаточно, чтобы отразить удар.

Дни плавно стекаются в недели. Только вот один случай не выходит у меня из головы. А случай вот какой.

В полдень, когда мы все вместе сидели на деревянной веранде, и я в который обрабатывала рану юноши, Рэн, преодолевая тяжелую боль, всячески пытался отвлекать меня от тяжёлых мыслей и плеча — красующегося уродливого рубца, с запахом паленого мяса и лекарственных трав.

— Знаете, госпожа Хотару...

Молвил тогда Рэн.

— Я даже рад, что получил это ранение.

Удивляюсь.

— Почему?

— Я простой воин, бродяга, гэнин. А вы дочь самурая из знатного рода. Встретились бы мы, если бы ни моя рана и ваше доброе сердце?

— Конечно, бы встретились!

Возмущаюсь я.

— Рэн, ты прекрасный воин и хороший человек. И этого достаточно, чтобы дружить с тобой.

— Я читал свитки о том, как ваш отец, великий воин из рода Кандзирос, принял вызов Ямата Кагуры и одолел демона в честном бою. Как же ему удалось уничтожить чудовище?

— Мой отец рассказывал, что одолел демона не мечом. Главным его оружием была доброта и чистота помыслов, пронзающие тьму, словно луч света.

Джин медленно поднимает на меня глаза. На его лице читается легкое раздражение.

— Добротой? Хотару, мы шиноби, а не жрицы в храме. Демон Ямата Кагура обладал плотью из затвердевшей стали и сотней отравленных жал. Легенды романтизируют прошлое, но в реальности побеждает сталь и правильная тактика, а не красивые слова.

— Джин, перестань!

Горячо перебивает Рэн.

— Ты все сводишь к сухим тренировкам. Великие мастера говорят, что дух сильнее оружия. Госпожа Хотару права: истинный воин побеждает не только плоть, но и ненависть.

И Рэн бросает теплый открытый взгляд, без фальши, чистый, как летнее голубое небо.

Вздыхаю я.

— Джин прав. Ямата Кагура был слишком силен. Его ярость питалась вековой обидой на людей, которые гнали его. Все деревни были сожжены до тла. Меч отца не мог пробить его панцирь. Каждый удар лишь злил демона сильнее.

Джин возвращается к заточке меча, между делом лениво спрашивает:

— И что же он сделал? Бросил меч и сдался?

— Он вложил меч в ножны.

Джин скептически поднимает бровь.

— Безоружный самурай против демона. Это не подвиг, это самоубийство.

— Разъярённый демон снес отца с ног, проткнул шипом грудь, он хотел кинуться дальше, на близлежащую деревню, но отец, так и повисший в шипах демона, вдруг заговорил с ним.

Он сказал: «Я понимаю твою боль и забираю ее себе .. Он предложил демону то, чего тот был лишен с момента своего рождения — понимание и сострадание.

Рэн смотрит с восторгом, в его глазах читается благоговение перед моим отцом. Хороший он парень, Рэн.

— Потрясающе, Хотару! Противостоять злу не мечом, а открытым сердцем! Это требует невероятной силы воли, Джин. На такое способен только истинный герой.

Джин качает головой, его лицо становится суровым, в нем читается скрытое напряжение.

— Он оставил тебя одну. Сильный самурай должен был выжить, чтобы защищать свою семью и дальше.

— Он оставил мне нечто большее, Джин. Он оставил мне веру в то, что даже в самой глубокой тьме есть место милосердию. Его смерть спасла тысячи жизней без единой капли чужой крови.

Джин отворачивается к лесу, кутаясь в плащ.

— Хотару, милосердие в реальном бою — это роскошь, которая обычно стоит жизни.

Разворачиваюсь к юноше, смотрю ему прямо в глаза.

— Кстати, Джин. Я так и не поблагодарила тебя за спасение там, у травника. Все-таки среди нас, романтиков, ты единственный — светлый и ясный ум, который всегда принимает верные решения.

На мгновение в привычно спокойных глазах Джина промелькнул огонёк любопытства, того самого, что я видела у Кендзи. Или это лишь мое воображение? Через секунду взгляд принял свое привычное положение — безразличный, холодный, как горный ручей среди затерявшейся тайги.

Однако этот случай зародил во мне недобрые сомнения.

Однажды утром, когда туман еще не сошел с гор, Масао собирает всех в зале додзе. Меня. Рэна. И Джина. Думаю, грядёт важное объявление, которое изменит наши жизни. Тогда я еще не знала, насколько.

Масао молча сидит на татами, словно ждет, пока ропот между нами стихнет, и мы серьёзно отнесемся к его словам. Наконец старик разворачивает длинный свиток, скрепленный тяжелой сургучной печатью. Читает.

— Приказ генерала — Хотару, Джин и Рэн немедленно отправляются на заставу для усиления гарнизона.

Подскакиваю.

— Как? Я же не готова!

— Сегуна это не волнует, дитя.

Тяжело вздыхает Масао, глядя на пустую кружку из-под чая.

— Поэтому я и нанял тебе бойцов — Рэна и Джина. Эти гэнины должны защищать тебя ценой своей жизни.

Разве гэнины обязаны за меня умирать? Кошусь на Рэна, затем на Джина. По-моему, никто из них не подписывался на добровольную смерть.

— Знаю, что ты думаешь, Хотару.

Ловит меня на мысли старик.

— Но такова цена за будущее Японии. Ты опора, глаза нашей армии. Твой священный дар — ключ к победе над монстром. Одержимые действуют хаотично и непредсказуемо, их невозможно выследить обычной разведкой. Поэтому твоя задача направлять отряды самураев туда, где демон нанесет удар, и предвидеть его атаки до того, как прольется первая кровь.

— Подождите.

Подает голос Рэн.

— На заставу? Но ведь замок Осаки охраняют элитные отряды клана. Мы простые гэнины. Мы не годимся вровень их чести и сану.

— Затем...

Перебивает Джин.

— ... что обычные солдаты хороши против людей. А там, судя по всему, дело пахнет мертвечиной. Я прав, старик?

Масао медленно кивает, его взгляд становится мрачным.

— С этой заставы всё чаще приходят тревожные слухи. Земли вокруг замка Осаки осквернены. Дозорные шепчутся, что в густых лесах и на горных тропах бродят одержимые — те, чьими телами и разумом завладел древний демон Ямата Кагура. Одержимые жестоко убивают местных крестьян. Выжившие толпами бегут к заставе, умоляя солдат о помощи и защите.

Старик поднимает взгляд на каждого из нас поочерёдно, словно спрашивая: «Готовы ли вы к сражению?»

— Там, на заставе, вы не имеете права показать себя с худшей стороны. Никаких детских обид, никаких глупых споров и никакой гордыни. Малейшая ошибка — и самураи казнят вас.

Вздрагиваю. Смерть от руки человека? Думала, что угроза только одна — демон.

Хотару, становись в планку. Тебе нужно познать основы защиты. Прямо сейчас! Джин, ты поможешь.

Юноша кивает, подчиняясь приказу.

— Мастер, позвольте мне!

Вмешивается Рэн. Но Масао непреклонен.

— Юноша, твоё плечо еще не зажило. Или ты хочешь быть обузой для команды?

Гэнин замирает, опускает плечи, виновато склоняется до самой земли перед мастером.

— Джин, нападай.

Юноша повинуется приказу, с безразличным лицом делает резкий выпад боккэном. Едва успеваю выставить блок. Наши мечи с треском скрещаются.

— Слишком медленно, Хотару! Центр тяжести завален назад. Ты подставляешь шею под ответный замах. Джин, не жалея её, атакуй слева!

Мой противник делает обманное движение и резко бьет рукоятью в мое плечо. Обмираю. Но не издаю ни звука. Джин замечает мои изменения, отвешивает щедрую словесную оплеуху.

— Ты слабая и изнеженная. Твои руки созданы для шелка и вееров, а не для стали.

Не успеваю опомниться, как юноша перехватывает мое запястье, сдваивая атаку. Наши глаза всего в дюйме друг от друга. Взгляд, полный презрения ко мне, к моей слабости.

— В настоящем бою на заставе демон сожрет тебя вместе с твоим красивым мечом и даже не поперхнется.

Зачем он пугает меня? Я не могу сбежать, бросить все и жить в свое удовольствие.

Джин снова атакует — целый град из мощных непрерывных ударов. Боккен только успевает свистеть в воздухе. А я отмахиваться от новых синяков. Что его так разозлило?

— Отдай катану, Хотару! Ты не способна сражаться! Ты не воин, ты просто девчонка, которая читалась сказок о подвигах!

— Что тебя так злит, Джин? Какое тебе дело, как я веду себя в бою?

На мгновение лицо юноши багровеет, в глазах — те самые огоньки любопытства, какие были у травника.

Не успеваю отсечь эту мысль, как на меня обрушивается целая серия ударов, еще сильнее, злее, чем раньше. Теперь юноша бьет наотмашь, заставляя меня защищаться из последних сил.

Миг. И резкий подсекающий удар по ногам — выбивает почву из под ног. Я с размаху падаю в грязь. И теряю сознание.

Очнулась я уже на футоне. На лбу нащупываю мокрую тряпку. Наверное, оставили, чтобы сбить жар. С болью поднимаюсь на локтях. Вижу рядом с собой Рэна.

— Рэн, а где все?

— Масао пошел за водой, а Джин снаружи, занимается со своей палкой.

— Рэн, это было так ужасно. Я плохой воин и позор своей семьи.

— Хотару, пожалуйста, не говори так! Ты гордость своего рода, такая же смелая стойкая, как твой отец. Я был восхищен с каким терпением ты выносила все удары. Уверен, в будущем тебя ждёт успех в боевых искусствах. Я и Джин опытные гэнины, не равняйся на нас.

— Спасибо, Рэн.

Вздыхаю, откидываясь на футон. Закидываю глаза на потолок. Слушаю тишину. Только хруст деревянных мечей с улицы периодически разряжает громкое молчание. Что я сделала не так? Провалила бой, хоть готовилась, часами занималась с Масао, и сама, в лесу. Если бы я могла просмотреть все шаги нападающего заранее...

Концентрируюсь. Из белого пара выплывает фигура. Это женщина — копия меня, пытается устоять под натиском меча противника. Джина бьет, не жалея сил. Эхом проносится ясный отчетливый голос Рэна:

«Этот мерзавец бьет её без жалости!

Что это? Я не помню, чтобы Рэн говорил что-то подобное во время учебного боя. Снова раздается в моей голове:

" Ему плевать, что она девушка. А я... я сижу здесь, беспомощный, как побитый пес. Я должен быть там, а не Джин».

Неужели я читаю мысли Рэна?

«Почему? Почему именно Джин?»

Мысли чешуйчатой змеей, проносятся в голове гэнина, жалея изнутри, разгораясь пламенем ревности.

И тут же появляется другой голос, более взрослый, зрелый — голос Масао.

«Если для победы мне нужно разбить твоё сердце, Рэн, и столкнуть лбами с Джином — я сделаю это».

О чем Масао только что подумал? Причем здесь Джин? И разбитое сердце? Мы же идем на войну.

— Слишком медленно, Хотару!

Голос Мастера, как дежавю, заново повторяется, крутиться по заезженной пластинке. Девушка оглядывается, кивает, пытается поставить блок локтями, но мощный удар выбивает у нее боккен. На локтях краснеют уродливые ссадины. Капает кровь.

— Центр тяжести завален назад. Ты подставляешь шею под ответный замах. Джин, не жалеет её, атакуй слева!

— Ты слабая и изнеженная. Твои руки созданы для шелка и вееров, а не для стали.

Поверить не могу. Это выглядит так...

жестоко... со стороны. Но они же учат меня. Масао мой добрый друг, он единственный, на кого я могу положиться, а Джин просто выполняет поручение, его задача способствовать моему развитию.

«Какая же ты дура, Хотару... "

Вздрагиваю. Что я только что услышала? Это голос Джина? Нет, не может быть. И снова слышу:

«Зачем ты намертво вцепилась в этот кусок стали? Из-за твоей самурайской гордости? Из-за сказок о чести, которыми тебя кормил отец?»

Юноша делает резкий рубящий замах сверху вниз, целясь прямо в мою голову. Девушка тоже вскидывает свою катану вверх, чтобы заблокировать выпад. Но вместо этого...противник просто сковывает нападающую своим мечом, не давая возможности для атаки или оступления. Два истукана — мужчина и женщина — расстояние между ними всего дюйм. Глаза в глаза.

«С каких пор ты стал тряпкой, Джин? Ты — пес войны. Твое ремесло — кровь и золото».

Резкая боль оглушает меня. Открываю глаза — снова фuton, потолок, привычные бумажные стены. Только теперь все по другому.

— Хотару, ты отключилась.

Рэн смачивает тряпку, кладёт на лоб.

— Снова. Джин так сильно тебя ударил? Надо будет сказать этому падонку, чтобы рассчитывал свои силы.

— Это учебный бой. Синяки — это нормально. Ты себя вспомни, когда учился.

— Ооо, это лучше не вспоминать.

Рэн смеётся. Поднимаюсь на локтях. И правда — вечер. Я отключилась из-за злоупотребления дара. Но что Джин имел ввиду тогда? И почему все были такими странными?

Глава 16. Дорога в Осаку

Что от меня скрывают? Вечер накануне отъезда проводим тихо. Слишком тихо. Смотрю на пламя в очаге. Угли медленно тлеют, оставляя после себя черную насыпь. Докрасна раскаленные камни похожи на нас, меня, Рэна и Джина. Мы тоже молчим, терпим, не договариваем, но рано или поздно лава вырвется и затопит все в округе.

— Сегодня так спокойно... Думаешь, это затишье перед бурей, Рэн?

Рэн, сидевший по правую руку от меня, поворачивается. Его лицо озаряет теплая искренняя мальчишеская улыбка.

— Возможно. Но пусть демон только попробует сунуться. Я снесу ему голову.

— Твоя смелость похвальна, Рэн. Но разве ты не жалеешь того несчастного, сошедшего с ума от горя отца. Он потерял дочь, родную кровь. Ему, наверное, было очень одиноко.

— Госпожа, ваша доброта застилает вам глаза. Одержимый — вовсе не жертва, он чудовище, уничтоживший целую деревню.

Рассказать ли ему историю Айко? Поймет ли меня Рэн? Нет, не поймет. Его правое плечо было безжалостно раздроблено до кости. Понятно почему юноша злиться.

— И все же... что чувствовало то чудовище, когда поместило жертву прямо под сердце?

— Ты слишком много думаешь, госпожа.

Перебивает меня Джин.

— Вместо того, чтобы играть в сестру милосердия и думать, как помочь одержимым, ты бы лучше для начала помогла самой себе.

Снег, как тяжелая крупа, падает на землю, превращается в талую грязь. Зима.

Напутственные слова старика до сих пор звучат в моей голове как приговор.

— Буран заметает тропы, но он не должен замести ваш разум. Демон Ямата Кагура питается слабостями. Будьте же единым целым, иначе застава замка Осаки станет вашей могилой.

— Хотару, темп отличный!

Машет мне Рэн, подгоняя меня вперед. Ох, ну и сугробы!

— С такой скоростью мы прибудем на заставу Осаки раньше срока. Демон Ямата Кагура даже не поймет, откуда пришел удар!

Как у мужчин получается двигаться так быстро и легко? Только спуск под гору выбил меня из сил. Не представляю, как я дойду до Осаки пешком, зимой, в тоненьком кимоно,

без запасов провизии и чистой воды. Надеюсь, ребята знают, что делают. У них ведь все под контролем?

— Спасибо, Рэн. Твой оптимизм придает сил. На заставе нас ждут люди. Мы обязаны им помочь.

Вдруг Джин издает глухой, полный муки стон и падает на колени, хватаясь за правую лодыжку. Его лицо искажено «болевой» гримасой, на лбу проступает пот. Испуганно подбегаю.

— Что с тобой, Джин?

Юноша тяжело дышит, сквозь зубы процеживает едва уловимое:

— Камень... ушел из-под ноги в овраге. Хрустнуло так, что... Простите, госпожа. Из-за моей слабости мы теряем время.

Растерянно опускаюсь на колени рядом с ним. И что теперь?

— Рэн! Нам срочно нужен лагерь, буран усиливается. Джин не сможет идти.

— Да, госпожа.

Мужчина покорно углубляется в лес, и вот уже через несколько минут передо мной сруб толстых сосновых веток, которые мальчишка надежно связывает в единую конституцию — шалаш. Прячемся под пахущим настилом от злого завывающего урагана. Рэн молча разводит огонь, чиркает кремь, и... о, чудо! Спасительные языки пламени в его руках медленно ползут наверх, мальчишка раздувает их, словно змей, делая все выше, и выше, пока огонь окончательно не обосновывается на своем гнездышке- оградке из камней.

Вдыхаю пар. Пахнет сухим деревом, огнем и сосновыми иголками. Раскрывая ребра, чтобы поглубже втянуть этот воздух. О чем ты, Хотару? Одному из твоих гэнинов плохо, он мучается от боли. Возможно, это перелом. А ты сидишь и наслаждаешься теплом от огня. Смешно!

— Джин, ногу надо осмотреть. Если перелом, вернемся к Масао. Кости это серьёзно.

Юноша словно не слышит, он занят своим — начищает меч, полулежа, прислонившись к бревну. Тянусь к сапогу, чтобы снять.

Джин вздрагивает. Его пальцы судорожно впиваются в земляной пол. Он весь сжимается, лицо багровеет, а дыхание становится прерывистым и рваным.

— Я сделала больно? Прости, Джин, я постараюсь аккуратнее...

Юноша отводит взгляд, его голос хрипит от внутреннего напряжения.

— Нет... Все в порядке. Не нужно, Госпожа. Я сам.

Я качаю головой и мягко, но настойчиво стягивает сапог. Если это перелом, необходимо наложить жгут, иначе кости могут срастись неправильно. Он не сможет ходить.

— Хотару, не верьте этому поддонку!

Слышу позади себя голос Рэна.

— Он лжет! Его нога абсолютно здорова! Я видел, как Джин опирается на нее без тени боли!

Удивлённо смотрю на Джина. Нет, не может быть. Я же слышала, как гэнин не мог выдать из себя и слова, хрипел, дрожал. Наверняка, ему сейчас очень тяжело. Поворачиваюсь к задире, что бросил веское обвинение.

— Рэн, почему ты так себя ведёшь? Это не красиво. Ты же видишь, Джина буквально трясет!

Лицо Рэна снисхождение, будто он разговаривает с маленьким ребёнком.

— Госпожа Хотару, вы слишком чисты душой и наивны, чтобы видеть чужую гниль! Его трясет не от боли! Посмотрите на него!

Вглядываюсь в ауру больного. Что-то темное и тяжелое ложится мне на плечи, придавливая к земле. Неужели? Мгновенно заливаюсь краской.

Наконец нахожу в себе силы повернуться к Джину, совершенно раздавленная.

— Джин... Зачем? Там, на границе, гибнут люди. У нас каждая минута на счету.

— Посмотри на себя.

Джин холодно окидывает меня глазами.

— Ты едва дышишь после дневного перехода. Твой меч слишком тяжел для твоих рук. Сначала я думал, что ты погибнешь там, на заставе, от когтей демона, но теперь я уверен, ты сдохнешь здесь, в этом грязном снегу.

— Замолчи, трус!

Вскрикивает Рэн.

— Ты дезертир! Ты испугался демона и предал наш долг! Ты не мужчина!

Тук. Кунай со свистом пролетает мимо меня и врежется в дерево, повредив Рэну левое ухо. Кровь струйкой стекает по лицу.

— Ну, что скажешь, brave солдатик? Много слов, мало дела.

Рэн кидается на гэнина с кулаками, но я встаю между ними, разнимая мужчин.

— Хотару...

Поворачивается ко мне Джин.

— Хотару, опомнись. Рэн сам еще ребёнок. Его мир — детская сказка про любовь и идеалы — и эта слабость убьёт вас обоих.

Какое-то время перевариваю услышанное. Наконец нахожу в себе силы, чтобы выговорить.

— Джин, ты никогда не желал изменить мир? Сделать его добрее? Искренне? Чище?

Я ведь помню, как Джин, еще в детстве, был не равнодушен к людскому горю, сочувствовал тому старику, что избивали ногами на базаре.

— Нет, госпожа.

Равнодушно отвечает гэнин.

— Я никогда не мечтал изменить мир. Мир такой, какой он есть, и это надо принять. Лучше сама изменись — стань уже наконец сильнее, хитрее, способней. Время пришло. Хотару, живи здесь, в этом лесу. Тайно. Мы построим дом. Будем защищать. Плевать на деньги, обещанные тюнином.

— А как же миссия? Долг? Честь отца? Масао говорил, я обязана...

Джин перебивает.

— Девочка, ты в курсе, что для них ты — расходный материал? Красивая пешка в чужой игре? Ты погибнешь ради людей, которые даже не вспомнят твоего имени. Не будь дурой, подумай о себе.

Закрываю глаза, чтобы скрыть стыд, но горячая вода все равно ползет по моей коже, выжигает изнутри.

— Я обязана послужить народу, как служил мой отец.

Рэн тут же выкрикивает.

— Госпожа, я пойду до самой смерти, чтобы защитить вас и отстоять честь вашей великой фамилии.

— Дураки...Вы оба безумные дураки..

С того момента, как Джин предложил мне бежать, не знаю сколько проходит дней, но все эти дни Рэн старается меня поддержать, бросается мне на помощь всякий раз, когда видит опасные перевалы, склоны, буквально на руках выносит меня через реку вброд, отдает последний паек. Если бы не он, не знаю, как бы я прошла весь путь в одиночку. Вот и сейчас...

— Хотару, осторожнее! Я же говорил, этот склон очень крутой. Разрешите я понесу вашу ношу?

— Рэн, но на тебе уже итак уже половина походных вещей!

— Пустяки! Для воина это необходимая разминка перед боем. Мне же нужно давать телу нагрузку.

Качаю головой и улыбаюсь. Все-таки он такой хороший. В наш диалог врывается Джин, холодный ледяной тон приводит меня в чувства.

— Лучше прибавьте шаг. Смеркается. Нужно еще о ночлеге подумать.

— Как ты смеешь, Джин? Я защищаю нашу госпожу! В отличие от некоторых, кто предлагал ей бросить все, сложить оружие и бежать, как трус.

«Ты дурак, Джин» — эхом проносится в голове гэнина, — «Как ты мог купиться на эти красивые глазки? Подумай, сколько денег получишь там, у заставы? Тебе уже выдали аванс в 40 золотых. А представь, сколько будет еще? Ты же мечтал вырваться из дыры, купить землю, стать хозяином поместья. Дерзай. Чего ты ждёшь?»

Проходит еще какое-то время с момента, как мы прибываем в низину между холмами, где, согласно карте, должно было располагаться крестьянское поселение. Но вместо теплого ночлега и рынка с горячей едой нас встречают... руины.

Черные обгоревшие острова бревен, покрытые шапками грязного снега. На обочине дороги, прямо в замерзшей грязи, лежат тела. Это крестьяне в серых домотканых одеждах. Чуть дальше, у полуразрушенного амбара, лежит замерзшее тело ребёнка, прижимающего соломенную пустую циновку.

— Что это?

Срывается Рэн.

— Где вражеские отряды? Где воины? Джин... почему они их убили? Это же просто крестьяне! Здесь не было боя!

— Боя не была. Была казнь.

Прерывает распаленную речь Джин. Проходя мимо трупов, юноша даже не замедляется.

Блондин подбегает к товарищу, резко хватая его за рукав, срывается на крик.

— Казнь? За что? Самураи не убивают крестьян без причин. Кодекс чести запрещает бить тех, кто не носит оружия!

Джин с силой вырывает руку, оборачивается к Рэну, его глаза холодные, как лед.

— Забудь свой кодекс, мальчишка. Зимой кодекс не кормит армию. Этой осенью был неурожай. Дайме потребовал вынь да положь рисовый налог — коку риса с каждого двора, чтобы накормить солдат в Осаке. Эти люди отказались отдать последнее. Если бы они отдали рис — умерли с голоду к январю. Они спрятали зерно в лесу. Самураи сожгли деревню, а их вырезали в назидания соседним поселениям. Обычное дело на войне.

Смотрю на Джина. Сколько ему пришлось пройти, чтобы стать таким равнодушным?

— Обычное дело?

Подбегает ко мне Рэн, заглядывая в глаза.

— Но ведь самураи — это честь! Мы защищаем правое дело! Госпожа Хотару, скажите ему! Это чудовищная ошибка! Самураи твоего отца не могли так поступить!

Отвожу глаза. Вспоминаю брата и его расходы на строительство дорог, охрану застав, содержание личных телохранителей и усадьбы. Я все думала, откуда он берет столько денег.

— Рэн, мне больно это признавать, но Джин прав. Дайме несет на себе целый ворох обязанностей перед сёгуном. Только платят за все не он, а...люди.

Смотрю на Рэна. На мальчишеском юном лице впервые проступила борозда морщин. Некогда нарядные сандалии варадзаси давно порвались, пальцы посинели от мороза. Полы одежды покрыты грязной ледяной коркой.

— Слезами горю не поможет.

Заключает Джин.

— Оставь сострадание, Рэн. Оно делает тебя слабым. Нам нужно пройти эту низину до темноты, пока запах крови не привлек волков и мародеров. Вперед.

Джин берет меня под руку и быстрыми шагами тащит за собой через пепелище. Смотрю на глаза мертвецов открыты. Они будто смотрят на нас, наблюдают, что мы делаем. Стыдно.

— Хотару...

Обращается ко мне Джин.

— Не смотри. Хочешь остаться здесь на вечно? Прибавь шаг!
Мы наконец добираемся до моста, ведущего на заставу. Измотанные, мокрые, грязные.

С нетерпением прибавляю шаг. Там, за заставой, наверняка, есть почтовые станции, а где почтовые станции — там и банные заведения. Не терпится смыть с себя грязь, привести волосы в божеский вид.

Но Джин с силой отталкивает меня назад, к чаще, из которой мы только вышли. Юноша молча указывает на противоположный берег. С раздражением обнаруживаю — не тут-то было!

На противоположном берегу, под навесом из бамбуковых циновок пируют трое солдат-мародеров. На земле валяются пустые глиняные кувшины из-под сакэ. Жертва, на которой уже успели выместить зло — молодой крестьянин, чье лицо превратилось в кровавое месиво. Несчастный привязан к столбу навеса и ожидает своей участи. Рядом с ними, всего в паре метров, на коленях стоит женщина. Наверное, его жена. Один из солдат, толстяк с сальными волосами, развлекается с ней, заставляя ее подносить к его губам чарку сакэ.

— Пей, дура! Твой муж сегодня знатно потруился, показал нам, где староста прятал рис. Теперь его долг выплачен! Эй, Хатино, неси мое ружьё! Поиграем.

Его товарищ поднимает с деревянной подставки тяжёлый фитильный мушкет — танэгасима. На полке уже засыпан порох. Чирк! И огонек смерти зажигается. Мужчина сбрасывает пепел на гальку. С самодовольной рожей поворачивается к соседу — одноглазому мародёру. Видимо, это и есть главарь их банды.

— Ну что, пустим стрелу без оперения? На что спорим, командир? Десять медных монет, что ты попадёшь ему прямо в пупок с тридцати шагов!

Одноглазый берет мушкет, пьяно покачиваясь, прижимает ствол к щеке, щурится, глядя на крестьянина, который беззвучно шепчет молитву Амиде Будде.

— Пупок — это для детей.

Лениво протягивает злодей.

— Я попаду ему в левое ухо. Если промахнусь и попаду в шею — монеты твои.

Слышу крик, женский, высокий, невообразимый, он разносится по всему лесу.

— Господин самурай! Пощадите! У нас дети! Заберите все, только оставьте его в живых!

Женщина хватает полы хакама преступника, но тот бьет ее ногой, отмахивается, будто от надоедливой мухи.

— Закрой рот, баба!

Пьяно протягивает злопыхатель.

— Какие мы тебе самураи? Война всех уравнила. Нам плевать на кодекс, пока у нас есть порох и сытое пузо.

В ужасе закрываю рот, глядя, как крестьянка падает на мокрую гальку. Волосы у нее растрёпанные, грязные, одежда оборвана. Неужели ее муж так и умрет тихо, бесчестно, ради чужой прихоти?

— Мы должны атаковать прямо сейчас!

Не выдерживает Рэн.

— Я вызову их на честный бой, и напомню, что такое стыд!

— Молчи, идиот.

Прерывает Джин.

— У них фитильное ружье. Один выстрел и тебе разнесет всю грудную клетку на куски еще до того, как ты перейдешь реку вброд. Сиди тихо. Ждем, пока они сделают выстрел. Перезарядка займёт у них не меньше полуминуты. Тогда мы нападём со спины.

— Ждать? Пока они убьют этого человека ради забавы?

Повисает тишина. Я опускаю глаза. Мне нечего сказать. Джин прав. Такова расплата за убийство этих морадеров.

Внезапно...Рэн одёргивает меня за плечо.

— Хотару, не слушай этого труса! У него нечего нет внутри, кроме холодной выгоды!

Щелчок. Такая мощная солнечная энергия ...накрывает, не дает опомниться. Словно меня пронзили тысячи солнечных лучей. Действительно, что я делаю? Взвешиваю все за и против, когда на другом берегу реки погибает человек?

Не успеваю опомниться, как Рэн вырывает плечо из руки Джина. С чистой, ничем не запятнанной яростью, он бросается на середину мелководья, обнажает меч, и у меня останавливается сердце. Рэн, что ты творишь?

— Эй, вы, псы без чести и без родины! Я, гэ...

Слышится пушечный выстрел. Кричу и закрываю лицо руками. Не может быть! Только не Рэн!

— Смотрите-ка, Хатино!

Лениво протягивает не протрезвевший негодай.

— К нам прибежала породистая птичка. Кажется, мои десять монет откладываются.

В ужасе открываю глаза и застываю. Рэн упал в воду, течение уносит его к валунам. Красная полоса тенью тянется за юношей. На берегу слышны пьяные смешки:

— А ты думал не попаду. Вон как выстрелил с десяти шагов! Прямо в яблочко.

— Ты же говорил, что прострелишь ухо, а попал в плечо! Это не счита...

Вдруг одноглазый замирает в гримасе, выпучивает глаза, хрипит, падает за мертво. Вижу след ножа на его окровавленной спине.

— Каково...

Не успевает договорить его товарищ, толстяк с сальными волосами. Вижу Джина! Детина замахивается на юношу кулаком, но тот подныривает под удар и режет глотку. Раздается предсмертный хрип. Кровь выпрыскивает гэнину в лицо. Мертвец с выпученными глазами падает на гальку. Теперь он их никогда не закроет.

Последний выживший с бравадой бросается на нападающего, но... поскальзывается на мокрой гальке. Гэнин проворно прыгает на него, с нечеловеческим усилием сжимает пальцы у горла противника, так что жилы на шее юноши вздуваются, а глаза выкатываются, как у теленка. Наконец жертва перестает биться, тело обмякает.

Джин бросает труп и бежит к Рэну. Тот ухватился за валун и из последних сил держится, бьется в воде. Течение бьет по нему, и не думая сжалиться.

К тому моменту, как я подбегаю, Джин уже тащит трясущегося товарища за шкуру, как мокрого щенка, и швыряет к моим ногам.

— Твой романтизм чуть не стоил нам жизнью. Твоя обязанность — защищать госпожу, а не тешить свое эго. Еще один такой «подвиг», Рэн, и я сам прирежу тебя, чтобы ты не выдал нас врагам!

Смотрю на раненого. Тот прижал пальцы к плечу, оттуда сочится кровь. Кимоно потемнело от крови. Ведь это уже второй раз, когда Рэн так бездумно бросается на врагов. А сколько он делал так до нас?

— Джин, свою критику оставь при себе. Рэн закрыл собой того несчастного, принял удар на себя. Благодаря ему — крестьянин жив.

Опускаюсь к юноше, прямо в грязь, не жалея своего хаори. Трясущимися руками раскрываю узелок с травами, теми самыми, которые Джин вырвал из рук умирающего. Мысленно благодарю Кендзи.

— Но впредь, Рэн, твоя обязанность не только защищать других, но и себя. Мертвый воин ничем не пригодиться.

Чувствую, как Рэн смотрит в мои глаза, пока я наношу мазь на его плечо. Он даже не пикнул от боли! Как это возможно?

Спиной ощущаю тяжелый взгляд второго гэнина. Джин процеживает сквозь зубы:

— Ты специально, что ли под порох подставляешься? Ради таких моментов?

— Джин, проверь, как там крестьяне. Живы ли?

Отдаю приказ юноше. Пусть займётся делом. Работы много. Рэн ранен, мы не успеем дойти заката. Придется ночевать в той чаще, из какой мы вышли.

Наконец, когда работа окончена, встаю с колен, отряхиваюсь, оглядываю периметр. Крестьян, как смело. У навеса болтается срезанная верёвка.

— Ушли.

Доносит мне Джин.

— Даже не поблагодарили!

Слышу искреннее возмущение Рэна.

— Ну и пусть.

Отрезаю я.

— Они испугались. Когда опомнятся, помянут добрым словом.

Осматриваю место преступления. Везде кровь, куски разорванной грязной одежды, трупы.

— Забираем все ценное и уходим. Тут оставаться опасно.

Джин кивает. Он уже приметил для себя новый клинок. Пока юноша роется в трупах, отдаю приказ.

— Смеркается быстро. Джин, думай, где мы можем переночевать?

— Я осмотрел окрестности.

Отвечает Джин.

— Вон те густые ветки сосен и поваленное дерево...

Юноша, щуриться, указывая на чащу, откуда мы пришли.

— ...послужит отличной основой для укрытия от ветра. Я помогу сделать навес.

— Я тоже помогу...

Рэн пытается встать, опираясь здоровой рукой на валун. Кладу ему ладонь на грудь, надавливаю так, чтобы он сел.

— Нет. Ты останешься здесь и будешь отдыхать.

Углубляюсь в деревья, и мы принимаемся за работу. Джин ловко набрасывает ветки, создавая плотный шалаш, а я усиливаю землю сухой травой, какую только могу найти посреди мокрой зимы. Когда все закончено, Джин тащит под локоть горе товарища до спасительного укрытия.

Наконец-то! Можно отдохнуть, грея руки у маленького костерка, и ни о чем больше не думать. Откидываюсь на опору из дерева. Закрываю глаза. Хорошо.

Джин уходит за дровами, а я с Рэном остаюсь наедине. Тихо. Только капли мокрого снега каплют, напоминая, что мы все еще здесь, живы, в этом мире, полном греха.

— Я поступил глупо, Хотару?

Смотрю на юношу. Тот опустошенно уставился вдаль, в одну точку. Морщины избородили его лицо. Впервые замечаю, как истерты его пальцы, в кровь. Он же нес мои вещи всю дорогу, всё норовил облегчить мой путь, первый бросался по дрова, грел воду, чтобы я могла пить. Глупый, мой бедный Рэн. Сейчас у тебя болит не плечо, а... сердце.

— Рэн, никто не знает, как правильно. Даже не думай себя винить. Ты спас чужую жизнь. Это гордость, а не предмет самобичевания.

— Если бы не Джин...

Перебивает Рэн.

— Не знаю, чем бы все это закончилось.

А может, он прав? Может, тебе нужно было остаться в горах, жить тайно? Мы бы защищали тебя. Я бы защищал.

Смотрю на Рэна, и сердце мое сжимается. Как я могу ему отказать?

И тут...гэнин резко берет меня за руку, разворачивает мое лицо к себе. Пойманная врасплох, вздрагиваю, словно испуганный кролик перед удавом. И это робкий Рэн? Тот самый хороший мальчик?

— Почему, Хотару? Почему ты брезгуешь мной? Разве я сделал недостаточно? Помнишь, кто нес тебя на руках, там, в лесу, когда ты боялась промочить ножки в ледяной горной реке? Кто отдавал тебе последнюю корку хлеба? Согревал руки? Разводил костер? Носил вещи, чтобы ты не надломила спину? Разве это для тебя ничего не значит? Или я всего лишь твой цепной пес? Грязь под твоими ногтями?

— Рэн, что ты такое говоришь?

Сжимаю его ладони, заглядываю в глаза.

— Я уважаю тебя. И глубоко люблю. Как брата. Честное слово!

— Докажи мне это, Хотару! Докажи! Я хочу ощутить это на себе, а не слепо идти за тобой, как щенок, у которого не открылись глаза.

Он с силой дергает меня к себе. С нетерпением, со злостью. Мое сопротивление не оказывает на него никакого воздействия.

— Рэн, опомнись! У тебя бред! Наверное, я плохо обработала рану! Давай...

Не успеваю договорить, как оказываюсь в дюйме от его губ. Мужчина насильно удерживает мое лицо, сквозь сбившийся локон вижу его глаза, безумные. Еще миг...и

Хлопок. Щека освобождается от руки. Отстраняюсь. Выдыхаю. Открываю глаза.

Рэн с разбитой губой завалился на земляной пол. Подбородок горит — недавний след кулака гордо рдеет на поникшем теле.

— У него бред, Джин! Думаю, заражение!

Всхлипываю я, глядя на новоприбывшего гэнина. Джин вместо того чтобы помочь своему товарищу, лениво сплевывает на землю.

— Ты что? Надо помочь!

— А как ему теперь поможешь? По дураку тюрьма плачет.

— Нет, я не буду на него жаловаться! Только осмотри рану, прошу тебя! Наверное, я плохо обработала!

Джин со вздохом опускается на землю. Разводит огонь. Накаляет меч. Слышу глухой стон Рэна — он выкручивается, испытывая нечеловеческие мучения.

Глава 17. Застава

С наступлением утра мы переходим мост и идем дальше, молча, никто никого не тревожит щекотливыми расспросами. Все слишком устали. Прибавляю шаг, не терпится залезть в горячую ванну, сбросить с себя эту грязную шкуру — дорожное облачение, которое практически уже влипло в тело, вросло. А я ведь все мечтала, вот буду воином, и смогу позволить себе жизнь, как у брата. Но на деле, все оказалась куда сложнее, чем ожидалось.

Вдруг, посреди утреннего тумана, проскальзывает тень. Как молния. Человек? С такой скоростью? Нет, навряд ли. Может, животное? Останавливаюсь.

— Хотару, что-то случилось?

Спрашивает Рэн.

— Мне кажется, я что-то видела, там, в тумане.

Юноши напрягаются. Джин кладет руку на катану, загораживая меня собой.

— Тогда становись за нами. Это может быть демон.

Туман сгущается, ветер стихает, птицы замолкают. Воздух идет рябью, словно над раскаленной землей, хотя на дворе зима.

Вдруг... вырывается стая кричащих воронов, (никогда не видела такую большую стаю), словно черный торнадо они заворачиваются в одну единую воронку, кружатся, с оглушительным карканьем, напоминающим смерть. Свист от их крыльев разносится по всему периметру и пробивает меня на мурашки.

Смерч падает на землю, но вместо разрушения рассыпается по каменным дорожкам клубящимся черным туманом. Из него выплывает... что-то, жидкое, вроде кляксы. Только живое. Извивающиеся темные ленты субстанции тянутся во все стороны, эти волны, обволакивают, щупают, трогают пространство вслепую.

Текучая форма быстро вылепляет из себя образ — огромный белый волк, с широкой пастью, вооруженной клыками и тяжелым хищным дыханием.

Затем образ смазывается. И передо мной предстает уже человеческий образ, правда, лишенное всякой уникальности. Это тьма, внутри которой мерцают крошечные, похожие на далекие звезды, светлячки.

Существо подходит ближе, и у меня перехватывает дыхание. Ощущаю пульсацию, сильную, как приливы и отливы в море, давящие. Резкая давящая боль. Хватаюсь за голову.

Существо поворачивает безликую чёрную голову в мою сторону. Смотрит прямо в меня. Как испытывает. Его «взгляд» — это тяжелое, всепоглощающее внимание.

Наконец чудовище издает низкий, резонирующий звук, похожий на раскат грома, после чего снова распадается на сгустки темной энергии и вихрем уносится в кроны деревьев, растворяясь в ночном лесу.

— Почему оно не напало?

Только сейчас замечаю реакцию гэнинов. Оба схватились за мечи и встали в стойку, готовые к атаке. Да так и замерли, не в силах отпустить оружие.

— Я не знаю...

Протягиваю я.

— Но мне показалось, оно изучает нас.

Странно, но том месте, где демон пожирал жертву, пусто. Ни следов крови, ни куски грязной разорванной одежды. Кого же он ел?

— Ноги в руки — и бегом до заставы. Если планируем жить.

Приказывает Джин.

Через некоторое время, наконец, на горизонте появляются первые очертания заставы. Это мрачные деревянные укрепления. Но что-то не так. У ворот собралась чередá «человеческих холмов» — это крестьяне согнули свои спины, хватаются за полы одежды самураев, плачут, бьются в истерике. До меня доносится их крики.

— Ямата Кагура уже спустился с гор! Он уже сожрал моего брата и забрал дочь! Господа самураи, защитите нас, перебейте эту тварь!

Лица самураев холодны и выражают безразличие. Мужчины скептически скрестили руки на груди.

— Наш приказ охранять эту заставу от прорыва. Если мы покинем посты, демон прорвется дальше. Возвращайтесь в свои дома и не шумите тут! Труссы!

Как защитники Японии могут говорить о чужой смерти с таким равнодушием? Срываюсь:

— Вы защищаете бревно, в то время как вымирают целые деревни! Где ваша гордость? Честь? Достоинство? Или вы не воины? Уже забыли, как давали вечную присягу перед сегоном?

Самураи, все, как один, бросают на меня взгляды, полные презрения и нечеловеческой усталости. Темные круги возле глаз разошлись по их лицам, морщины избородили лбы. Видно, что мужчины на ногах не первую ночь.

— Что знает девчонка о войне? Твои пылкие речи нечего не стоят в реальной жизни! Отправляйся в покои, госпожа, пей дорогой чай, читай свитки. Твое место в семье, у ног мужа

— ты должна была родить не меньше тройни, а ты все бесчестуешь память своего отца, развлекаясь с генинами.

О чем они говорят? Мы же на миссии. Я пришла по приказу сегуна.

Один из них, старик, испещрённый морщинами, вскрикивает:

— Дайме совсем обезумел? Прислал своей сестре вот этих хилых мальчишек? Да они наложат в штаны от первого рыка демона!

Мои защитники молча хватаются за катаны, но я перекрываю им выход к самураям своим телом, давая понять, иногда лучше промолчать — целее будешь.

— Меня отправили сюда, не для того, чтобы я пряталась за стенами.

Пытаюсь утихомирить разбушевавшихся мужчин.

— Сёгун увидел во мне дар. Я читаю души и могу помочь в борьбе с демоном, ведь о нем самом практически ничего не известно, и его атаки загадочны, непредсказуемы.

— Ты читаешь души?

Из толпы выступает ветеран, один его глаз перебит и шрамирован, мужчина опирается на зазубренный меч.

— Тогда загляни в мою душу. Посмотришь — и увидишь, сколько сыновей я похоронил на этой проклятой войне. Вместо того чтобы хвалиться своим сомнительным даром, лучше бы жила вместе с братом — дайме — в безопасности, во дворце. Как полагается благородной деве. Вышла бы замуж, продлила свой род, как того требует долг. А так... ты лишь бесчестишь память своего отца.

— Да как вы смеете?!

Слышу голос Рэна, бьющий волной в ухо.

— Мы лично видели этого демона на дороге! Он огромен, как гора! От его дыхания вянут деревья! Госпожа говорит правду, вы лишь стоите здесь и рассуждаете, не в силах сделать лишний шаг без своего дайме!

Самураи замирают, переглядываясь. Наконец их губы кривятся в недоверчивых усмешках, гордость побеждает.

— Эй, ты, юнец, хороша твоя сказка — нечего не скажешь! Да если бы вы встретили этого демона вплотную — он бы и костей от вас не оставил! Занимайте свои места у казарм. Если сгинете — невелика потеря.

Самураи расходятся по казармам, интерес крестьян тоже стихает, и они уплетаются восвояси, пригвождённые правдой — всем плевать на их маленькие жизни.

Мы устраиваемся в убогую комнатку для ночлега. Разбираю свой скудный узелок. Рэн и Джин стоят у дверного проема. Не смею посмотреть им в лицо.

— Хотару...

Осторожно начинает Рэн. Вжимаю голову в плечи, дрожу.

— Этот старик... Он не должен был так говорить...

— Он прав.

Резко прерываю Рэна.

— Мой — долг, семья, брак, наследники. Я позорное пятно на фамильном гербе.

— Вообще-то, наоборот.

Вздрагиваю. Поднимаю взгляд на юношу. Он говорит правду?

— Хотару, ты мне нравишься больше, чем все те зажавшиеся генералы, только и способные хвалиться своей несуществующей честью и удалю.

Взгляд Рэна честен. Глаза янтарные, чистые, как горная река, на дне искрятся маленькие карпы — блики от костерка.

— Рэн, я...

— Это правда, Хотару.

Перебивает меня Рэн. Парень садится по правую руку от меня, берет меня за запястье, заглядывает в душу.

— Я не видел девушку, более стойко выдерживающую все тяготы долгого пути. Ты ни разу ни пикнула, ни пожаловалась ни на промокшие варадзаси, ни на нас.

Так ведь это не весть какие достижения.

Всхлипываю я.

— Нет.

Парирует Джин.

— Это действительно большие достижения. Ты девушка, Хотару. Не забывай об этом и не равняйся на нас, мужчин.

Почему его честность такая болезненная?

Смотрю на огонь. Языки пламени красиво переливаются, оставляя после себя яркие искорки, как тогда, в теле демона. Задумываюсь.

— Помните, что я сказала утром, когда мы столкнулись с демоном?

Юноши переглядываются.

— Ямата Кагура изучает нас. Мы для него — муравьи, спрессованные в одной банке. Он сталкивает нас лбами и ждет, какая тварь кинется первой. Не опускайтесь.

Рэн сжал мою ладонь.

— Мы не дадим тебя в обиду, Хотару. Ни людям, ни демону.

Смотрю в янтарные глаза Рэна. Огоньки переливаются, как бешенные заведенные чертенята в желтом мареве желаний. Знает ли Рэн, что демон не где-то снаружи, а прямо у него под сердцем?

— Ребята, пока светло, я побегу искать баню. Пожалуйста, не волнуйтесь! Я одной ногой туда, другой сюда.

— Валяй.

Безразлично бросает Джин.

— А мне надо связаться с тюнином. Он обещал 60 золотых за то, чтобы я доставлю тебя сюда, на заставу.

Добегаю до банного комплекса. Славу богам! Проход стоит не так дорого, как я предполагала. Вхожу в помещение. Везде густой пар! Туман спеленал весь дощатый пол. Пахнет сухим деревом, баней и незнакомыми травами. Купель каменная, а в ней — изумрудно чистая вода, словно зеленая змея притаилась на берегу.

Подбегаю к купели, и...сквозь туман замечаю очертания. Кто это? Девушка. Как она прекрасна! Гордое лицо. Ярко очерченные скулы, волевой подбородок, густые черные ресницы, лисий разрез глаз. Небрежно сделанная шишка на голове, две острые шпильки, как кинжалы, угрожающе торчат из под шевелюры. На губах густая красная помада, как сама кровь. Верхняя губа больше нижней. Ярко выраженные ключицы, как впадина между двумя холмами. Плечи воительницы, сильные, рельефные. На руках мышцы и бывшие побои — шрамы. Это руки воина. Она тоже дочь самурая?

Мы встречаемся взглядами. Не выдерживаю и отворачиваюсь. А она продолжает пялиться, медленно, тягуче, словно питон на жертву. Ее глаза — две черные лоснящиеся сливы. Она как будто смотрит в себя, не в меня, взгляд проникает глубоко и заставляет меня сжиматься.

— Ты та девчонка, что сегодня дала отпор самураям? Я тебя видела...вместе с мальчишками.

— А, это мои гэнины. Сама я слабая, вот и приходится...

Краснею. Воительница криво ухмыляется.

— Дитя, ты действительно думаешь, что демон существует?

— А как же иначе? Я сама его видела близ заставы.

— А откуда ты знаешь, что это не игра воображения троих истощенных долгой дорогой?

Вся моя уверенность обмирает. А ведь и правда! Что мы тогда видели? Искажённую аномалию, вибрации, плывущие по земле? Как-то это все нереально. Мы же не ели два дня, исхудали, как черти, Рэна ранили, а я с Джинном истерли ноги в кровь, пока тащили его до заставы.

— А как же жалобы крестьян?

— Страх рождает чудовищ там, где их нет.

Воительница качает головой, вода стекает по ее сильным плечам, заставляя кожу блестеть, как жемчуг.

— Люди сами демоны. Они воруют, убивают, жгут деревни. Ты думаешь, что окружила себя хорошими людьми, но скажи, разве эти... твои генины... безгрешны?

— Джин и Рэн хорошие ребята. Они всегда меня защищают.

Невольно вспоминаю с каким остервенением Джин душил того мародера, посягнувшего на невинную жизнь крестьянина.

— Да, хорошие.

Скептически протягивает женщина.

— Кто ты? Я не видела тебя на заставе. Здесь ведь одни мужчины... Ты тоже дочь самурая?

— Дочь самурая...

Усмехается воительница. В ее голосе слышится...горечь?

— Звание, которым так гордятся мужчины. Но на что они годятся без нас, женщин? Мы даруем им жизнь, рожаем, воспитываем, боготворим, преклоняемся перед ними, лижем им пятки, чтобы они хоть раз посмотрели на нас не как на вещь, собственность или слугу, а как на человека, живого, из плоти и крови, с прошлым, с историей.

Смотрю на женщину. Через пар воды. Ее кожа — карта сражений. Шрам на левом плече. Косой порез на шее, как от когтя хищного зверя. Битая губа.

Моя рассказчица резко оборачивается ко мне, смотрит прямо в глаза. Взгляд глубокий, читающий.

— Запомни, дитя. Любой из этих воинов вышел из женщины. И если мир держится на силе, то сама женщина — это бог, создающий эту силу.

Воительница встает из воды и уходит. А я остаюсь переваривать все сказанное. Опустошенная. Без сил. Кто она? Откуда знает моего отца? Что она пыталась мне сказать?

Возвращаюсь в казарму уже вечером. Ноги не держат. Метель заметает, словно я какой-нибудь листик, ничего не вешу. Старое заплатанное кимоно совсем не греет от холодного ветра.

Дыши. Застава уже близко. Из-за угла полуразрушенной казармы доносятся громкие пьяные голоса, смех и улюлюканье. Что там такое? Прячусь за колонной.

В свете тусклых бумажных фонарей трое самураев плотным кольцом окружили кого-то. Да от них разит сакэ за версту!

— Давай, девка, шевелись! Чего стоишь, как истукан? Отрабатывай свои монеты.

Всматриваюсь. В центре стоит маленькая девочка, раздетая догола, трясётся от холода, испуганно прижимает к себе чашку риса. Малышка пытается отстраниться, но воины только крепче сжимают кольцо.

— Что вы делаете? Она же ребёнок!

Один из самураев поворачивает голову, его лицо озаряется ленивой глупой усмешкой.

— О, гляньте- ка, кто тут у нас. Наша благородная девица, дочка покойного генерала.

Самураи взрываются пьяным смехом. Один из них, тот самый старик, которого я видела утром, насмешливо тычет мне пальцем в лицо.

— Что, Хотару, шла мимо? Замерзла, небось в баньке? Иди-ка сюда, погрей нас своим красивым личиком.

Сжимаю кулаки, тихая злоба смешанная с омерзением мгновенно поражает меня, проходит буквально до костей.

Прохожу прямо в центр кольца, молча беру девочку за руку и хочу увести, но кольцо сжимается. Мы в ловушке.

— Ей не на что есть, ясно тебе, дура? Она продает свое тело, чтобы ее семья не сдохла с голоду. Как и все здесь.

Разворачиваюсь лицом к говорящему, подхожу так близко, что между нами дюйм, глядя в глаза, тихо сквозь зубы процеживаю:

— Ее бедность — твое бесчестие. Вы, самураи, живёте на рис, который эта девчонка сеяла и собирала. Она отдала последнее, чтобы накормить тебя, взрослого мужчину, а сама голодает.

Самурай хватает за шиворот испуганную девочку, демонстративно трясет ею передо мной.

— Да, действительно, от этой девки есть хоть какая-то польза! А от тебя? Отец твой сгинул, а мы должны теперь кормить тебя по гроб? Ты не лучше нас, Хотару, не хитри! Так что подсоби красивым личиком. Спой нам, станцуй. Отрабатывай свой рис!

Смотрю на трясущееся дитя в снегу, и мое сердце разрывается. Она такая маленькая, и уже знает, сколько стоит человеческая жизнь.

— Дитя, сколько тебе нужно денег?

— Шестнадцать момме.

Не поднимая головы, выдавливает девочка.

— Вот.

Протягиваю свой кошелек.

— Это все, что осталось. Возьми. Иди домой, к маме.

Мужчина хватает меня за грудки, поднимает с земли, будто я ничего не вешу.

— Думаешь, ты что-то решаешь здесь, если дочь самурая? Я потерял сыновей! Я потерял жену! Да что ты знаешь о тягостях военной жизни? Ты хоть знаешь, как мне больно?

Выхватываю свою катану, бью рукоятью по руке пьяного. Тот воет и отшатывается.

— Как ты смеешь указывать самураями? Ты кто такая?

— А ты кто такой? Пьянчушка, потерявший совесть в продажными женщинами. Где твоя воинская выдержка? Где аскеза? Где законы бусидо, о которых вы кричите на каждом шагу? И ты еще сегодня утром отчитывали моих гэнинов, что они наложат в штаны от первого рыка демона?

— Тварь!

Мужчина делает выпад, заносит свой меч над моей головой. Готовлюсь принять свою смерть, но из темноты появляется Рэн. Клининг! Лязг стали. Мечи перекрещиваются.

— Уйди с дороги, щенок, или я тебя здесь прикопаю!

Ну, все. Ситуация накаляется до предела. Все выхватывают свои мечи, направляют на Рэна.

Вдруг из тени казармы доносится спокойный размеренный хлопок в ладоши.

— Какое великолепное зрелище. Какая тактическая глубина. Четверо элитных защитников заставы, цвет воинства провинции, героически штурмуют... мокрую девчонку и одного сопливого юнца. Об этой битве определенно сложат легенды.

Джин выходит на свет факелов. Самураи замирают, недовольно зыркая на юношу.

— Не лезь, мальчишка! Это сумасшедшая выросла и забыла свое место. Она угрожала нам оружием!

Джин подходит ближе, заглядывает в кувшины с саке на земле. Брезгливо морщится. Если бы на ее месте был демон, твоя голова уже валялась бы в этой грязи.

Старик, что поднял на меня катану, бормочет, опуская взгляд.

— Мы просто отдыхали...

— Отдыхали? Вы нализались так, что от вашего перегара демоны на границе дохнут без боя. Если командир узнает, что вы пропили остатки дисциплины и устроили резню внутри казармы из-за крестьянской девки, вас не просто разжалуют. Вас отправят чистить нужники до конца ваших дней. В лучшем случае.

Эти слова мгновенно отрезвляют мужчин. Они расходятся по казармам.

Уже в казарме между мной и Джином происходит тяжелый разговор.

— Хотару, в который раз твоя благородная гордость едва не стоила нам жизни. Рэн подставился под удар, защищая тебя, потому что без оглядки лезет следом за твоей юбкой, как слепой щенок.

— Джин, неужели ты поддерживаешь самураев? Они ведь издевались над ребёнком!

— Хотару, не забывай, ты всего лишь избалованная девчонка из богатого дома, ты не можешь вершить суд. Ты ни воин, ни чья-то жена, ни мать. Ты обуза, из-за которой мы теряем людей. Если продолжишь в том же духе, от нас останутся одни воспоминания.

Смотрю в глаза Джина. Прямо, глубоко.

— Джин, ну, скажи, неужели тебе ни капли не было жаль ту бедную девочку?

Какое-то мы смотрим друг на друга вот так, глаза в глаза, как добрые старые друзья, которые знают друг друга до трещинок, до самых впадин морщин. А затем Джин отводит взгляд. Бегло. Со стыдом Он боится показать свою слабость?

— Думай о себе, Хотару. Ты себя-то не можешь спасти.

Рэн молча палирует меч, чернее тучи. Джин начинает считать деньги. Сажусь на циновку, обняв колени.

— Джин, я видела в бане женщину...воительницу. Ее тело было покрыто шрамами. Здесь на заставе есть такая?

Джин поднимает на меня тяжелый взгляд.

— Тебе бы сейчас не о сказках из женской бани думать. Возможно, через несколько часов мы столкнёмся с демоном. Так что спи, набирайся сил, пока это возможно.

Вздыхаю. Сворачиваюсь калачиком и закрываю глаза. Ото сна меня будят голоса. Что такое? Гэнины шепчутся между собой, боясь меня разбудить.

— Зачем ты выставил меня полный идиотом перед Хотару? Слепой щенок? Ты не имел право такое говорить!

— Я просто назвал вещи своими именами. Рэн, ты едва ни сдох. Из-за бабы. Напомни, в который раз ты бросаешься ее спасать?

— Я дал присягу!

— В присяге сказано о поцелуе? Какого хрена, Рэн? Опомнись. Только вчера

ты плакал, валялся у нее в ногах, умоляя о любви. И что она сделала? Отодвинулась. Она брезгует тобой. Мы, гэнины, она считает нас грязью под своими ногтями.

— Она не такая! Она... чистая!

— Я вытаскивал тебя из петли трижды. И сегодня спас твое глупое сердце, показав ей, какой ты жалкий. Но если завтра ты бросишься под нож ради ее улыбки — я не буду тебя спасать. Так что прикрой свой звериный голод кодексом чести, Рэн, или сдохни молча.

Ночные голоса замолкают. Сакура в поместье моего отца прелестна, ее цветы прельщают взоры самых изысканных умов, но никто не знает, что под землей, корни дерева давно сгнили, а самой Сакуре осталось не долго.

Странно, но уже с самого раннего утра, когда солнце еще не успело проснуться, вся застава уже заполнена ровными рядами самураев. Они замерли в широких стойках, готовые к любому приказу генерала. Будто и не было вчера никакой попойки.

Генерал — потом я узнала его имя, Такада — стоит на деревянном помосте, заложив руки за спину, и резко выкрикивает:

— Ити! (один)

— Кииииия!

Тут же в ответ раздается хор воинов. Они с удивительной синхронностью, какая бывает разве что у стаи рыб, делают резкий выпад вперед, замахивая рубящий удар сверху вниз деревянными мечами. От силы их рук ветер вихрем поднимает снег с земли.

— Ни! (Два!)

Отряд мгновенно разворачивается на 180 градусов. Мужчины уходят в глубокий защитный блок, закрывая голову мечами. Только шелест одежды да выдох двадцати пар лёгких слышется на заставе. Смотрю на это зрелище. Как самураи могли так быстро преобразиться с недавней попойки? Или они действительно знают, что такое дисциплина?

Когда с командами покончено, возле

макивар — толстых брёвен, намертво вкопанных в землю — поочерёдно выстраиваются по пять молодых самураев. Их кулаки уже сбиты в кровь. Все, как один, напряженно смотрят перед собой, вперед, будто не замечая расхаживающего рядом инструктора.

— Кулак самурая — это наконечник копья! Бейте так, будто пробиваете доспех!

— Хаааа!

Слышится яростный хор мужских голосов. Воины с размаху врезаются голыми кулаки в бревно. Тум! Тум! Тум! Стучат кости по

по дереву. Один из самураев, самый молодой, зажимается от боли, на соломе остаются мелкие капли крови.

Ближе к полудню во внутреннем саду, на деревянной веранде, в позе сейдза, отряд из двадцати воинов застывают, подобно каменным статуям. Глаза воинов полузакрыты. Мечи лежат рядом, в дюйме от правой руки. Стоит такая тишина, что слышно только журчание бамбукового фонтана сиси-одоси.

— Успокойте сердце. В бою нет места страху смерти или жажде славы. Оставьте только пустоту.

Тихо, но твердо произносит генерал Такада. Мужчина размеренно огибает каждого, заглядывая в глаза. Кто же даст слабину? Чей ум находится в смятении?

К вечеру зажигают факелы. Время для самой жёсткой части — свободные спарринги (дзекен), парные бои на катанах. Плац превращается в бурлящий котел из криков и звона металла.

Молодые используют боккены, опытные офицеры обнажают хабики — настоящие стальные катаны, с затупленными лезвиями для безопасности.

Я люблю наблюдать, как в темноте жидким металлом мерцают мечи опытных воинов. Клэн-н-нг! Скрежет стали звоном раздается по заставе. Двое мужчины скрестили мечи, никто не хочет уступать друг другу. Один из них, похитрее, уводит клинок противника в сторону и совершает молниеносный проход вбок, останавливая затупленное лезвие в сантиметре от горла товарища. Проигравший замирает, признавая поражение. Самураи низко кланяются друг другу.

Генерал Такада наблюдает это зрелище с помоста.

— Хорошо! Отряд, закончить бой! По местам!

Ночью, когда звезды, крупные, размером с куриное яйцо, ярко горят на бескрайнем небе, я думаю: «А, может та воительница права? Не вижу никаких демонов. Только разрушенные деревни и голодных крестьян».

Но однажды вечером, сразу после учебных боев, раздается пронзительный женский крик, эхом проносится по всей заставе. Кажется, голос мне знаком. Что происходит?

Гэнины, Рэн и Джин, тенью бегут за мной. Расталкиваю локтями самураев. На земле, в грязи, сидит оборванная исхудавшая крестьянка. Я ее знаю! Это та самая женщина, чьего мужа заживо забивали морадеры.

— Умоляю вас, господа самураи! Подайте риса! Вчера моя дочь принесла десять золотых! Она сказала, что эти деньги дали ей вы! За услуги.

Самураи неодобрительно косятся на меня, вспоминая мой подарок — кошелек — той несчастной девочке. «Вот что бывает, когда женщина вмешивается не в свое дело», — читается в глазах самураев, — «Пожалеть один раз, всего равно, что пригреть змею на шее. Мало нам здесь нахлебников?»

— Наш кормилец умер!

Настойчиво продолжает крестьянка.

— Его замучили до смерти мародёры. В деревне ни у кого нет денег! Дезертиры утащили даже налоговый рис старосты! Наши дети умирают с голоду! Пожалуйста, подайте рис! У вас ведь есть деньги! Я знаю!

— Лживая грязная баба. Ты обвиняешь моих воинов в дезертирстве?

Голос генерала как пощечина, отрезвляет, обнажает жестокую правду — спасение дело рук самого утопающего. Такада навис над маленькой крестьянкой, заслоня ей Солнце.

— Мы воины, живут по законам бусидо. Наша жизнь строгая аскеза и непоколебимая честь! Мы никогда не нарушали обет и не давали рис за грязные мерзости!

Несчастная бросается в ноги, хватая полы хакама Такады, кричит во все горло.

— Но рис был! Был! Моя дочь не врал!

Шарю у себя в карманах. Пусто. Я все отдала тогда, до копейки. Шепчу Рэну.

— Рэн, ты можешь помочь этой бедной женщине? Хоть десять медяков.

Рэн качает головой. В его позе читается ...презрение?

— Госпожа, вы чисты и наивны, вы не понимаете. Есть вещи хуже голода — это потери чести. Эта женщина и ее ребенок погрязли в грехе. Они торгуют своим телом.

В ужасе отшатываюсь.

— Но ты же сам бросился ей на помощь? Помнишь? Тогда, у реки. Тебя даже серьёзно ранили.

— И я бы сделал это снова, защищая слабых от мечей разбойников.

Столбенею. Значит все это было просто красивой позой? Только и всего. Умоляюще смотрю на Джина. Тот бросает короткий взгляд, руки скептически скрещены на груди.

— Монеты в моем кошельке — защита вашей безопасности. Оставих их здесь, мы сами рискуем умереть в придорожной канаве.

— Убирайся, побирушка.

Выносит жестокий вердикт Такадо.

— Рис предназначен для воинов императора, а не для крыс, которые не могут прокормить свое потомство.

Какой-то молодой самурай насмешливо бросает гнутую медную монету в грязь, где сидит женщина.

— На, купи себе веревку. Твои дети — не наша забота. Проваливай, пока мы не пустили в ход плети!

— Честь? Достоинство?

Женщина содрогается в конвульсиях, кости ее трещат, мышцы ходят по рукам, взгляд темнеет. Неужели?

— Да вы просто смешны! Пока наши дети пухнут от голода и жрут сырую землю, деревни вымирают, а морадеры режут младенцев — вы...вы, великие воины охраняете свои пустые законы. Пьете саке из золотых чаш, спите с нашими детьми! Вся ваша честь стоит не дороже этого грязного риса!

— Как ты смеешь, женщина?

Но разъярённая уже не слушает. Она полностью поглощена яростью.

— Вместо того чтобы защищать нас...вы стали нашими палачами. Будьте вы...прокляты...

Спина женщины неестественно выгибается. Ткань кимоно рвется. Из ее боков с мерзким шелканьем вырастают гигантские членистоногие лапы.

— Что за чертовщина?

Пятиться побледневший мальчишка, тот самый, что насмешливо бросил крестьянке медяк.

Всего мгновение. И из слабой немощной крестьянки вырастает гигантская паучиха, горой застилающая собой Солнце. Она со свистом выбрасывает паутину — белые серебряные нити, прочнее самой стали — мгновенно ловит четверых воинов и в воздухе ломает им позвонки. Те кричат, но их стоны сливаются с воплями общей паники на заставе. Окутанные коконом тела наконец замолкают. Головы с глухим стуком катятся по деревянному настилу. Глаза жертв широко раскрыты. Словно они наблюдают, как их товарищи предают их, трусливо бегут с поля боя.

— Держать строй!

Кричит Такада.

— Не поддаваться панике! Мужайтесь, воины! Не позорьте свои семьи!

Несколько трусов бросаются к воротам в надежде незаметно улизнуть. Но паучиха замечает. Она выстреливает паутиной, дергает их к себе и с хрустом раздавливает лапами. О, ужас! Один юноша еще живой. Он в ужасе протягивает ко мне руки, умоляя о помощи. Паучиха раздавливает его, как таракана.

— Ну ладно, тварь. Потанцуем.

Сплювывает кровь Джин, гэнин уже получил свою порцию ударов, но чудом отделался ушибами.

— Рэн, держись сзади. Ты еще бледный, как покойник, после ранения в плечо.

Рэн с фанатичным блеском в глазах сжимает катану.

— Я не трус, Джин. Мой долг защитить невинных и очистить эту землю от скверны!

— Вперед, Рэн!

Выкрикивает Такада.

— Покажи этой гадине, распори ей брюхо!

— Стой, Рэн!

Не успеваю договорить, как Рэн, словно одержимый, бросается в атаку на паучиху. Глаза его безумны, выкатились, как у тельца. Слюни пеной пошли изо рта. Катана с металлическим звоном ударяет по хитину паучихи, но... меч просто разлетается на куски. В руках остается жалкий обрубок. Сам Рэн бессильно падает на колени.

— Ааааах! Плечо не слушается!

Выкрикивает юноша, схватившись за руку. Бедный Рэн! Конечно, удар с такой силой... его плечо просто не выдержало нагрузки. Наверняка, швы просто разошлись.

Паучиха заносит огромную лапу над Рэном. Она готова его раздавить!

— Черт, мальчишка! Куда ты лезешь?

Выпаливает Джин, прыгает вперед, закрывая собой раненого. Удар приходится по мечу, но с такой силой, что Джина просто волной отбрасывает в казарму. Он пробивает деревянную стену и исчезает под обломками.

Это конец. На залитом кровью дворе остались только я, немощный Рэн и паучиха. Чудище смотрит на свою жертву, готовясь ее прихлопнуть, как муху. Мне нечего не остаётся, как самой принять бой, закрыть Рэна своей спиной. Падаю на колени перед огромной мордой паука.

— О, великая мать, демон, что несет разрушения ради спасения своей дочери! Умоляю, смири свой гнев!

Из пасти чудовища вырывается оглушительный гневный рев. Зеленая слюна брызжет в мое лицо, вымазывая все тело. От мощного рева содрогается вся земля, деревья сносит ветер, как при урагане.

Дело плохо. Ее не успокоить. Развязываю пояс Оби. Остаюсь совершенно нагой.

— Смотри на меня, демон. Я тоже женщина. Такая же, как ты. И такая же, как твоя дочь, которая была вынуждена продавать свое тело этим скотам за горсть риса, чтобы вы выжили. Я знаю, что такое боль и лишения.

Паучиха замирает. Из ее груди раздается странный свистящий звук, похожий на человеческое всхлипывание.

— Я обещаю тебе перед богами этой проклятой земли, твоя больше дочь не будет голодать, пока я жива. Я встану за нее горой. Я сама возьму ее грех на себя. Я буду продавать свое тело за место нее.

— Что ты такое говоришь, Хотару?

Вскрикивает Рэн, пытаясь поднять обрубок меча больной рукой.

— Немедленно прекрати!

Но я не слушаю юношу. Между нами устанавливается связь. Немое понимание человеческой боли. В огромных черных глазах паучихи отражается мое обнажённое тело. Раненное. Избитое. Тренировками. Насилием. Паучиха издает свистящий всхлип, словно плачет. Она не такая плохая, как мне казалось.

Внезапно морда чудовища искажается в дикой гримасе боли. Паучиха издает предсмертный крик, ее голос двоится, превращаясь в грохочущий утробный рев. Бум! От падения ее тела ветер поднимает ураган и заносит деревья в сторону, будто это ничего не весящие былинки.

— Рэн, что ты наделал?

Падаю на колени к умирающей, заглядываю в ее гиганские черные глаза, такие же большие, как и ее сердце.

— Глупые...маленькие людишки. Вы будете страдать так же, как страдаю я.

Человеческим голосом произносит умирающая.

— Хотару, ты еще пожалеешь, что пригрела змею на своей груди. Помни мои слова.

Паучиха высыхает на моих глазах. Ее кости развеиваются пеплом. На земле остается черное пятно — единственный знак, подтверждающий, что когда-то на этой земле жила эта маленькая несчастная крестьянка, чья жизнь стоила меньше горсти этого проклятого риса.

— Я спас вас, госпожа! Демон больше никому не причинит зла. Вы целы!

Поднимаю глаза. Медленно. Рэн гордо выпрямил грудь, словно парус, надувшийся от попутного ветра. Ни тени боли. Ни тени сожаления. Да как он может?

Сжимаю кулаки. Слезы предательски выступают в моих глазах. Но это не слезы страха. Это слезы ярости. Слепой ярости. Стремительно подхожу к Рэну.

Хлоп! Голова юноши мгновенно отлетает в сторону. На щеке красуется след от моей пощёчины.

— Считаешь себя героем? Геройский поступок убить слабую женщину с ребёнком на руках?

На лице Рэна сначала читается недоумение, потом оно багровеет, как тогда, когда юноша бредил после фатального ранения.

— Капризная. Избалованная.

Отчеканивает юноша, и на моей спине выступает холодный пот.

— Ты всегда жила в замке, не зная реалий! Пока мы проливаем кровь, ты играешь в спасительницу душ!

Рэн с силой хватает мою руку и тянет к себе. Что происходит? Разве это Рэн?

— Разве ты не должна ответить мне взаимностью?! Я каждый день рискую ради тебя своей шкурой! Терплю твоё безразличие, вытаскиваю из лап смерти! А ты просто используешь меня!

В ужасе отшатываюсь, но Рэн дергает мою руку к себе. Я, как пружина с обратным ударом, падаю в его руки, как бы ни сопротивлялась.

— Рэн, мне это не нравится. По-моему тебя у жар! Да ты бредишь!

Рэн окидывает меня тяжёлым взглядом, полным злости и желания.

— Посмотри на себя. Как ты сейчас выглядишь? Ты забыла о чести своего рода?

Краснею. Вжимаю голову в плечи.

— Ты обещала этому «монстру» взять грех ее дочери на себя. Обещала торговать своим телом вместо нее, чтобы прокормить это дитя! Ты готова унижаться ради ее счастья. Готова отдаться кому угодно. Но когда дело доходит до того, кто любит тебя по-настоящему... ты называешь меня жестоким. Я для тебя — просто грязь под ногами, Хотару.

Он сжимает мою руку с такой силой, что боль заставляет задерживать дыхание. Терплю. Тихо. Не видно. Наконец Рэн говорит:

— Одевайтесь, госпожа. Скоро здесь будут другие солдаты заставы.

Эти слова сказаны с таким холодом и усталостью, что чувствую себя последней негодяйкой. Опустив голову, бегу одеваться.

В этот момент из под тяжёлой балки, проламывая доски, вылезает Джин. Он стряхивает пыль с плеча, с иронией произносит:

— Какая страсть. Дети, оставьте свои любовные разборки до лучших времён. Застава в руинах и нам нужно искать выживших.

Вздыхаю. Джин прав. Мы не подумали о тех, кого, возможно, задавило стенами казармы.

— Здесь!

Зовёт Рэн. Бегу на голос. А там... Такада с раздавленной грудью. Из рта идет кровь.

— Застава... Защищайте! Ценой своей жизни. Это приказ!

Мужчина обмякает. Глаза открыты, смотрят в небо. Вот так и умер, даже в последние минуты своей жизни, думая о долге перед сёгуном. Ах вот значит, каково это быть самураем. Голос Рэна выводит меня из мыслей.

— Вы слышали? Это приказ генерала. Мы обязаны защищать заставу. Это долг самурая!

— Долг...

Тихо произношу я.

— А как же долг перед той женщиной? Крестьянкой, что умерла задорма? Или ее жизнь стоит меньше, чем жизнь сегуна?

Рэн смотрит на меня глазами, полными не то безумия, не то ненависти.

— Хотару, ты, дочь великого самурая. Опомнись. Вспомни, зачем ты пошла на все это. Чтобы очистить имя своего отца, быть достойной дочерью великого человека. Так что ты делаешь?

— Генерал мертв.

Жестко перебиваю юношу.

— И защищать больше нечего — застава разрушена. Толпы голодных крестьян и демонов вот-вот прорвутся через этот проход и пойдут на Осаку, грабя и убивая.

— Впервые она права.

Усмехается Джин, скрестив руки на груди.

— Сражаться здесь — верная смерть.

Перебиваю.

— Мы должны найти дочь крестьянки! Я обещала умирающей матери, что спасу ее от голодной смерти. А затем мы отправимся к моему брату — дайме. Он даст сироте приют и будущее.

Рэн, окончательно убитый моим решением, вскрикивает:

— Мы не можем бросить пост ради одного ребёнка! Как же доблесть, честь, отвага?

— Отвага хорошо смотрится на могиле, парень.

Вздыхает Джин.

— Я поддерживаю госпожу. Единственное разумное место, куда стоит идти — это поместье дайме.

В это время вторым планом голове у юноши проносится: «Идеальный план. Довести сестру дайме в целости и сохранности до самого порога. Он щедро заплатит за спасение и мое молчание о том, как мы бросили заставу. Отличная сделка».

Мне все равно, какая там выгода у Джина. Главное, он поддерживает мое решение и доведет до родного поместья. С Рэном или без.

Гордо разворачиваюсь в сторону деревни. Шаг вперед. Спасение того ребёнка — единственное, что я могу сделать для этого проклятого прогнившего мира. Гэнины, словно тени следуют, молча, покорно. Но я знаю, у каждого из них своя выгода.

Глава 18. Сиротка Юки

Первый день дороги напоминает жуткую пост апокалиптическую картину. Все стало еще хуже, чем раньше. Разрушенные деревни брошены. Весть о падении заставы разлетелась по всей округе. Крестьяне взяли в руки серпы, заострили бамбуковые копья, сняли тяжелые цепи для молотбы. Навстречу движется бесконечный поток беженцев, одетых в грязные лохмотья.

— Посмотрите на них.

Указывает Рэн, скалясь на путников.

— Это уже не люди. Саранча. Если они узнают, что у нас есть сушеное мясо, они разорвут нас голыми зубами.

Джин щурится, глядя на толпу мародёров.

— Не преувеличивай, Рэн. Чтобы разорвать тебя, им понадобятся зубы покрепче. Хотя, признаю, Осака сейчас напоминает перезрелый плод, на которой слетаются все мухи империи.

Из толпы отделяется группа из семи человек. Во главе рослый крестьянин с безумным взглядом. Вглядываюсь. В сердце несчастного тоже свечение, что и у убитой паучихи. Грязно бурый цвет с оттенком металла.

— Отдайте мешки! Нам нужен провиант!

Кричит обезумевший. Рэн с таким же хищным, безумным оскалом выхватывает меч, и сталь со свистом рассекает воздух.

— Ну, давай, подойди ближе грязь! Я давно хотел смыть твою вонь с этой дороги!

Что он делает? Только распаляет будущую резню! Жестом останавливаю юношу.

— Рэн, опусти клинок!

Поворачиваюсь к крестьянам. Тихо, но твердо произношу.

— У нас нет еды, чтобы всех вас накормить. Мы ищем лишь дорогу на Осаку.

— Осака?

В глазах безумного вспыхивает неестественно красный блеск, жадный, полный жажды.

— Осака наша! Заставала пала! Самурай бежали, как крысы!

— Нет. Это не правда...

Но безумный не слышит.

— Сегун заперся в замке, но мы сожжем его! Мы все сожжем! Ямата Кагура говорит: «бери, что хочешь! Кровь это вино!».

С этими словами мужчина вынимает зазубренный серп и с криком бросается прямо на нас. Толпа озверевших людей, словно волна ярости, слепой ярости, хочет снести нас ко всем чертям.

Рэн делает молниеносный выпад, целясь прямо в горло преступника. Но вместо того, чтобы дать гэнину просто закончить свою работу, что есть мочи кричу:

— Не убивать! Это приказ! Они ослеплены голодом и демоном! Используйте только тупые стороны клинков и ножны!

В эту же секунду Рэн перехватывает меч обратным хватом, ловко укорачивается от удара косы и бьет ножами одного из нападающего в челюсть.

— Да ты издеваешься! Они хотят сожрать нас! Ты изнеженная избалованная дура, если хочешь накормить их жалостью!

Джин, уклоняясь от бамбукового копья, перехватывает древко, впечатывает врага лицом в каменистую почву.

— Береги связки, Рэн. Наша госпожа желает поиграть в бодхисаттву. Будь добр, ломай руки им аккуратнее, чтобы они могли и дальше держать свои вилы.

С этими словами Джин выхватывает кунай, бьет нападающего плоской стороной кольца в висок. Разбойник падает замертво без сознания. Начинается снег. Буран, словно заговоренный, замедляет замерзшие рисовые поля. Один из крестьян, самый крупный, видимо, вожак стаи, выбивается ко мне, с огромным серпом в руке. Глаза, как заведенные чертенята, горят кровавый цвет.

— Самурайское отродье! Вы сосали нашу кровь поколениями! Сегодня вы за все заплатите!

Хрипит мужчина и бросается с косой на меня. Вспоминаю все, чему учил меня Масао. Блокирую страшный удар ножами. Глухой треск дерева о металл. От силы удара подкашиваются ноги. Едва дышу.

— Остановитесь! Мы вам не враги! Сложите оружие, бунт не вернет справедливость!

Но мои праведные речи только распаляют внимание охотника.

Крестьянин с ловкостью дикого зверя отскакивает и снова бросается в атаку, нанося яростные, смертельные удары, наотмашь, даже не пытаясь действовать профессионально.

— Ты бьешь меня деревом?! Жалеешь?! Несчастная девчонка, в бою нет места жалости! Я убью тебя твоим же милосердием!

Последний его тяжелый удар ставит меня на колени. Падаю. Пачкаю кимоно в грязи. Слышу, как за спиной в тридцати шагах от меня, в гуще бамбука, разворачивается другая драма, страшнее, чем эта.

Джин лежит на земле, придерживая раненый бок, из которого не переставая хлестать кровь. Будто кто-то включил водяной насос.

Рэн стоит над ним, яростно отбиваясь тупыми сторонами куная от наседающей толпы. Их окружили десятки воинствующих крестьян с вилами и факелами. Они облепили Рэна, не давая сделать ни шага вперед. А ведь это я велела ребятам биться не в полную силу!

— Рэн! Брось меня! Иди к Хотару!

Кричит Джин, отплевываясь кровью.

— Я не могу пробиться! Их слишком много!

С этими словами Рэн делает рывок, но трое крестьян просто хватают его за одежду, валият на землю. Он кричит от бессилия и ярости, глядя, как гора мускул, вожак стаи прижимает меня, слабую и беспомощную, к бамбуковой роще. Крестьянин лениво выбивает ножны из моих ослабевших рук — последнюю надежду на спасение.

Мужчина, тяжело дыша, поворачивается в сторону раненого Джина, который с хрипом умирающего пытается подползти ко мне.

— Сначала я прикончу твоих псов, а потом займусь тобой! Он заносит огромный серп над головой беззащитного Джина.

— Нет! Умоляю, остановитесь! Все, это неправильно! Так не должно быть!

В этот миг время замирает. Снежинки зависают в воздухе, превращаясь в хрустальные бусины. Мое сознание пронзает яркая вспышка. Видение будущего? Вижу все со стороны, будто пройденное державу. Движения убийцы двоятся. Один крестьянин остается стоять в снеге, застывший, словно восковая фигура. Другой двигается, но медленно. Он опускает серп, разрубая Джина пополам, а затем разворачивается ко мне и вонзает лезвие в грудь моей копии.

Миг. И время возобновляет ход. Крестьянин повторяет те же действия. Вот он уже занес тяжелый серп над головой беззащитного Джина. Миг...и он просто разрубит его на части. Из-за меня. Нет. Я не могу этого допустить.

Ослабленные мышцы словно наливаются неведомой силой. Что за чертовщина? Тело будто не мое. Все движется делается автоматически, будто в меня вселился бес, профессиональный, быстрый, умный.

Делаю молниеносный выпад вперед. Раздается чистый, свистящий звук обнажаемой стали. Катана, сверкнув в темноте, описывает идеальную дугу. Крестьянин тут же застывает с поднятым серпом. На его груди наискось расплывается пятно. Густое, темное, как лава, поднявшаяся из моего грешного сердца.

Кровь крупными каплями падает на снежную кашу. Что я наделала? Смотрю на свои дрожащие руки. Все в крови. Дрожат. Нет, я не хотела. Я не убийца.

Из пореза на животе раненного, словно черви, отвратительно выползают белые кишки. Почему? Почему все так грязно и больно?

— Вы хотели убить моих друзей. Я просто защищалась.

Крестьянин падает на колени прямо передо мной. Его взгляд темнеет, как тогда, у Кендзи, в ту ночь. Смертник хрипит, изо рта струится кровь, но он находит силы посмотреть мне прямо в глаза.

— Хех...

Ухмыляется дедушка, кровь рисует мужчине бороду, придавая ему возраст и незащитность. Он отплевывает густую темную жижу в снег.

— Ты думаешь, что творишь добро? Но посмотри на себя. Твои руки в крови. Скоро, ты так же, как я пойдешь брат против брата, вооружившись одним лишь зазубренным серпом. И чем ты лучше меня?

— Нет, это не правда. Вы пошли против сегуната, изменили родине. Я не изменница!

— Сегунат? Сегун заставлял моих детей голодать. Чтобы дотянуть до весны, они грызли кору дерева. Когда один из них умер, я взял оружие и пошел на войну, добывать еду. Разве ты не так же поступила, когда я занес косу над этим твоим сопляком, гэнином? Ты так упорно защищаешь своих сытых господ, когда мы, бесправные и униженные, вынуждены умирать за то, чтобы наши дети всего хотя бы раз за день умяли гнилую корку хлеба. Кто ты после этого, если ни чудовище?

С этими словами тело крестьянина обмякает, валится в снег. Через несколько часов оно зачохенет и будет выглядеть, как стеклянная кукла. Ирония судьбы. Он ведь хотел жить... куда-то бежал, планировал поднять бунт против сёгуна, бросить перчатку обществу. А теперь...

Остальные разбойники, видя смерть вожака, бросают свои серпы, словно мыши, разбегаются в разные стороны.

Мы с Рэном молча разводим костер из поломанного забора покосившегося крестьянского дома. На земле, прислонившись к деревянной балке, сидит Джин. Его штанина разрезана на бедре, обнажая глубокую кровоточащую рану. Сосредоточенно наношу целебную мазь, накладываю бинт на ногу раненого. В который раз нас спасают целебные травы Кендзи! Мысленно благодарю успошего. Мир ему пухом. Замечаю, как Джин морщится, когда я затягиваю рану.

— Терпи, Джин. Рана глубокая, но кость не задета. Прости, что не смогла остановить его без крови. Я... я должна была сделать это.

— Какая чуткая и ранимая госпожа.

С наигранной усмешкой отвечает гэнин.

— Крестьянин с вилами бросается на самурайскую дочь, а ты извиняешься перед ним, будто убила любимого кролика, а не мятежника. Бусидо не велит сомневаться, Хотару.

Рэн стоит поододоль, скрестив руки на груди. Голос дрожит от плохо скрываемой злости. На его щеке красуется глубокая рана от косы.

— Посмотрите на меня! Я мог закончить это за три секунды! Один взмах и три трупа! Вместо этого я должен был подставляться под их ржавое железо, потому что твое милости, Хотару, жалко этих тварей.

Устало смотрю на Рэна. Он прав. Во всем. Подхожу к обуглившемуся дому. Гляжу в даль. На горизонте черные сосны, покосившиеся от лап смерти.

— Мы убили того крестьянина, что выступал против гнёта дворян. Мы уничтожили шайку разбойников на тракте. Это было необходимо. Но сегодня, глядя на его бездыханное тело, я впервые спросила себя: правильно ли мы поступаем? Служим ли мы справедливости, или наши мечи стали орудием слепой жестокости сегуната? Я уже не понимаю, что есть истинное добро, а что — зло.

Джин опираясь на древко своего оружия, с трудом поднимается на ноги, его дыхание сбивается от боли, но взгляд становится серьезным и глубоким.

— Законы дворян, как и обиды крестьян — это бесконечная пыль. Но пока ты сомневаешься, ты остаешься человеком, Хотару. Если мы начнем слепо рубить направо и налево, мы ничем не будем отличаться от тех разбойников, что мы только что убили.

Рэн делает шаг ко мне, с трудом сдерживает сжигаемую его заживо ревность.

— Хотару... Ты слишком много думаете о недостойных. Твое бремя — нести честь своего рода, а не жалеть каждого бунтовщика на пути. Но если твои сомнения мешают вам жить... я буду идти впереди и убивать за вас.

Поворачиваюсь к гэнинам, открыто смотрю в лица каждого. Знаю, что по щеке ползет предательская слеза. Знаю, какой они меня считают...слабой, изнеженной, балованной. Но настало время показать свой истинный характер.

— Нет. Убивать больше не будем. Если мы потеряли ориентиры, мы должны найти новый маяк. Где-то там, у подножия горы, осталась крестьянская сиротка. Она совсем одна, и ей нужна наша защита. Это и станет нашей целью.

Джин кривится в привычной усмешке.

— Как скажете, Хотару-сама. Мы ведь элитные шиноби, няньки по совместительству.

Рэн бросает на Джина ревнивый взгляд, затем вздыхает и наклоняется к земле, поворачиваясь спиной.

— Забирайся на спину, болтун. Тебе нельзя идти пешком, если мы хотим успеть до темноты.

Джин неохотно забирается Рэну на спину. Рэн крепко держит его за ноги. И мы молча начинаем свой путь в предрассветном тумане, уходя на помощь одинокой крестьянской сироте.

К вечеру мы доходим до разбитой деревни. Везде сгоревшие дома и трупы крестьян. Та крестьянка не соврала. Мародеры действительно очистили весь амбар с рисом, а когда крестьянам стало нечем платить, жестокие самураи-кредиторы убили должников.

Неужели и дочь той крестьянки тоже убили? Нервно бегаю по деревне, не нахожу себе места. Наконец гэнинам удастся отыскать девочку. Все это время она пряталась под полом, в тайнике, долго не хотела выходить, словно дикое животное, жалась к углу и озиралась.

— Вот. Поешь.

Протягиваю ей холодный онигири, завтрак, что я приберегла еще в казарме. Глаза девочки округляются. Она мгновенно хватает кусок, жадно глотает, облизывая пальцы.

— Не бойся. Мы не причиним вреда. Я Хотару, знакомая твоей мамы. А это гэнины, Рэн и Джин.

Рэн недовольно косится на ребенка. Похожа, она для него лишь балласт по дороге на Осаку.

Вдруг взгляд малышки меняется, в нем загораются искорки мгновенного узнавания:

— Это вы, госпожа! Это вы!

Уничтожив последнюю крошку риса, девчонка бросается мне на шею, прижимается будто я — это последнее убежище в этом мире.

— Что с моей мамой? Пожалуйста, скажите! Ее не убили?

Что ей сказать? Правду? Она ее не выдержит. Мягко успокаивающе улыбаюсь, чтобы мои слова казались правдоподобнее.

— Ну, конечно, нет. Как ты могла такое подумать? Твоя мама уже ждет тебя. Она вместе с моим братом. Он дайме. У него могущественный замок. Он приютит вас обоих, тебя и твою маму, даст образование и достойное будущее. Как тебя зовут?

— Юки.

— Юки. Красивое имя. Пишется как счастье, верно? Ты будешь очень счастливой, Юки.

Юки смотрит на меня... большими, распахнутыми глазами. А затем удивлённо выговаривает.

— Я сразу поняла, что вы хорошая, госпожа. Вы не такая, как другие самураи. Они злые, а вы добрая.

Впервые за долгое время от души, искренне смеюсь.

— Ты так считаешь, Юки? Ну, спасибо. Мне приятно это слышать. Сколько тебе лет?

— Десять, госпожа.

Всего десять лет! И она уже знает, как устроен этот мир. Беру ее теплую детскую ладошку, с чувством прижимаю к себе, как родную.

— Теперь все будет хорошо.

Из загнанного зверёныша малышка превращается в нежный маленький одуванчик. Хиленькими ручонками она обхватывает мою талию, пытаюсь отдать тепло в ответ. Да чего отзывчивая!

— Спасибо вам, госпожа.

Тихо произносит девочка. Но я чувствую, как слезы стыда ползут по щеке. Она тоже чувствует свою...слабость.

Вглядываюсь в ее лицо. Грязное, изможденное голодом и тяжелым крестьянским трудом. Но... что это? Несмотря на лохмотья, в которые она одета, лицо буквально светится, глаза, как две черные сливы, глубоко смотрят в душу, завораживают. Благородный овал лица выдает взрослую опытную женщину, отнюдь не маленького ребенка, коим я считала Юки. Тонкие пряди волос, черные, сеченые, сексуально падают на лицо, еще больше подчеркивая ярко очерченные скулы. Верхняя губа дерзко вздернута вверх. Ее красота, рожденная из грязи и отчаяния. Да это же... Нет, не может быть... Отбрасываю эту мысль, продолжаем идти вверх по дороге, сквозь жестокий буран.

Снег тяжелой варежкой ложится на землю, словно белый туман. Бедная малышка еле передвигает ноги, то и дело падает, заплетаясь о тяжелые сугробы. Одеты она в худое грязное хаори, куски ткани болтаются по краям. Кожа посинела от мороза и покрылась мелкими пупырышками.

Останавливаюсь, снимаю свой верхний теплый плащ и бережно укутываю им сиротку.

— Ты любишь сказки, Юки?

Юки замирает. В ее глазах на мгновения проскальзывает искорка детского любопытства — утраченное чувство в мире взрослого. И я начинаю историю.

— Это случилось несколько дней назад, на заставе. Весь день я провела на жутком морозе, как сейчас. Под вечер наконец завиднелась застава.. Я решила согреться в бане. Они всегда стоят у застав, на случай эпидемий. Сегун бдит закон чистоты. Едва я переступила порог, передо мной нарисовалась...она, воительница. Я сразу поняла: в её жилах течет самурайская кровь. Такую гордую статью и спокойствие не спутаешь ни с чем. Она рассказала мне много странных вещей...о воинах...о жестокости мужского мира...Но самое странное случилось позже, когда я пришла на заставу, к костру, меня привычно встретили мои гэнины. Они спросили: «Почему так долго?». На что я ответила, мол, виделась с такой же, как я, самурай-

кой. На что гэнины лишь рассмеялись. Поклялись честью, что на заставе нет и не могло быть никаких женщин, кроме меня. Дороги занесены, а чужаков дозорные не пропускали. Та воительница словно испарилась в воздухе. Чистая магия...

— Скажите, госпожа, Хотару. Та женщина...она...не очень любила мужчин?

— Как ты это поняла?

— Если это воительница, ей приходилось конкурировать с ними лицом к лицу.

Какая умная девчонка!

— Может быть. Я не знаю. А что ты думаешь?

Не свожу глаз с Юки. Она точная копия той незнакомки в бане, только меньше — ребёнок. Но какой...Что ты скрываешь от меня, малышка?

Глава 19. Храм синоитов. Иссай

Не успеваю включить свой дар, как слышу сдавленный крик Рэна. Он падает на снег, на лбу блестит пот. Мужчина тяжело дышит.

— Я больше не могу так, Хотару! Пока вы развлекаетесь, обсуждая вдвоём местные байки, мы, гэнины, гибнем по вашей прихоти!

— Успокойся, Рэн.

Жестко перебивает товарищ.

— Горячее сердце ни к чему, если в голове солома вместо мозгов. Хотару...

Джин смотрит на меня, и его глубокие темные глаза пронзают... до мурашек... до дрожи. Почему я раньше этого не замечала?

— Здесь, рядом с этой деревней, должен быть синтоистский храм. Мы можешь дойти туда. Пешком. Даже при этой травме. Есть одно но. Монастырь мужской. Женщин не пускают. Считают злом. Надави на жалость «кануси» (глава синтоистского храма), уломай его — и дело в шляпе, бесплатная крыша над головой, бинты и шестиразовое питание, прямо как во дворце.

Мысленно усмехаюсь. Ну и голова у этого гэнина. Надо же, все продумал, план идеальный. Спасибо тебе, Джин. Выручил.

— Так и сделаем. Веди.

Коротко бросаю гэнину. И через несколько минут мы уже стоим возле дубовых ворот, больших и массивных, прямо как знаменитая китайская стена. Кричу что есть мочи, чтобы меня услышали:

— Святой отец, позади нас одержимые Ямата Кагура! Они не пощадят никого! Мой брат дайме! Я веду эту сироту к нему, чтобы дать девочке будущее! Проявите милосердие, о котором учит Будда! Или ваша вера заканчивается там, где начинается страх перед женщиной?!

Тяжелые дубовые двери приоткрываются. Настоятель долго смотрит на Юки, затем на меня, тяжело вздыхает.

— Мир вам путники. Но в нашей обители закон непреклонен. Вы — соблазн для чистых душ, ищущих просветление.

Ушам не верю. Он не сжалится над нами?

— Просветления?

Срывается Рэн.

— Там, внизу банда одержимых жжет деревни! Нам плевать на ваши души, нам нужна крыша!

Рэн, ты только все испортишь!

— Назад, Рэн.

Резко осекаю юношу. Конфликты нам ни к чему. Может, настоятель всё-таки сжалится, проявит милосердие?

Слышу тихий, сдавленный голосок Юки, словно подснежник, пробивающийся из-под снега.

— Дядя монах, у вас есть рис? Мы несколько дней нечего не ели. Кушать очень хочется.

Настоятель смотрит на бледное, измученное лицо сиротки. Наконец тяжело вздыхает, побежденный натиском жалости к этому ребёнку.

— Амида Будда дарует вам три дня. Пока буря не утихнет, и одержимые не пройдут мимо. Но вы будете жить в дальнем пристрое. Глаза — в землю. С монахами не заговаривать.

— Видишь? Немного самурайского пафоса, немного жалости и сухой паек наш. Учись, горячая голова.

Джин приятельски бьет по плечу разгоряченного друга. Но Рэн чернее тучи. Чую, что-то неладное творится в голове у юноши. Но не до него.

Входим. У входа глыбами выпучили свои глаза статуи мифических Львов «комаину» — они охраняют святыню от чужого сглаза. Сразу за ними — павильон для прихожан «хайден». Там собираются обыватели, такие, как мы. Они молятся за богатый урожай, удачное замужество и рождение сыновей. Передняя стена павильона оборудована раздвижными бумажными дверями, через которые просвечивается очертания внутреннего убранства храма. Пол застелен циновками из татами. Потолок и балки украшены богатой резьбой с изображениями драконов, птиц и морских волн. В глубине зала стоят ритуальные барабаны «тайкой», алтарь для подношений и священное зеркало микагами, символизирующее чистоту.

Здание венчает большая изогнутая крыша из соломы и черепицы. Над главным входом висит колокол с толстым соломенным канатом «симэнава». Монахи верят, если потрясти в колокол, сама Аматерасу услышит звон и спуститься с небес, чтобы послушать жалобы прихожан. Прямо под колоколом стоит массивный деревянный ящик «сэдзэн-бако» с решетчатой крышкой, куда прихожане бросают медяки в качестве пожертвования.

Проходим дальше, к пристройке. Внутри темные обшарпанные стены. Одиноким тусклый огонек колеблется в темноте. Это кто-то поставил масляную лампу у входа.

Рэн без всяких прелюдий падает на циновку, разведя руки и ноги в разные стороны. Так, в позе морской звёзды, он безысходно пялится в потолок, словно пытается разгадать загадку орнамента на потолке. Но я знаю, Рэн думает только об одном. Как бы свалить подальше от этой миссии, где Ямата Кагура смотрит на нас из каждого куста.

— Плевать на монахов.

Наконец подает голос мужчина. Он устало потирает лоб тяжелой ладонью, и на лице остаются полосы от морщин.

— Я устал от этого бесконечного голода, холода и мертвецов за окном. Скоро ли это закончится?

Джин скептически скрещивает руки на груди, обопершись о колонну. В его глазах читается насмешка.

— Не строй иллюзий, Рэн. Война не кончится, пока крестьяне режут друг друга за рис, а сегунат делит власть.

Прижимаю Юки к себе. Пусть не боится.

— У нас есть три дня. И это отличная новость. Не так ли, Джин? Твоей ноге нужен покой. Не трать силы на бесполезные споры и сарказм. Мы в храме божем. Лучше удели время молитве.

Джин закатывает глаза и наигранно вздыхает. Но тут... Что это? Тук! Что-то разбивается о пол! Кто здесь? В крошечной тьме дальней комнаты какое-то движение. Неужели мы здесь не одни?

Из угла выходит группа изможденных людей. Это ведь те самые крестьяне-бунтари, с которыми мы столкнулись на рисовых полях! О, боги! Что же теперь будет?

Один из них, пошарпанный мужчина с окровавленной повязкой на голове, занес серп в мою сторону, его трясет от обиды и злости.

— Эй, вы, упыри! Самурайское отродье! Что вы забыли в обители Будды? Разве не вы убивали наших детей, морили голодом, заживо забивали нас палками и кнутами? А теперь что? Пришли к храму Господню? Замаливать грехи?

Мужчина яростно сплевывает на циновку. Вытирает мокрую нижнюю губу.

— Это наша территория! Поняли? Монахи сжалились над нами, потому что мы бедны и нам некуда податься! А вы кто? Прихвостни дворян! Жители дворцов! Чего вы здесь забыли? Не срамите Бога! Не смейтесь над нашими ранами и нищетой! Оставьте нас в покое! Убирайтесь в свои богатые дома!

Рэн, еще минуту валявшийся, как безвольно кукла, вскакивает. Миг. И блеск металла молнией разрывает тьму. Слова срываются оглушительной волной:

— Мы не отдадим это место! Если хотите снова пролить кровь, мы готовы!

Джин, с рваной раной на правом бедре, инстинктивно кладёт руку на рукоять катаны, нервно и презрительно усмехается:

— Пятеро против десятерых раненых оборванцев? Слишком легкая добыча.

Они с ума сошли? Убийство в храме господнем?

Не успеваю выговорить и слова, как Рэн, взбешенный выпадом одноногого крестьянина, молниеносно преодолевает пять метров между нами. О, ужас! Юноша уже занес катану над головой калеки, готовый разрубить его на двое. Не успеваю остановить! Но вместо ожидаемых фонтанов крови и грязи, вижу перед собой совсем юного, невероятно худого, бледного, беловолосого мальчишку, с растрёпанными длинными волосами, точно мокрый снег в январе, открытыми большими глазами, не типичными для нас, японцев.

Юноша стоит между Рэном и одноногим бунтовщиком. Мечь глубоко вошел в его плечо, убогие лохмотья потемнели от крови, но мальчишка словно не замечает этого. Губы подобострастно шевелятся в тихой молитве. В руках блестят четки — крупные деревянные бусины. Наконец юноша поднимает глаза на Рэна, затем на калеку, произносит:

— Опомнитесь? За что вы боретесь? За кусок холодного камня? Да, я знаю, все обессилены. Война забрала у вас дома и надежду на человеческое уважение. Но вы все еще люди! И дети Будды. Неужели вы убьете тех, кто ищет спасения под крышей этого храма? Чем же вы тогда будете отличаться от простых убийц, разбойников и мародёров? Разве Будда проповедовал насилие? Путь Будды — это путь мира. Пожмите друг другу руки, ибо братья друг другу не по крови, но по духу!

Мужчины переглядываются, взрываются волной смеха. Одногий главарь банды, вальяжно опиравшийся на колонну, вытирает слезу от смеха и смеряет проповедника насмешливым взглядом.

— Ненасилие?

Хмыкает бандит, подбрасывая в воздухе тяжелую монету.

— Святоша, нам твои сказки — как мертвому припарки.

На эти слова мальчишка лишь протягивает грубую глиняную миску исхудалому крестьянину. Только сейчас замечаю, что в его руках большой черный котел с рисом. Все это время мальчишка тщательно соскребывал последние крошки еды со дна для мятежников.

— Ну и дурак же ты, Падре!

Грохочет одноногий, жадно запихивая рис в рот и утираясь грязным рукавом.

— Отдать последнюю еду тем, кто кормится сталью и кровью? Твои боги точно лишили тебя разума на этих чужих берегах!

— Наш альбинос думает, что если мы помолимся его распятию, самураи князя не выпустят нам кишки.

Хохочет другой бунтовщик, толкнув товарища в бок.

— Ты бы лучше молился, чтобы твоя блондинистая голова не оторвалась от шеи, когда они придут!

Мужчины громко хохочут, позабыв о Рэне и о своих обидах. Рэн нерешительно опускает меч. Недоуменно чешет за ухом.

Монах на минуту отходит, чтобы поправить тлеющие угли в очаге. Шайка стихает. Одноногий молча откладывает половину своей порции обратно в общий котел, а его сосед что-то бурчит, следя, чтобы юноша не видел.

— Эй, святоша, подкинь еще дров, а то околеешь тут до утра. Нам еще не хватало возиться с твоим трупом. Кто тогда будет варить нам этот безвкусный рис?

— Ты как?

Трогаю за плечо монаха. Тот вздрагивает. Оборачивается. Ныряет в поклоне, протягивает остатки риса в черном котле.

— Эй...

Тянусь пальцами к его правому предплечью.

— Я посмотрю? Ладно?

Ощупываю края раны. Не рваные. Уже хорошо. Меч Рэна слишком хорош, чтобы рубить неровно.

Монах отшатывается. Моргает. Снова ныряет в поклоне.

— Это вас недостойно. Я сам.

С этими словами юноша разворачивается в сторону прохода.

— Ты бы лучше послушал девку! Самурайский меч не серп, и убить может.

Монаху преграждает путь одноногий мятежник. Он грубо разворачивает мальчишку ко мне, делает подталкивающий шлепок по спине.

— Не бойся! Бабы не кусаются! Станешь мужчиной, расскажешь, как это было!

Стены пристройки трясутся от грубого мужского смеха. А я беру мазь, сажаю побледневшего юношу на циновку и начинаю работу.

— Пожалуйста, сидит смирно. Рана глубокая... Зачем ты это сделал? Ты ведь обычный монах. Зачем закрыл собой бунтаря от меча?

— Я... я просто... Жизнь священна. Любая жизнь. Наш настоятель учил... что гнев рождает лишь гнев. Я не мог позволить совершиться убийству в стенах храма.

Заикается альбинос. Юноша не поднимает головы. Взъерошенные серебряные тонкие пряди закрывают лицо мальчишки. Невольно замечаю, что люблюсь им. Стоп. Что на меня нашло?

Ты подставился под удар моего клинка, чужак!

Встревает Рэн. Кулаки юноши сжаты. Он стоит над нами и наблюдает, как мои руки рвут монашескую одежду в том, месте где клинок глубоко в печатался в тело. На минуту отхожу, чтобы набрать чистого снега со двора. Требуется горячая вода. Рана грязная.

— Этот крестьянин...

Продолжает Рэн.

— Бунтовщик и грязь под нашими ногами! А ты... ты просто мешался под ногами! Из-за твоей глупости мы потеряли время!

— Замолчи, Рэн!

Резко осекаю юношу.

— Ты чуть не убил безоружного человека, который дал нам кров.

Рэн стискивает зубы. В его глазах — невыносимая боль, усталость от бесконечной войны и жгучая обида.

— Я защищал вас, госпожа. Я всю дорогу защищаю вас... Пока этот мир тонет в крови, вы жалеете каждого встречного нищего. Я устал от этой бойни. Устал...

— О, наш храбрый Рэн снова готов пролить слезу.

Лениво протягивает Джин, обопершись о колонну.

— Как поэтично. Только не забудь, друг мой, что твоя ревность сейчас выглядит глупее, чем проповеди этого блондинистого недоразумения.

— Заткнись, Джин! Ты ничего не понимаешь!

— Еще как понимаю. Верный пес моей госпожи скулит от ревности, пока она пытается спасти очередную потерянную душу.

Джин смотрит на меня устало, будто он единственный взрослый среди этой оравы олухов.

— Хотару, дорогая. Война — жестокая штука. Но еще более жестоко тешить себя иллюзиями, что благородство этого монаха что-то изменит в этом умирающем мире.

Джин говорит это с сарказмом, но его собственные пальцы на рукояти куная побелели. Он внимательно, ревниво следит за каждым моим движением рук.

Вода в котле уже закипела. Поливаю кипятком рану. Лучше прижечь. В такой грязи, на морозе опасно оставлять рану вот так... Она может загнить и воспалиться. Монах сжимает зубы, терпя боль, и пытается отодвинуться, вцепившись тонкими пальцами в циновку.

— Простите моих спутников, уважаемый монах. Война сделала их жестокими. Меня зовут Хотару. А как ваше имя? И... откуда вы здесь? У вас необычные черты лица.

— О, не нужно...

Мальчишка испуганно машет руками, давая понять — он не согласен с похвалой.

— Не нужно извиняться передо мной, госпожа Хотару! И не называйте меня «уважаемым». Я... я никто. Просто Иссай. Обычный подкидыш. Полукровка. Мой отец был из далеких западных земель, из Европы... Я даже не знаю, кем он был. Наверное, грешником.

Как он может так плохо о себе отзываться? Он же самый настоящий святой. Пока бинтую, украдкой пытаюсь поймать его взгляд — чистый, невинный, совсем юношеский.

— Мать бросила меня младенцем прямо у ворот этого храма. Монахи сжалились, приютили... Я уродлив, чужой для всех. Лишь в этой пристройке мне позволено жить. Я не настоящий монах. Я просто... слуга. Стираю рясы, убираю храм, выгребаю золу. Моя жизнь ничего не стоит. Вам не следовало тратить на меня мазь.

Уродлив? Чужой? О чем он говорит?

Мягко, но уверенно беру его за подбородок и заставляю поднять голову.

— Никогда не говори так. Ты спас человека. В тебе больше чести, чем во многих самураях, которых я знаю. Твои глаза... они добрые. В них нет той жажды крови, от которой я бегу.

Лицо мальчишки вспыхивает от стыда. Но глаза... В глазах зарождаются искорки надежды... надежды на то, что его жизнь тоже имеет ценность, хоть-какой-то смысл.

В этот момент Рэн издает глухой рык, отворачиваясь к стене. Джин прищуривается, его саркастичная улыбка исчезает, сменяясь тяжелым, ревнивым взглядом.

Когда работа окончена, монах тут же вскакивает, кланяется до земли, протягивает котел с остатками риса.

Иссай подходит к закопченному железному котлу. Внутри та самая порция риса, что сбег для него крестьянский бунтовщик. Мальчишка берет деревянную ложку, аккуратно сгребает рис в глиняную пиалу и подходит ко мне.

Склонив голову, он протягивает пиалу обеими руками, смотрит в пол.

— Этот рис... это всё, что у нас осталось. Я знаю, это очень мало, и недостойно вас, госпожа. Но пожалуйста, разделите его со мной. Вы должны восстановить силы.

— Нет, Иссай. Я не могу. Вы истощены не меньше меня. Съешьте его сами, вы же монах, вам нужно молиться за всех нас, а я... я потерплю.

Иссай краснеет, смущённо отводя глаза.

— Я... я грешный и слабый человек. Недостойный. Прошу, примите. Это искренняя благодарность от ничтожного монаха.

Один из крестьянских мятежников опирается на самодельную алебарду, усмехается:

— Смотри-ка на нашего святошу. Глаза опустил, а девку взглядом раздевает.

Другой подхватывает:

— Ха! А монах-то не так прост, как кажется! Глянь на его уши, небось, уже пылают ярче храмовых свечей.

Одноногий предводитель рявкает:

— Цыц вы! Затолкайте свои языки обратно. Этот монах приютил нас, дал крышу над головой, пока самураи рыщут по округе. Мы все тут в одной лодке.

— Да мы и не спорим, Сабуро. Просто шутим. Мы же все тут обреченные. Кто знает, встретим ли мы рассвет...

Крестьяне замолкают. Их лица омрачаются.

Иссай вздрагивает от шуточек крестьян. Его голова опускается еще ниже. Тихим, сдавленным тоном монах выдавлиывает:

— Простите... я должен... выполнить свои обязанности. Храм нужно убрать до утренней службы.

Мальчишка кланяется мне так низко, что, мне кажется, кончики его волос касаются грязного пола. Юноша быстро собирает свои вещи: старую соломенную метлу и тряпку для пола. Не поднимая глаз на бунтовщиков в пристройке, он выходит в темный, холодный коридор.

Только сейчас понимаю, что так увлеклась совершенно чужим мне человеком, что позабыла о малышке Юки. Где она? Что с ней? Растерянно окидываю тёмное помещение. Встречаю с взглядом Джина. Неужели гэнины тоже не знают, где она? Не смогли присмотреть? Как же так? Что я за человек, если оставила беспомощного ребёнка?

— Джин, Рэн, где наша Юки?

— По чем мне знать, где шатается эта девка?

Недовольно буркает Рэн. Кидаюсь за порог, на территорию храма. Неприятный морозный ветер тут же сковывает тело, вонзается, иглами в лицо. Метет мокрый снег. Проклятье! Где носится эта девчонка?

Гэнины, словно послушные тени, бросаются за мной. Со спины, сквозь череду хаотичный спешащих шагов, слышу недовольное ворчание Рэна:

— Мы тратим время, Хотару-сан! Шатаемся ради девчонки-крестьянки. Идет война, каждый клинок на счету, а мы няньки!

— Усталость делает твой язык длиннее меча, Рэн.

Парирует Джин.

— Юки — не просто девчонка. Если с ней что-то случится, Хотару потеряет покой, а наш отряд — надежду.

Рэн резко останавливается, бросает злой укоризненный взгляд на Джина.

— Нам нет дела до надежды. Я устал от этой бесконечной беготни и от того...

Рэн осекается, стискивает зубы. Он сжимает рукоять так, что костяшки белеют от напряжения.

— Замолчите оба! Монахи ясно сказали — если ее найдут посторонние, нас всех выгонят. Рэн, осмотри северную тропу. Джин, за мной.

Рэн, потрясенный новостью о разделении, незадачливо останавливается. Пользуясь случаем, ускоряю шаг, почти срываясь на бег. Скорей! Успеть бы ее спасти! Джин движется точно тень, не отставая ни на шаг.

Вот! За тем углом, у подножия статуи золотого Будды. Вижу — малышка обхватила руками колени и смотрит в пустоту. Ее промокшая одежда липнет к телу, лицо бледное, но в полумраке она выглядит еще более завораживающе, чем прежде.

— Юки! Ты совсем обезумела? Монахи запретили нам покидать пристройку! Ты понимаешь, чем это грозит всем нам?

Юки поднимает на меня взгляд. Загадочный. И опустошённый.

— Госпожа Хотару, как вы думаете, Будда простит меня?

Замираю, как вкопанная.

— О чем ты? Я не понимаю?

— Будда...он ведь тоже мужчина...Он меня простит? За то, что я делала, там, на заставе?

Из ее глаз медленно выползают две крупные тяжелые слезы, стекают по щекам, закатываются на подбородок, падают на ключицы ...словно жемчуг...

— Я очень грязная, госпожа? Очень?

Падаю перед ней на колени. В грязь. Обнимаю. Прячу от всего мира. Даже от нее самой. Сквозь боль выдавливаю мягкий успокаивающий голос, будто рассказываю сказку маленькому ребёнку:

— Будда любит всех, Юки. Без исключения. Он смотрит в сердце, а не на ошибки прошлого. Ты чиста. Тебе не перед кем оправдываться.

А у самой ком в горле. Проклятье! Поднимаю глаза. Вижу глаза Джина. Маска непробиваемого скептика трескается. Невыразимая, нечеловеческая боль, спрятанная под половицы сильного человека, предательски выползает наружу, мстит своему владельцу, как смертник, проклиная своего палача.

Кашляю. Встаю на ноги. Поднимаю Юки за плечи.

— Вытирай слёзы. И вставай.

Уже в пристройке невольно замечаю перешёптывания между мятежниками. Одноногий крестьянин Сабуро, строгий на вид, быстро прячет за спину деревянную фигурку кролика, которую он вырезал. Неужели в этом внешне суровом мужчине скрывается что-то нежное и доброе по отношению к Юки?

— Ишь ты, принцесса вернулась. Ходит, глазами хлопает, словно ничего не было.

Сабуро с наигранным презрением швыряет мотыгу в угол, уставясь на Юки.

Самый молодой из крестьян, с противным масляным лицом, усмехается:

— Я-то помню тебя, Юки. Помню, как ты ноги раздвигала перед каждым самураем в нашей деревне, лишь бы брюхо набить. А нашим мужикам, крестьянам, и крошки не перепало. Продажная шкура. Красивая, говоришь? Гнить тебе за это в аду.

Рэн делает резкий выпад, перехватывая воротник зазнайки, и поднимает его над землей.

— Еще одно слово о ней, падаль, и я вырежу твой язык прямо здесь.

Крестьянин бледнеет, но не перестает смотреть на Рэна с презрением. Джин кладёт руку на плечо товарища, слегка сжимая его.

— Оставь его, Рэн. Разве ты не видишь? Он слишком глуп, чтобы понять разницу между выживанием и предательством. Ему просто завидно, что его нищая деревня не смогла предложить ей ничего, кроме презрения, в отличие от самураев.

— Хватит!

Выпаливаю я.

— Разве вы не слышали монаха? Мы в доме Будды. А он заповедовал нам жить в мире. Мало вам крови?

Крестьяне тупят взор. Все замолкают.

Оставшийся день проходит тихо. Ночь приходит быстро. Все спят, выбитые из сил.

Звнящая тишина раскрывает во мне ребра, дарит чувство пустоты и легкости. Впервые так себя чувствую за все время похода. Интересно почему? Деревянный потолок пристройки не дает мне ответа. За окном мирно поют ночные птицы... Я будто бы дома. Мне снова шесть. Папа живой. Я еще не знаю ничего о мире. Мне и невдомёк, чего стоит честь, что нужно чего-то добиваться, заслуживать, куда-то бежать. Я — это просто я.

А потом... Что же произошло? Почему я стала такой? Убила человека? Видела продажных женщин? Сама хотела стать такой?

Тот монах... Иссай... Я что-то почувствовала рядом с ним. Он что-то пробудил во мне. Что-то забытое, спрятанное под половицы стыда, долга и глупой чести. И это «что-то» до боли ранит, обжигает меня.

Прикладываю руку к сердцу. Здесь... больно. Почему мне так душно и больно в груди? Крупная слеза предательски выкатывается из глаза, ползет по щеке, обжигая, закатывается в ухо, оставляя мокрую дорожку стыда.

С силой сжимаю кулаки. Хотару, какая же ты размазня! Твой отец был прав. Ты не умеешь держать себя в руках. Ты позор семьи. Глупая, бесполезная, беспомощная... Соберись! Где твой разум? Где законы Бусидо? Или ты уже все позабыла... из-за каких-то чувств?

Размазываю кулаком слезы. Собираюсь. Я могу проанализировать. У меня есть дар. Я все могу проанализировать.

Отец учил меня читать намерения людей по рукояти их меча и положению плеч. Но я вижу то, что скрыто глубже — их истинную суть. Когда я смотрю на своих гэнинов, всё кажется привычным и понятным. Рэн — это полуденное солнце. Его аура горячая, теплая, она согревает, но в то же время пугает своей вспыльчивостью. Рэн — это бушующий огонь, готовый вспыхнуть от малейшей искры, и этот огонь порой обжигает его самого.

Джин — совсем другой. Его душа похожа на горный ручей, чистый, как хрусталь, где в глубине медленно и чинно плавают карпы кои. Но этот ручей ледяной. В нем нет тепла, только холодный расчет, безупречная логика и продуманность каждого шага. Джин никогда не поддастся порыву.

А Иссай... Иссай не похож ни на кого из них. И дело не только в его внешности, хотя его белые, как лепестки зимней сливы, волосы и прозрачная кожа чужеземца до сих пор кажутся мне чудом посреди нашей Эдо. Нет, Хотару. Сосредоточься. Соберись. Какова же его аура? Наверняка, найдётся хоть один грех. Ведь у Кендзи, того проклятого травника, тоже он был. Я то доверяла, смотрела на него, как на чистое создание, омраченное горем утраты близкого человека. Сочувствовала. Уверена, мой милый монах еще разочарует меня.

Но... Что это? Какое чистое, белое сияние, прозрачное, словно свежавыпавший снег, в котором еще не запуталась ни одна земная грязь! Открываю рот, закрываю его руками. Слезы в ужасе застыли и смотрят в потолок. Иссай... ты... не человек... Его аура абсолютная, звнящая невинность, которая вообще не могла родиться в этом мире. Как такое возможно?

Сегодня, когда он, не задумываясь, шагнул вперед и закрыл собой бесправного крестьянина от блеснувшего самурайского клинка, я вспомнила себя. Ведь еще недавно, этой осенью, я сама сделала то же самое. И чем мы отличаемся? Закрываю лицо руками, сворачиваюсь калачиком, словно хочу приглушить ту боль, идущую от сердца.

Иссай...твоя чистая жертвенность, искренность и желание отдавать всего себя без остатка... Какое странное, болезненное чувство. Словно мы сотканы из одного шелка, пусть ты и приплыл из далеких земель. Я хочу ещё раз увидеть тебя...чтобы вспомнить саму себя.

Вдруг...Проносится странный свист, скрежет, похожий на человеческий голос, старый, сухой, вымученный. Вздрагиваю. Медленно, тихо, чтобы не разбудить ребят, встаю с татами.

Крадусь на цыпочках, перешагивая мирно спящих людей. Юки, как маленький зверёк, свернулась калачиком и тихо сопит. У самого входа спит мятежник, во сне обнимает зазубренный серп. Его брови нахмурены, ребра вздымаются, как холмы. Дышит глубоко и тяжело... Как бы не разбудить.

Странный звук исходит из стены. Прикладываю ухо к стене. Ни дышу. Свист повторяется снова. Он похож на скрип дома, завывание ветра за окном, но нет. Готова поклясться, что это не мое воображение! Что это? Ясно и отчетливо слышу змеиное шипение. Будто бы...змея ползет прямо вдоль внешней стены пристройки!

Выхожу. Луна желтым пятном повисла высоко над храмом. Ни души. Бури нет. Все стихло. Иду по деревянному настилу, к кельям. Именно оттуда доносится шипение. Он становится все громче и ясней, пока шипение не превращается в один слитный голос, мужской...злой, желчный:

«Тюрьма... Проклятая деревянная тюрьма. Как я ненавижу этот запах благовоний. Ненавижу этот лысый скот, который зовет себя братьями...»

Замираю у тонкой ширмы сёдзи одной из комнат. Внутри неподвижно сидит силуэт молодого монаха. Его губы плотно сжаты, но его мысли буквально кричат.

«Сытая и легкая жизнь! „Монастырь прокормит тебя, сынок, там тепло и всегда есть рис“ — чертовы старики, отдали меня малолетним щенком сюда, как скотину на закланье!

Разрушительный монолог заглушает другая речь, еще более ужасающая. На этот раз голос молодой, скользкий. Эхо мыслей молодого монаха вползает в мое сознание, словно змея, с шипением оставляя после себя старую кожу:

«Девственницы под нашей крышей. Их кожа, их запах... Вот бы хоть раз...прикоснуться...»

Не успевает закончиться этот поток мыслей, тут же начинается другой, уже другого человека, с другой болью:

«Ненавижу настоятеля за его лживую святость...Ходит с благочестивым видом, читает сутры, а сам дрожит за свое теплое место».

Не могу поверить. Неужели никто из них не верит в Бога? Я же видела Иссая. С каким детским восторгом он говорил о Будде... Стоп! Один голос я узнаю. Кажется, это наш настоятель!

«Опять он, этот щенок...»

Про кого это?

«...Горбатится здесь целыми днями, шуршит своей тряпкой, за все извиняется...»

Это про Иссая так?

«Десять лет. Десять долгих лет я отдал этому месту. Я — столп этого храма! Не он...»

Так и застываю с открытым ртом, не в силах пошелохнуться. Так вот в чем дело... В Иссае видят угрозу, подрыв авторитета настоятеля. Знает ли об этом бедный монах? Не думаю. Он ведь такой наивный.

— Женщина у покоев монахов? В глубокую ночь, когда все обязаны спать?

Вздрагиваю. Откуда ни возьмись передо мной вырастает настоятель. Как я его не заметила? Проклятье!

— Дочь самурая, где твое приличие и стыд?

Кривиться мужчина. В руке у него масляная свеча. Он светит ею мне в лицо, словно пытается ослепить. Зажмуриваюсь.

— Настоятель... Я слышала... звук...

— Позволь напомнить, что здесь не тренировочный лагерь клана.

Грубо перебивает настоятель.

— Ты крадешься в темноте, а молодые монахи теряют покой. Твоя красота и твоя надменность — отравы для юных умов, выбравших путь отречения. Немедленно возвращайся в пристройку.

С этими словами настоятель делает шаг вперед, указывая фонарем в сторону сада.

Опускаю голову и трусцой бегу до пристройки. Что поделать? Настоятель не поймет моей правды. В его глазах я грешница.

Уже светает. Медленно прохожу по деревянному настилу коридора. Отец учил меня, как ходить скрытно. Ставлю ногу с пятки на носок. Переношу вес плавно, чтобы старые половицы не издали ни звука. Задерживаю дыхание, приближаясь к полуоткрытой ширме.

Рэн лежит на спине. Правая рука скрыта под одеялом, пальцы плотно сжимают рукоять меча. Его веки едва заметно подрагивают. Он анализирует звуки ночи сквозь сон.

Джин спит на боку, лицом к выходу. Его тело слегка подогнуто в коленях — позиция для мгновенного прыжка. Левая рука лежит на подсумке с сюрикенами.

Делаю первый шаг мимо ширмы. Дыхание Джина мгновенно меняет ритм. Он не открывает глаза, но его тело напрягается как пружина. Пальцы на подсумке сжимаются.

Проклятье! Нужно двигаться ещё тише. Иначе опасного разговора не избежать. Ни дышу. По миллиметру приближаюсь к цели — прежнему месту, где лежала. Так проходит двадцать минут. Двадцать минут моего мучения в отчаянной попытке избежать трудного разговора с гэнинами. Почему я выходила посреди ночи? Зимой? Одна? Почему не позвала с собой их, Рэна и Джина, если решила, что слышу демона? У меня нет объяснений на этот счет. А может, я недостаточно доверяю гэнинам? Задумываюсь. Действительно. Мы очень редко разговариваем. Вместе мы уже многое прошли, но я всегда относилась к ним не более чем к наёмникам. В голове невольно проносятся те самые слова воительницы: «но скажи, разве эти... твои генины... безгрешны»?

Спустя какое-то время мне все же удаётся лечь на свое место. Поворачиваю голову и с ужасом обнаруживаю, что рядом лежит Иссай, тот самый бедный монах, что так яростно ненавидим настоятелем. Ну, конечно. Он же говорил, что живет в пристройке, вместе с нами. Пришел так поздно? Наверняка, настоятель специально заваливает его черной работой.

На мальчишеском юном лице залегли тени от недосыпа. Но даже это не может его испортить. Тонкие, аристократические черты лица: прямой, слегка заостренный нос, высокие скулы и бледная, почти фарфоровая кожа.

На лице нет никакого напряжения — лишь абсолютное, почти потустороннее спокойствие. Дыхание ровное и глубокое. Глаза закрыты, губы слегка расслаблены. Несколько непослушных белых прядей падают на лоб. Как мне хочется их поправить!

О чем ты, Хотару? Настолько наивна и глупа, чтобы любить кого-то? Ты воин. Вспомни. Все твои друзья уже лежат в могилах. Что ты сможешь ему подарить? Только смерть и отчаяние.

Нахожу в себе силы, чтобы отвернуться. И... натыкаюсь на взгляд Джина. Все это время юноша безмолвно меня изучал. Как гадюка, затаившаяся в прыжке. Ну, конечно. Как я раньше не догадалась? Ведь отец учил меня, что гэнины спят чутко, лишь одним глазом. Как я могла так опростоволоситься?

Вопреки моим ожиданиям, Джин отворачивается, не задавая лишних вопросов. «Ты любишь этого мальчишку?», — проносится в голове гэнина, — «Что ж, главное, чтобы твоя любовь не погубила вас обоих».

Джин... Он всегда был таким... спокойным, продуманным. Он слишком умен, чтобы опуститься до ревности или закатывать дешевую драму. Как я могла в нем сомневаться? Опасаться стоит лишь Рэна.

Ясно и отчетливо слышу стон... стон Юки... во сне. Болезненный. Не хороший. Что происходит? Вскрываю с татами без всяких предисловий. Плевать, если кто-то проснётся. Возможно, Юки сейчас в опасности.

Трогаю лоб девочки. Да, я оказалась права. Она еле дышит. Дыхание тяжёлое, затруднённое. Вся мокрая. Да с нее пот ручьём! Как я сразу это не заметила? Я же проходила мимо ребёнка. Была занята мыслями об Иссае, в то время, как Юки отчаянно боролась за жизнь.

— Джин! Рэн! Сюда, скорее! У Юки сильный жар. Она без сознания и совсем горячая!

— Какого чёрта ты орёшь в такую рань?

Лениво потягивается Рэн, укутавшись в потрёпанное одеяло.

— Я сыт по горло этой войной. Месяцами ни единой спокойной ночи, вечный голод, а теперь ты ещё не даёшь закрыть глаза.

Джин, сидевший в углу на циновке, занят своим любимым делом — медленно протирает клинок. Лишь на секунду он одаривает меня своим привычным насмешливым взглядом.

— Хотару, ты еще не наигралась в спасительницу? С девчонкой все в порядке. Проверь лучше свою голову.

— Заткнитесь вы оба! Вы ничего не понимаете!

Выкрикиваю, и слёзы предательской волной вырываются наружу, капают на мои руки, я не в силах их остановить.

— Она же весь вечер вчера простояла на жутком морозе у статуи Будды! Ее реально лихорадит, она тает, как свеча!

Джин меняется в лице. Его глаза, полные привычной усмешкой, становятся серьезными, даже чернеют. Он дохрамывает до футона Юки, проводит по лбу.

— Проклятье! Хотару не врет. У девчонки жар.

Рэн вскакивает с футона, со злостью пинает балку.

— Простояла под снегом? Да вы издеваетесь? Как я устал! Хотару, я очень устал от того, что ты трясешься над каждым встречным бродяжкой, кроме тех, кто действительно рядом!

— Что там за шум?

Один из беженцев, плотнее укутывается в тряпье. Молодой крестьянин, с противным масляным лицом, тот самый, который называл Юки продажной женщиной, срывается в истерику:

— Девчонка заболела? А вдруг это чума или черная оспа?! Она же нас всех заразит! Вышвырните её на улицу, пока мы не слегли вслед за ней!

— Завали пасть, пока я тебе её не зашил!

Сабуро, главарь банды, тяжело поднимается во весь рост, угрожающе поправляет свой пояс.

— Думайте башкой, стадо. Если настоятель и монахи узнают, что у нас тут ходит зараза, они не станут разбираться, чума это или простуда. Нас всех выгонят из храма прямо на мороз. Хотите сдохнуть в сугробах?

По рядам крестьян проходит испуганный шепот.

— Что же делать?..Что нам делать?

Всхлипываю я.

— Травы.

Выговаривает худой серьёзный старичок, испечренный сетью морщиной.

— Нужны травы. Зимние лечебные травы. Только ими можно сбить такой жар.

— Но они растут высоко на склонах, в самой глуши. Кто туда пойдет?

С этими словами Джин пытается подняться, но резкая боль в раненом бедре заставляет его незаметно поморщиться и остаться на циновке.

— Я... я могу пойти.

Раздается до боли знакомый голос. Иссай проснулся? Я совсем про него забыла! Юноша вжал голову в плечи, мнет края худой накидки.

— Я... я знаю эти горы.

Заикается Иссай.

— Настоятель... он часто наказывал меня. Гонял на дальние склоны за хворостом даже в самые лютые зимы. Я точно знаю, где под снегом растёт нужная трава.

Поднимаю на него глаза, полные боли, испуга и отчаяния. Этот мальчишка? В горы? Да он же еле стоит! И рана еще не зажила. Почему ни Рэн? Почему ни кто-то другой?

Перевожу обреченный взгляд на Юки. Лоб весь в испарине. Малышка, держись.

— Иссай, ты пойдешь со мной. Рана еще не зажила. Я помогу тебе донести сумки.

— Хотару, ты пойдешь с этим чужаком?

Рявкает Рэн. Мужчина медленно, шаг за шагом двигается ко мне, его лицо полыхает от ярости и ревности.

— Ты пойдешь с ним? С этим... как его...Иссаем? В горы? На целый день? Подумай, что может произойти с монахом, который в жизни не видел женщины?

Иссай вспыхивает. Его плечи еще ниже опускаются, мальчишка вжимает голову.

— Хотару, ты не оставляешь мне выбора.

Угрожающе процеживает сквозь зубы Рэн.

— Я иду с тобой.

— Нет, Рэн, ты остаешься.

В этот миг маска решимости на лице мужчины сменяется грубой отчаянной злобой.

— Задача гэнинов куда важнее. Вы с Джином костью в горле встанете, но не пустите местных монахов к пристройке. Они не должны заметить отсутствие Иссая. Скажете, что он тяжело заболел, объявите жесткий карантин. Ни одна душа не должна сунуть сюда нос, иначе они поймут, что его нет, и нам конец.

Рэн стискивает зубы так, что желваки ходят ходуном. Развернувшись, он со всей силы бьет кулаком по деревянной стене, едва сдерживая клочущую ярость.

Джин, с больной ногой, выглядит сейчас жалко, он молча отворачивается от меня. Наверняка, чтобы я не видела его бессилие. Через некоторое время он собирается и привычным тоном бросает:

— Идите уже. И постарайтесь не сдохнуть по дороге. Нам еще не хватало хоронить двоих вместо одной.

Снег, словно безмолвное чистое сияние, мертвым грузом лежит в горах. Вдали виднеется ледник. Суровая красота зимнего леса завораживает, но с каждым шагом подъем дается все сложнее и сложнее. Мы идем

по узкой тропе, плечо к плечу, утопаем в тяжелой манной крупе, как две спички, готовые вот-вот потухнуть от дуновения холодного ветра.

Иссай, сутулясь, тащит пустую корзину для трав. Он то и дело поправляет капюшон, пытаясь скрыться от моего изучающего взгляда. Не могу не смотреть на Иссая. В этом зимнем лесу, где каждая ветка покрыта белым иней, мне он кажется, сказочный принцем, потому что сам бледный, беловолосый и такой же недостижимый, как и эти шапки горных вершин.

Кутаюсь в старое поношенное хаори. Иссай же идет босиком по снегу в соломенных сандалиях, не произнося ни слова. Ни жалоб на холодный ветер, ни ругательств по поводу собственной усталости. Он ни разу не остановился на перевал. Улыбается, делает вид, что все в порядке.

— Д-дети... они чисты духом, госпожа.

Поясняет мне Иссай.

— Небо не оставит Юки... Не волнуйтесь.

От слов монаха мне становится тепло на душе. До чего этот мальчишка мягок, наивен и добр! Вот и сейчас. Улыбаюсь, как полная дура, и ничего не могу с собой поделать. Мысли — бабочки-однодневки, порхают в разные стороны, не оставляя после себя никакой конкретики. Стоп! Хотару, соберись! Юки сейчас борется за жизнь, настоятель выживает Иссая из храма и выживет, если пропажа обнаружится, а ты летаешь в облаках! Что с тобой такое происходит?

— Иссай, помнишь, ты рассказывал, что настоятель гонял тебя в гору за хворостом даже в лютые метели? Как думаешь, мог ли настоятель тогда надеется на твою смерть?

Иссай вздрагивает. Глаза юноши округляются в испуге и удивлении.

— Нееееет, госпожа.

С полной уверенностью протягивает Иссай.

— Настоятель мне как отец. Именно он приютил меня, научил держать четки и читать молитвы. Если бы не он, я...

Юноша запинается. Его плечи опускаются. Он испуганно перебирает пальцами край своей поношенной сутаны.

— Он... он строг со мной из любви. Кто я такой? Неуклюжий, глупый, с лицом, на которое людям тошно смотреть... Настоятель просто хочет, чтобы мой дух стал крепче, а тело сильнее.

Смотрю на него, и сердце разрывается. Святая простота.

— Ты слишком строг к себе, Иссай.

Грустно произношу я.

— Настоящая грешница — это я. В недавнем военном походе... когда мы шли с гэни-нами, мне пришлось убить человека. Я смотрела в его глаза, спокойно, даже холодно, пока он умирал, и ничего не сделала. Я его не спасла. Более того. Столько раз видела голод и смерть, столько людей погибло у меня на глазах... Где тогда был Будда? Почему он никого не спас?

Проклятье! Вот уже второй раз я даю себе слабину. Слезы утробной волной выкатываются наружу, капая на руки. Губы и голос дрожат. Глупая женщина, остановись.

Но вместо того, чтобы презирать меня, Иссай, этот мальчишка, что еще недавно боялся даже коснуться меня, делает шаг ко мне. Решительно. Снимает с себя теплую накидку, набрасывает мне на плечи. Спокойно. Безо всяких объяснений.

Поднимаю на него свой взгляд, полный шока, боли и негодования. Ты не презираешь меня? Честно не презираешь?

— Боль, что ты чувствуешь...

Произносит монах.

— ...доказывает: ты не стала бездушным орудием. Ты... ты прекрасна в своем сострадании...Хотару.

Он впервые...назвал меня по имени. Слеза безмолвно течет по моему лицу, выражая все несказанное, пристыженное, спрятанное под половицы долга, обид, глупых «так надо». Теперь только одна мысль вертеться у меня на языке: «Иссай, ты правда считаешь меня прекрасной?» Знаешь ли, сколько раз ударилось мое сердце в минуту, когда ты подарил мне эти два слова?

— Ты спрашиваешь, где был Будда?

Уверенно продолжает Иссай.

— Я расскажу тебе кое-что. Но пообещай не смеяться надо мной.

Сосредоточенно вглядываюсь в его глаза, серые, спокойные, как гальки на дне горной реки.

— Однажды, медитируя перед статуей Золотой Будды, я... я увидел, как он открыл глаза. Будда смотрел на меня, как живой. Смотрел и улыбался...лукаво так, как будто что-то знал, но не говорил. Я решил, что это знак. И пошел к настоятелю, надеясь разделить с ним эту радость. Но он рассердился, велел мне молчать и никому больше не говорить об этом. С того дня его отношение ко мне резко изменилось.

— Почему?

— Думаю, он увидел в моих словах ростки гордыни. Он посчитал, что я возомнил себя избранным. Возможно, это испытание от богов, которое я должен пройти с открытым сердцем. И я принимаю это смиренно.

Сколько же мудрости и силы в этом мальчишке! На первый взгляд он такой хилый, даже меча поднять не может! Но...идет в горы, со мной, хотя не обязан, по снегу, в одних соломенных сандалиях, ни слова о собственных страданиях, тяжелом труде, одиночестве, травле со стороны настоятеля. Да у него негибемый стержень!

Какое-то время между нами висит тишина, расслабленная, словно вакуум пустоты, в который меня унесло, смыло всю чушь в голове, все эти мелкие мысли о долге и чести своей семьи, о победе над демоном, о глупой и плоской морали.

А потом...вспоминаю, что тоже видела что-то подобное, видение.

— Видение...

Задумчиво протягиваю я.

— У меня тоже было видение недавно.

— Ты можешь мне рассказать.

Участливо улыбается Иссай. Начинаю свой рассказ.

— Это было на тракте, у горной заставы. Я видела женщину. Она была в купальне, расслаблена. Она смывала с себя дорожную пыль и кровь. У неё были длинные черные волосы, а на левом плече — шрам в виде цветка пиона. Я видела каждую деталь... Верхняя губа больше другой. Высокие скулы. Волевой подбородок. Шпильки для фиксации прически. Она была... прекрасна.

Иссай внимательно смотрит на меня, слушая мое описание. Затем он переводит взгляд на гладкую поверхность замерзшего ручья неподалеку.

— Хотару, опиши её еще раз.

— К чему это? Верхняя губа чуть больше нижней, лисий, немного лукавый разрез глаз... Волосы уложены в высокую шишку на голове. Ну и шрам в виде пиона...

— Госпожа Хотару... Но ведь это вы. Вы сейчас описали саму себя. У вас точно такая же губа, лисьи глаза и этот шрам.

Обмираю. Что он только что сказал? Обнажаю клинок. Медленно опускаю взгляд на сталь, чтобы увидеть собственное отражение. Там, на прозрачной пластине стали, на меня смотрит незнакомая женщина. Глаза загадочно блестят, будто она что-то хочет сказать, но не может. Верхняя губа дерзко вздернута вверх. Шпильки, точно кинжалы, торчат из прически. И шрам... Этот шрам я получила во время боя с Хиро.

Как Иссай успел его разглядеть? Сейчас это даже не важно, потому что эта мысль влечет за собой другую, куда более пугающую: в ту ночь на заставе я сидела в темноте и разговаривала сама с собой, теряя рассудок от одиночества и страха. Нет. Не может быть.

Или... Задумываюсь. В бане ведь было очень темно. Горячий пар... Бадья с водой. Возможно, та загадочная воительница, которую я приняла за родственную душу... была лишь моим собственным отражением в колеблющейся темной воде? Неужели Иссай всё-таки прав? Я разговаривала сама с собой?

— Твое видение было не о ком-то другом.

Ставит вердикт Иссай.

— Небо послало тебе знак. Может быть... может быть, тебе стоит заглянуть в себя глубже? Как я пытаюсь заглянуть в свою непутевую душу. Перестать искать ответы во внешнем мире, в войнах или чужой философии, и узнать, что на самом деле скрывается внутри тебя?

Тут Иссай смущенно кивает и делает шаг назад, уступая мне дорогу. Мы молча продолжаем свой путь вверх по склону, оставляя следы на девственно чистом снегу. Впереди сквозь кроны деревьев пробивается свет. Но я все не могу забыть слова молодого монаха: «Твое видение было ни о ком-то другом...»

К тому времени, как мы доходим до верхушки горы, уже глубокая ночь. Девственно белый снег искрится под светом Луны. Как там бедная Юки? Целый день без лекарств... в этой промозглой холодной пристройке. Из мрачных мыслей меня выводит Иссай.

— Ледяной лотос растёт только там, где сходятся ветры.

Объясняет юноша.

— Мы почти поднялись на вершину горы. А значит, можно начинать.

С этими словами монах садится прямо в сугроб и голыми руками тщательно разгребает большущую шапку снега! Его и без того, синие от холода пальцы, быстро немеют от ледяной крошки.

— Корень спрячется под глубоким снегом.

С одышкой поясняет Иссай. Дыхание у юноши тяжёлое, сбивчивое от работы — он использует руки, как лопаты, не жалея себя, гребет и гребет целые шапки снега, не останавливаясь ни на минуту. Падаю на колени рядом с ним и принимаюсь за ту же работу. Иссай вздрагивает.

— Что вы, госпожа? Это вас недостойно! Я сам!

— Все в порядке, Иссай.

Улыбаюсь я.

— Не забывай, я воин, а не дворцовая дама.

— А, ну если так...

Смущённо протягивает монах, и мы продолжаем раскопки в этой ледяной пустыне. Украдкой смотрю на Иссая. Сейчас его серые глаза отливают маленькими золотыми крапинками, как золото в реке. Это странно, но даже в этом холоде, вопреки всем нечеловеческим условиям, я не хочу возвращаться назад. Завтра, когда мы вернемся в пристройку, мир станет прежним — плоским, грубым, пустым. Я продолжу свой путь и мне снова придётся убивать... ради чужого счастья — чести моей семьи; держать лицо перед братом, а в скором времени и перед мужем — чужаком, который будет целовать мои ноги, не касаясь души. Я больше никогда не увижу Иссая.

— Иссай-сан... Ты провел в храме практически всю свою жизнь. Посвятил всего себя Будде. Но скажи, неужели за все эти годы ты никогда не интересовался женщинами? Ты никогда никого не любил?

Иссай вздрагивает. Становится задумчивым. Наконец говорит:

— Была одна девушка. Не знаю, о чем она молилась, но... Был дождь. Лило, как из ведра. Все прихожане спрятались по домам. Мы тоже. А она... Она стояла на коленях перед алтарем.

Целый день. В ее взгляде была такая сила и такая негибкая вера, что я, десятилетний сопляк, не мог оторвать от нее глаз. В этот момент я понял, что люблю ее.

— Что с ней стало?

— Она ушла. И я больше никогда не видел ее.

Иссай поднимает на меня свои светлые лучезарные глаза, улыбается мне, но я понимаю, что за этой маской скрывается горькая боль и одиночество.

— Но ты надеешься ее встретить еще раз?

— Понимаешь, Хотару, это даже не важно. Просто вся её суть...

Лоб Иссая напрягается в морщинах, пытаюсь выразить нечто невыразимое.

— ...она словно сама чистота. Ни единой суетной мысли на лице, ни тени гордыни. Я словно увидел живое воплощение Бога. А кто я? Чужак. Изгой. Урод среди своего народа.

Тут Иссай замирает, его лицо вытягивается в удивлении, детском, таком весёлом.

— Смотри, Хотару! Там, у основания скалы.

Вглядываюсь. Действительно. Что-то лежит. Корень ледяного лотоса? Мы всё-таки допались?

Иссай с усилием отламывает кусок промерзшего грунта. Свет Луны падает на эту находку. Внутри льда — обмерзший корешок какой-то травы. Вероятно, это и есть тот самый целебный цветок.

— Мы нашли его... Он спасет ребенка.

Смеётся монах. Его радость такая искренняя и добрая. А вот я...еще пару минут назад готова была пойти на грех — бросить все и сбежать, поддаться чувствам, сиюминутному порыву. Глупая юность, замолкни.

Чтобы прийти к утру, мы с Иссаем спускаемся с горы всю ночь. Если бы ни Луна, которая освещает нам путь, клянусь Буддой, я бы давно запнулась о какую-нибудь корягу и кубарем покатила вниз. Каждый шаг здесь может быть последним. Ступаем ребром стопы, набекрень, чтобы не поскользнуться на крутом склоне. К утру мои колени горят огнем. Но Иссай ведет себя более достойно. Его шаг выверен и хорошо продуман. Он знает, куда ступать, как ставить ногу, чтобы не поскользнуться. Видимо, юноша не соврал. Настоятель действительно гонял его по склону. Иначе как объяснить его профессионализм в этих забытых Богом горах?

Мертвенно бледные наконец добредаем до храма. Настоятель и его монахи еще не проснулись. На территории храма тихо. Это хорошо. Пока никто не заметил, живенько ковыляем до пристройки. Внутри все та же картина. Юки лежит на соломенном ложе без сознания. Сердце за нее кровью обливается. В ее руках грубо вырезанный деревянный кролик. Видимо, подарок Сабуро. Сам мужчина расположился рядом, прямо перед больной. Суровый, покрытый шрамами, одноногий. Грубые черты лица потемнели, словно тучи, нависли над глазами

крестьянина. Он не спал несколько дней. Неужели и вправду под маской чёрствого человека скрывается добряк, ранимый чужого до ребёнка? Остальные мятежники тоже не спят. Они обступили ложе, словно собрались на похороны. Только один крестьянин лениво посапывает, тот самый, с масляным противным лицом, имени которого не знаю. Мужчина развалился на соломе, развел руки и ноги в стороны, насладившись свободным пространством. Тьфу! Противно смотреть!

Рэн нервно расхаживает по сторонам, словно зверь, загнанный в клетку. Джин обопрся о колонну и не отрывает взгляда от сиротки. Его бедро полностью здорово.

Сабуро, завидев нас, резко подскакивает, делает шаг вперёд. В его глазах надежда, детская, хрупкая, набожная.

— Принесли?.. Великие боги, девчонка спасена!

Бережно, словно горный хрусталь, Сабуро забирает из рук монаха корень, передает его одному из мятежников, чтобы тот готовил отвар. Иссай в ответ только мягко улыбается, бесильно опираясь на косяк двери. Лишь одна я знаю, чего стоит ему эта улыбка.

Перевожу дух, скидываю с себя мокрые вещи.

— Лотос рос у самого ледника. Если бы не Иссай... я бы сорвалась в ущелье в тумане.

Из темноты угла раздаётся желчный смешок. Это крестьянин. Тот самый, с масляным лицом. Он проснулся от шума и теперь, сидя на корточках, точит свой ржавый нож обломком камня.

— Надо же. Самурайская дева и святоша целые сутки терлись друг об друга на скалах. И ради кого? Ради девки, которая ещё осенью за горсть гнилого риса ложилась под любого солдата в гарнизоне?

Мгновенно вспыхиваю. Как в тот раз, когда убила человека. Рука сама не своя, ложиться на рукоять меча и хочет вытащить его из ножен. Левой свободной рукой пытаюсь усмирить одержимую часть тела. Но мышцы ходят ходуном. Станный голос, будто шипение змеи в ушах: «Убей его, Хотару. Убей...» Закрываю глаза, с силой сдерживаю свой порыв. Выдыхаю:

— Закрой рот, несчастный. Она ребёнок.

Но крестьянин только плюет на пол, вызывая у меня ещё большее омерзение.

— Она грязь. И из-за этой грязи мы все тут подохнем, если нас выследит ищейка настоятеля. Монахи не любят, когда в их пристройках прячут бунтарей и блудниц.

— Ещё одно слово, старик...

Угрожающе произносит Сабуро.

— ...и грязи в этой комнате станет больше — на кучу твоих костей. Замолчи. Она сирота. Теперь она наша.

Тук! Тук! Тук! В углу у котелка нервно стучит ступка. Краем глаза вижу, что Рэн с безумной силой толчет корень ледяного лотоса, ради которого мы рисковали жизнью. Суставы юноши пальцев побелели. Джин сидит рядом, оперевшись спиной о столб, и лениво подбрасывает в воздух маленький кунай. Включая свой дар, чтобы вслушаться в их разговор, пока делаю вид, что вожусь с Юки. Гэнины что-то от меня скрывают.

— Ты так усердно давишь этот сок, Рэн, будто надеешься выжать из него яд. Полегче, друг. Лопнет ступка — Хотару тебе голову свернёт.

— Мне плевать на травы. Мне плевать на девчонку.

Сквозь зубы процеживает Рэн.

— О, я вижу, на что тебе не плевать. Смотри-ка на них.

Джин кивает головой в сторону меня и Иссая.. В это время монах протягивает мне чистую ткань, чтобы обтереть лицо. На мгновение наши пальцы соприкасаются.

— Они провели в тумане всю ночь.

Выносит вердикт Джин.

— Один плащ на двоих, свист ветра, близость смерти... Они теперь понимают друг друга по шевелению ресниц, Рэн. А ты для нее — просто усталый пес войны, который таскается следом.

— Заткнись! Он монах! Он давал обеты!

— Обеты — это слова для дураков. А они — мужчина и женщина. И настоятель храма, между прочим, спит и видит, как бы скормить Иссая волкам. Наш святой брат слишком добр, а добрые долго не живут.

Рэн тяжело дышит, глядя в спину Иссая. В его глазах мешается ревность, усталость от бесконечных боев и темная, липкая обида. Он что-то произносит, но... проклятье! Не слышу! В голову бьет сильная боль. Сгибаюсь в гримасе боли. Мой дар! Я слишком устала, чтобы использовать чтение душ так долго. Падаю навзничь, рядом с Юки, и отключаюсь.

Что это? Передо мной уже другая картина. Дождь со снегом бьет по каменным плитам храма. Тум! Тум! Тум! Удары дождя, как удары сердца, обрушиваются на плиты, образуя в лужах круги воды.

Маленькая человеческая фигурка привязана к крестообразному столбу. Не пойму, кто это? Из-за плотной дождевой завесы лицо не разглядеть. Только губы... грустные, с запёкшейся кровью. Верхняя одежда с мученика сорвана. Ребра выпирают из боков. Стопы разбиты и в грязи. Где он так замарался? Кажется, будто этот страдалец обошел весь мир босыми ногами по стеклу.

Рядом стоит человек. Лицо закрыто черным плащом... Он держит в руках тяжелую, вымоченную в соленой воде бамбуковую палицу. Голос, до боли знакомый, громом раздается по всему двору:

— Иссай, ты нарушил обет и провел сутки наедине с земной женщиной!

Неужели это голос настоятеля? Похоже. Значит, тот человек, что привязан к столбу, Иссай?

— Я спасал жизнь ребёнка.

Хрипит мученик. И этот хрип действительно похож на голос Иссая!

Вжих! Хлесткий, страшный звук разносится по двору. Вскрикиваю. На коже страдальца лопается первая багровая полоса.

— Ты спасал не ребёнка, а свою гордыню! Я отправлю тебя к праотцам со шрамом блудника!

И снова удар. Да с такой злостью! Почему? Почему настоятель бьет Иссая так, будто он хочет его убить?

Это ведь сон? Просто очередной кошмар? Сейчас я досчитаю до ста, открою глаза, и все закончится. Раз. Свист хлыста проносится в воздухе. Два. Этот свист не исчезает, а становится только сильнее, чаще, злее. Нет! Это все не реально! Закрываю уши, и звук исчезает. Вот, теперь счету ничего не мешает. Три. Четыре. Пять... Досчитав до ста, наконец открываю глаза. Но... что? Почему ничего не исчезло?

В ужасе закрываю рот руками. Тело моего милого доброго Иссая, моего сказочного принца, такого хрупкого, как бледная снежинка, превратилось в месиво. Оно бессильно висит на веревках. Что они с ним сделали?

Настоятель, тяжело дыша, наносит последний, сотый удар. Бамбук с треском ломается о сломанные ребра мученика. Затем мужчина со злостью бросает бамбук на землю.

— Развяжите его. Пусть подышает за воротами.

Приказывает настоятель смутившимся монахам. Те опустили головы. Наконец, из толпы выделяются двое. Виновато медленно подходят к телу, заглядывают в глаза, словно беззвучно спрашивают: «Что это? Это вообще человек?»

Трясущимися руками монахи развязывают кровавые путы, прилипшие к дереву. Тело мгновенно падает в собственную лужу крови. Монахи хотят поднять бездыханное тело, унести с глаз долой, чтобы не стыдиться, но тут... Иссай поднимает голову. Медленно, с жутким хрюстом в груди, он пытается что-то сказать настоятелю.

— Наверное, это слова проклятья.

Проносится ропот среди монахов.

— Уберите его поскорей, пока он не навлек на нас смерть!

Два монаха грубо берут его за руки и ноги, пытаясь животом перевернуть вверх. Иссай или, вернее, то, что они с ним сделали, выкручивается в муках, но из последних сил произносит, постаревшим скрипучим голосом:

— Накамуро, настоятель Накамуро...

Настоятель, который уже давно развернулся спиной, чтобы уходить, вздрагивает. Он удивлённо поворачивается. На лице читаю немой вопрос: «Ты еще живой?»

— Накамуро, ты всегда был для меня как отец...

Мученик откашливается, захлёбываясь кровью.

— Строгий, но справедливый отец. Спасибо тебе, что там, на улице, ты не бросил меня, несмотря на мое уродство и немощь. Ты, свет знаний чистоты, мыл мои гниющие раны, не брезгуя. Я никогда этого не забуду.

Настоятель отшатывается. Его лицо на мгновение бледнеет от ужаса. Но потом снова собирается в гнев, чернеет. Мужчина гордо задирает голову, разворачивается и быстро уходит, пряча дрожащие руки в рукава.

Вскакиваю с футаона. Передо мной... все та же пристройка. Юки. Гэнины. И мятежники. Так это все лишь был сон? Слава богам!

Трогаю лоб Юки. Сухой. Жара нет.

— Холодно ...но больше не горит.

Потягивается девочка, пытаясь сильнее зарыться в худое одеяло. Мгновенно вскакиваю.

— Юки! Ты слышишь меня? Слава богам, жар спал! Корень помог!

Радостно оборачиваюсь к крестьянам, ожидая увидеть улыбки. Но... в пристройке стоит гробовая тишина. Сабуро обхватил голову руками и беззвучно шепчет молитву. Джин стоит в тени, скрестив руки, его лицо маска из камня. Рэн сидит в самом дальнем углу, уставившись в одну точку, его трясет. Да что с ними такое?

— Что случилось? Почему вы молчите? Где Иссай? Он пошел в свою келью?

Сабуро медленно поднимает палец и указывает в угол, где на соломе лежит длинный бугор, укрытый серым рваным одеялом.

Нет. Не верю.

— Иссай?... Хватит шутить. Вставай. Мы спасли ее. Ты слышишь? Ты победил лихорадку...

Берусь за край одеяла и резко дергаю его на себя. Крик ужаса невольно вырывается из моей груди. Иссай... это точно ты?

В одеяло завернут живой труп. Спина и бока превращены в кровавое месиво. Сквозь разорванную плоть видны обломки белых ребер. Со свистом, через раз, ребра вздымаются, как холмы. Он еще дышит! Юноша с трудом открывает один заплывший глаз, и... Эти глаза... Глаза Иссая! Такие чистые, нежные, светлые. Как серые гальки на дне горной хрустальной реки. Милый, что они с тобой сделали?

Иссай слабо-слабо шевелит пальцами, пытаюсь коснуться моего рукава. Перехватываю его руку, прижимаю к себе, словно хочу оградить от целого мира.

— Хотару, я...

— Не говори. Береги силы. Ты обязательно встанешь на ноги. Ты слышишь? У нас есть корень ледяного лотоса. Есть еще какие-то травы... у меня... в сумке. Я...

— Хотару...

Резко перебивает меня Иссай.

— Ты помнишь, я рассказывал тебе про ту постоялицу храма? Она стояла под дождем. Я соврал, что не знал о чем, она тогда молилась.

— Причем здесь это? Пожалуйста, береги силы.

— Она просила исцеления... У великого Будды. Она болела. Как ты думаешь? Будда ей ответил?

— Думаю, да. Ты же сам мне говорил, что у тебя было видение.

Иссай болезненно улыбается.

— Хотару, она умерла.

Слезы предательски катятся по моей шее, капают на руки, застилают обзор.

— Я не понимаю. К чему все это?

— Я похоронил ее в горах, поближе к Богу. Тогда шел снег. Было красиво.

— Не говори мне этого, Иссай... Не говори. Ты мучаешь меня.

— Хотару, про то видение... Истинный Будда это любовь... К людям. Не к статуям. Сделай так, что в твоей жизни было много любви. Слышишь?

Не говори мне этого, Иссай! Не будь таким эгоистом! Иначе... иначе... тебя возненавижу!

Уголки губ монаха в последний раз вздрагивают. Он шепчет:

— Много любви...

Глаза мальчишки стекленеют. Рука бессильно падает на солому. Он мертв.

Кричу громко, страшно, закинув голову назад. Это крик раненого зверя.

Вскакиваю, выхватываю меч из ножен. Клинок со свистом рассекает воздух.

— Кто?! Кто пошел к настоятелю?! Кто из вас, псов, продал его?!

Сабуро молчит, крепче сжимая кулаки. Джин медленно переводит холодный, презирующий взгляд на Рэна.

Из угла выходит противный крестьянин. Тот самый. С масляным лицом. Он смотрит на окровавленное тело монаха без тени жалости, но с мрачной правотой.

— Пока вы тут все слезы лили над отваром да травки толкли... кто-то оказался умнее. Кто-то пошел и сдал святошу. Потому что в этом мире, девка, за все надо платить. Монах думал, что можно спасти шлюху и остаться чистеньким? Нет. Небо забрало его жизнь взамен ее. Сама подумай — ни один так другой донес бы на нашего Исся.

Медленно опускаю меч. Лицо темнеет от злости. Тихо, сквозь зубы выдавливаю.

— И кто же это сделал?

Гробовая тишина.

— Кто?

Крик оглушает всю пристройку. В тишине слышен плач маленькой Юки, прижимающей к себе кролика. Но мне плевать на нее. Если никто ни признаётся, начну с настоятеля.

Медленно, с тихой злостью, шагаю в сторону святилища.

— Хотару... не надо! Не бери грех на душу! Прошу тебя...

Вырывается у Юки.

— Оставь её, Юки. Безумие — единственное, что у нее осталось после того, как эти святоши сломали ему ребра. Не мешай ей красить снег.

Голос Джина как под водой. И в висках пульсирует. Бум. Бум. Бум. Что за адская боль? Мне мерещится или Рэн действительно закрывает проход к святилищу? Да как он смеет?

— Это бессмысленно, Хотару! Уходи, пока монахи не подняли весь гарнизон. Ты не сможешь убить их всех!

Это уже не имеет значения. Ничего не имеет значения. Иссай умер. А значит, у меня ничего не осталось. Отпихиваю гэнина, и тот падает, словно тростинка, прибитая ветром. Надо

же... Во мне проснулось столько силы. Это похоже на одержимость. Впрочем, кому какая разница? Чем черт ни шутит.

С этой ухмылкой влетаю в зал. Там полумрак. Ряды зажжённых свеч колыхаются при ветре от ходьбы. Деревянный пол, начищенный до блеска, словно зеркало, отражает мой силуэт. Я гляжу в это темное отражение и вижу... себя. Безумную, злую, черную...

— Вы заплатили за убийство Иссая!

Крик, словно гром, оглушает стенки храма. Золотая статуя Будды грустно смотрит на нас, людей.

— Как смеешь ты повышать голос в храме, бесстыжая дева?

Из тени выходят трое монахов-воинов с тяжелыми нагинатами. Они окружают меня, угрожая напасть.

Но у меня есть преимущество — мой дар. Миг. И время резко замедляется. Звук падающих капель дождя за окном становится оглушительным, как удары барабана. Вспышка... И мои зрачки сужаются, как у змеи, готовящейся к прыжку.

Я вижу все. Все движения. Предвижу все атаки. Перед тем как первый монах делает реальный выпад, появляется полупрозрачный «призрак» его движения на полсекунды раньше. Синеватый силуэт копья уже пронзает воздух там, где сейчас окажется настоящее оружие. Отлично! Теперь вы все у меня попляшите!

Левый монах хочет сделать резкий колющий выпад нагинатой в грудь. Но... я просто отшагиваю в сторону до того, как копьё сорвалось с места. Лезвие проходит в миллиметре от моего кимоно, оставляя атакующего с носом. А сейчас отличный момент чтобы самой нанести удар. Скользящим движением вдоль древка отсекаю нападающему кисти рук. Монах кричит, согнувшись над обрубками своего тела. Это было так просто. Раз и нет кистей. Даже забавно.

Два оставшихся монаха решают сплатить усилия. Наивные. Они думают, я не догадаюсь, какой трюк они планируют провернуть. Призрачные фантомы монахов бьют одновременно: один рубит сверху по диагонали, второй делает подсечку по ногам. Изыщно прогибаюсь назад (уходя от верхнего рубящего удара) и одновременно выставляю катану вертикально вниз. Подсекающая нагината натывается на лезвие моего клинка. Клинг! Раздается звук металлического скрежета. Отталкиваюсь от древка врага ногами, делаю сальто назад, приземляюсь на одно колено и одним размашистым круговым ударом перерубаю сухожилия обоим противникам. Надо же. Во мне столько силы... Столько власти над их маленькими жизнями...

Но тут в зал врываются Рэн и Джин. Какая досада. Эти двое заберут все самое вкусное. Они серьёзно уверены, что я нуждаюсь в их помощи? Тут же откуда не возьмись прибывает вторая волна монахов: пять человек с дубинами и короткими мечами. Видя гибель своих товарищей, они с криками кидаются на гэнинов. Святая простота. От скуки наблюдаю за боем. И только сейчас замечаю, что гэнины дерутся грязно, хаотично и тяжело. Рэн отбивает атаки яростно и наотмашь. Он блокирует удар дубины своим наплечником, хрипит от боли, бьет монаха головой в лицо и добивает ножом в горло. Его движения полны отчаяния и... вины? За что он винит себя? Джин, напротив, действует расчетливо и цинично. Он уклоняется от

выпада, подставляет одного монаха под удар другого, саркастично ухмыляется и вонзает короткий клинок под куртку противника. «Эй, святоша, твой Будда отвернулся!» — бросает гэнин на ходу. И, конечно, они оба героически пытаются пробиться ко мне, чтобы спасти меня, свою глупую никчёмную госпожу. Зеваю. Надо найти настоятеля.

Настоятель находится в самой глубине зала, на возвышении. Он наблюдает за происходящим. Значит, когда мы тут рубились внизу, он просто смотрел на все как на шоу? Зло стискиваю зубы, прорываюсь сквозь толпу, оставляя за собой гору трупов.

Вот какой он настоятель — огромный мужчина в золоченой рясе, с тяжелым кованым деревянным посохом. И этот ублюдок бил моего милого Исая? Сжимаю кулаки. Сейчас, скотина, ты у меня попляшешь.

— Твой монах нарушил обет! Мы очистили эту землю от скверны его порочной связи с тобой! И тебя ждет та же участь!

Мразь... С какой уверенностью ты это говоришь... Откуда ты знаешь, каким он был? Ты что, читаешь души людей? Считаешь себя душеведом?

Настоятель делает шаг с постамента. Вот! Сейчас! Вижу призрачную проекцию удара, которая уходит глубоко в пол. Смещаюсь на шаг вправо. Посох в щепки разносит половицы там, где я стояла. А ты непрост, падрэ. Путь ненасилия, говоришь? Вжих! Призрачная проекция удара оставляет в темноте дугообразный след — горизонтальный замах целиться мне в шею. Тут же падаю на спину, проскальзываю по гладкому деревянному полу прямо под летящим посохом. Находясь на полу, снизу вверх вонзаю катану в бедро святоши. Мужчина падает на одно колено, но не сдается — хочет достать меня ножом. Надо же. Вскиваю. Миг. И я уже у него за спиной — дар показал мне траекторию его разворота. Перехватываю катану обратным хватом. А теперь время расправы! Без капли жалости, с леденящей жестокостью, наношу три быстрых удара: первый — в правое плечо (чтобы он выронил оружие), второй — под колени (чтобы полностью обездвижить), и финальный, медленный удар — вонзаю клинок в область ключицы, заставляя его пережить ту же долгую мучительную агонию, которую перенес Исая. С гордой победой выдергиваю клинок. Настоятель падает ниц. К моим ногам. В зале наступает звенящая тишина, нарушаемая только тяжелым дыханием раненого Рэна.

— Девчонка...

Хрипит смертника у меня под ногами.

— Ты гневаешься на меня... Но... я отдал этому храму пятьдесят лет своей жизни... И что ты думаешь? Никогда... Никогда... не было здесь такого беспорядка. Всегда полы начищены. Цветы... во дворе. Будда весь блестел. Хе-хе...

Настоятель кашляет кровью.

— А что теперь? Храм уничтожен. Монахи осквернены плотскими мыслями о женщине. Вековые традиции синтоизма исчезают. Мир уже тонет в грехе. Ты думаешь, что ты творишь праведный суд, но посмотри на себя. Разве этот твой мальчишка, Исая, проповедовал насилие?

— Замолчи! Замолчи! Замолчи!

Срываюсь я. Одним мощным замахом отрубаю голову настоятелю. Голова, как тяжелое яблоко, катиться по полу, с открытыми глазами, оставляя после себя брызги крови.

Поднимаю голову и вдруг вижу, что Будда плачет. Кровь запачкала его глаза и стекает по щекам точно слезы. Настоятеля прав. Я чудовище.

Падаю на колени. В лужу крови. Тоненький луч дневного света падает мне на лицо. Закрываю глаза ладонями, чтобы никто не видел мои слезы. Через какое-то время ко мне подходит Джин, осматривая поле боя. Он выдыхает струю холодного воздуха, с привычным сарказмом произносит:

— Красиво... Идеально чисто, госпожа. А теперь скажи — твое сердцебиение хоть немного замедлилось?

Поднимаю на него взгляд, в котором смешались опустошение и горькая, временная победа.

Рэн тяжело опирается на колонну, он ранен. У нас снова потери. Из-за меня.

В залитый кровью зал врываются Сабуро и его группа мятежников. Главарь банды кричит, указывая на трупы.

— Что ты наделала, Хотару?! Этот храм кормил всю округу! Рис больше не поступит, а власти повесят это на нас!

Рэн выступает вперед, загрохачивая меня, сжимая рукоять.

— Закрой рот, крестьянин. Она спасла свою честь.

Джин, напротив, опускает свой меч, его голос привычно спокоен и насмешлив:

— Рэн прав, не стоит мारать о вас руки. Но Сабуро здесь не ради споров о справедливости, верно?

Джин бросает холодный взгляд на темный угол зала. Там, вжавшись в стену, сидит Юки. Она в ужасе смотрит на трупы и обнимает свои исхудалые бока, словно пытается вжаться, спрятаться от этого мира.

Сабуро, этот внешне суровый великан, грубый, одноногий, со шрамами, вдруг робеет, смягчает тон, медленно шагая к девочке.

— Отдай нам Юки, Хотару. Ей не место с вами — дочерью самурая и псами-гэниннами. Ей место среди своих. Я выхаживал ее, когда она чуть не умерла от лихорадки, я в ответе за нее!

Поднимаю голову. Пронзаю взглядом старика. Да он издевается? Юки — все, что у меня осталось после Иссыя. Последний лучь света. Надежда на искупление. Он хочет у меня ее забрать? Сжимаю пальцы на рукояти меча. Вырастаю в полный рост.

— Она пойдет со мной. Я веду ее во дворец к моему брату. Он дайме, там она будет в безопасности и найдет свое место.

— Дайме даже не посмотрит на крестьянскую сироту! Ей нужна деревня, а не игры знати! Юки, иди ко мне.

Юки вздрагивает. Она переводит взгляд с меня на Сабуро. Судорожно сглатывает. Ее взгляд будто в тумане, пустой, мутный, далёкий. О чем же ты сейчас думаешь малышка? Включая свой дар и ...Ничего! Мурашки пробегают по моей спине. Как это возможно? Дар исчез? Нет. Не может быть. Я же только что использовала его в бое! Снова и снова пытаюсь подключиться к мыслям Юки. Но тщетно. Нет былой ментальной усталости, голова больше не болит. Но...неужели я больше не избранная, как говорил мне Массао? Из мрачных мыслей меня выводит голос Джина.

— Оставим споры. Юки, сама решай. С кем ты останешься? С дочерью самурая на пути во дворец или с этим крестьянином?

Наступает гробовая тишина. Все бунтовщики и наемники смотрят на маленькую сироту. Юки переводит взгляд на меня. С болью замечая, что она напугана. Чем же? Провожу руку по лицу. Проклятье! Кровь! Тру и тру лицо, но кровь только размазывается. Смотрю в отражение на полу. Это я. Истинное мое лицо.

Девочка тихо всхлипывает, выдавливая из себя слова:

— Я... я пойду с госпожой Хотару.

Слава богам! Выдыхаю.

Сабуро ошеломленно произносит:

— Юки...

У великана опускаются плечи. За одну секунду он из могучего главаря банды превращается в одинокого старика.

Юки смотрит на Сабуро, лишь ниже опускает голову, ее голос дрожит.

— Госпожа Хотару права. Я... я должна идти с ней.

Рэн с облегчением выдыхает, пряча клинок. Джин качает головой, кривя губы в понимающей, печальной усмешке.

— Как знаешь. Но если с ней что-то случится во дворце... боги тебе не простят, Хотару.

Сабуро с досадой сплевывает на залитый кровью пол и отступает назад, уводя за собой остальных бунтовщиков. Тяжелые двери храма с грохотом закрываются, оставляя меня и моих наедине с теньями.

Дождь размывает серую землю у пристройки синтоистского храма. Стук лопат о каменистую почву глушит восхитительную трель диких птиц. Но сейчас мне не до них. Я смотрю на

тело Исая, моего бедного милого мальчика, завернутого в грубую грязную рогожу — единственное, что мы нашли для достойного захоронения. Скоро моего бедного мальчика положат в яму, где темно и ничего не видно. Он будет совсем один... среди червей... посреди этой грязи. Как и при жизни, в этом проклятом храме с гниющими нравами. Почему Будда не защитил моего Исая? Он же был таким юным, таким чистым... Ему ведь даже не исполнилось двадцати!

Рэн копает яростно, швыряя грязь в сторону с такой силой, будто пытается пробить саму землю. На его лице смешались капли пота и дождевой воды, а в потемневших глазах горит глухая, злая обида. Смотрю на него с презрением. Какой он может меня ревновать даже сейчас, когда дело касается Исая?

Джин стоит чуть поодаль, опершись на рукоять меча, сохраняя безупречную, почти надменную осанку.

— Полегче, Рэн. Ты так докопаешь до самого горизонта.

Сухо и ровно произносит гэнин.

— Мертвецу уже всё равно, насколько глубока его постель. Настоятель позаботился о том, чтобы он заснул крепко.

— Заткнись, Джин.

Выплевывает Рэн, не переставая копать. Его голос дрожит от сдерживаемой ярости.

— Тебе-то что? Тебе всегда на всё плевать со своей колокольни.

— Мне просто претит бессмысленная трата сил, которая никого не вернет.

Парирует Джин.

Юки сидит на корточках под навесом, прижимая к груди крошечную деревянную фигурку кролика. Слезы беззвучно текут по её грязным щекам.

Рэн втыкает лопату в землю и тяжело дышит.

— Готово. Пора.

Гэнины вдвоем опускают тело Исая в узкую яму. Не могу на это смотреть! Неужели все так и закончится? Нет! Не могу в это поверить!

Отворачиваюсь. Со спины слышу глухой стук земли, которую сыпят на тело. Сворачиваюсь от боли. Как душно в груди. Будто хоронят не Исая, а меня. Заживо.

Когда холм готов и обложен камнями, встаю перед Исаям на колени. В грязь. Мой милый раненый мальчик... Нет. Сейчас я должна собраться. Ради последнего прощания:

— Исая был... другим... Лучиком света в темном царстве. Его сердце всегда оставалось искренним, чистым и открытым, несмотря на всю тьму вокруг нас. Он не боялся любить.

Юки садится вместе со мной. Она плачет. Поворачиваюсь к ней. Вытираю ей слезы.

— Не смей плакать. Иссай этого не оценит. Будь счастлива, Юки. Слышишь? Постарайся стать самой счастливой среди нас. Это и будет плата за его смерть.

Юки вытирает кулаком слезы. Молча кладет деревянного кролика рядом с грудой камней. Какая милая девочка.

И тут...Рэн резко поворачивается ко мне. Резко. Бросает прямо в лицо:

— Луч света? Из-за этого луча света мы теперь бежим как преступники! Нашли из-за кого рисковать головами! Обычный монах, который не умел держать язык за зубами.

Что он несет? Неужели он и правда такого мнения об Иссае?

Оглядываюсь на Джина в надежде на защиту. Но тот едва заметно и горько усмехается, только подливая масла в огонь своим холодным сарказмом:

— Как трогательно. Покойся с миром, праведник. Жаль только, что его святость не защитила его от палок настоятеля. Надеюсь, на том свете к нему проявят больше уважения, раз уж на этом он принес нам одни проблемы.

Тут я уже не выдерживаю.

— Замолчите! Оба!

Мой голос, словно обнаженный клинок, врезается в уши, заставляя сжаться даже маленькую Юки.

— Вы — мои гэнины, вы давали клятву верности! Но сейчас я вижу перед собой не воинов, а трусливых, мелочных псов, которые лают над свежей могилой! Иссай погиб, потому что проявил сострадание ко мне. Он погиб лютой, страшной смертью, пока вы стояли в тени. Как у вас хватает наглости осквернять его память своим ядовитым шепотом? Рэн, твоя обида ослепила тебя. Джин, твой мнимый ум превратился в дешевое шутовство. Если в вас не осталось чести, чтобы уважать чужую смерть — замолчите из уважения ко мне. Еще одно слово об Иссае в таком тоне, и вы пойдете к Сенсукэ в кандалах как изменники!

Джин замирает. Умылка мгновенно слетает с его лица. Пальцы на рукояти меча побелели от напряжения. Рэн тяжело дышит, уставившись в землю, его скулы ходят ходуном от уязвленной гордости и ревности. Он молчит.

Юки только крепче вжимает плечи в шею и боится вздохнуть.

Глубоко вздыхаю, возвращая себе ледяной самоконтроль, хотя мои плечи все еще мелко дрожат. Поворачиваюсь к отряду спиной.

— У нас мало времени. Выдвигаемся к моему брату Сенсукэ. Только у даймё мы найдем защиту. И упаси вас боги заставить меня пожалеть о том, что я взяла вас с собой.

Слышу, как гэнины проверяют свое оружие, тушат остатки следов. Наконец все вместе цепочкой тянемся по раскисшей лесной тропе. И каждый думает о своем.

Гла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.